

ISSN 0134-8515

**СЕВЕРНО
РУССКИЕ
ГОВОРЫ**

16

INTERDEPARTMENTAL LEXICOGRAPHICAL STUDIO
named after Prof. B. A. Larin

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Published since 1969

Issue 16

Interuniversity collection of articles

Editors A. Gerd, *E. Puritskaya*

Nestor-Historia
Saint Petersburg
MMXVII

МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. Ларина
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 16

Межвузовский сборник

Отв. редакторы А. С. Герд, Е. В. Пурицкая

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Ответственные редакторы: д.ф.н. проф. А. С. Герд (С.-Петербург), к.ф.н. *Е. В. Пурицкая* (С.-Петербург).

Редакционная коллегия: д.ф.н. проф. *Л. А. Ивашко* (С.-Петербург), к.ф.н. доц. *И. С. Лутовинова* (С.-Петербург), к.ф.н. проф. *Л. П. Михайлова* (Петрозаводск), член-корр. РАН *С. А. Мызников* (С.-Петербург).

Редакционный совет: д.ф.н. проф. *Н. В. Богданова-Бегларян* (С.-Петербург), д.ф.н. проф. *В. В. Колесов* (С.-Петербург), к.ф.н. доц. *Н. В. Маркова* (Петрозаводск), д.ф.н. проф. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск), д.ф.н. проф. *Е. А. Нефедова* (Москва), д.ф.н. проф. *Н. С. Сергиева* (Сыктывкар), д.ф.н. проф. *Г. В. Судаков* (Вологда), д.ф.н. проф. *О. А. Черепанова* (С.-Петербург).

Печатается по решению Ученого совета ИЛИ РАН

Севернорусские говоры. Вып. 16: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд,
Е. В. Пурицкая. — СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2017. — 324 с.

Сборник «Севернорусские говоры» (вып. 15 вышел в 2016 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. Это научное издание посвящено проблемам диалектологии, а также межъязыковым и межэтническим контактам. Статьи сборника отличает широкий сравнительно-исторический фон, внимание к фактам этнографии и древнерусской региональной письменности. Сборник предназначен для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ББК 81.2Рус-67я5

ISBN 978-5-4469-1330-5

9 785446 913305

ISSN 0134-8515
ISBN 978-5-4469-1330-5

© ИЛИ РАН, 2017
© Авторы статей, 2017

Northern Russian dialects. Issue 16: Interuniversity collection of articles / Editors A. Gerd, *E. Puritskaya.* — Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2017. — 324 p.

The «Northern Russian Dialects» is an academic collection focusing on the problems of dialectology, the inter-ethnic and inter-language contacts in the Russian North, particularly Russian, Baltic and Finnish contacts. The Collection is published once a year from 1969 by the Interdepartmental Lexicographical Studio named after Prof. Larin at Philological Faculty, St. Petersburg State University (SPSU) and from 2015 by the Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences. The Collection was founded by the famous Russian philologist prof. Boris Larin. The publications are mostly based on the extensive fieldwork with the focus on the regional vocabularies. The Collection is characterized by the wide comparative and historical background, draws attention to the ancient Russian regional literature, and highlights the issues of historical geography.

E d i t o r s : A. Gerd (Dr., Prof., SPSU, Russia), *E. Puritskaya* (Cand. Filol., Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences, Russia).

E x e c u t i v e B o a r d : *L. Ivashko* (Dr., Prof., SPSU, Russia), *I. Lutovinova* (Cand. Filol., Assistant Professor, SPSU, Russia), *L. Mikhailova* (Cand. Filol., Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia), *S. Myznikov* (Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr., Prof., Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences, Russia).

E d i t o r i a l B o a r d : *N. Bogdanova-Beglaryan* (Dr., Prof., SPSU, Russia), *V. Kolesov* (Dr., Prof., SPSU, Russia), *N. Markova* (Cand. Filol., Assistant Professor, Petrozavodsk State University, Russia), *I. Mullonen* (Dr., Prof., Director of Institute of Linguistics, History and Literature, Karelian Research Centre, Petrozavodsk, Russia), *E. Nefedova* (Dr., Prof., Lomonosov Moscow State University, Russia), *N. Sergieva* (Dr., Prof., Syktyvkar State University, Russia), *G. Sudakov* (Dr., Prof., Vologda State University, Russia), *O. Cherepanova* (Dr., Prof., SPSU, Russia).

© Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences, 2017

© Authors, 2017

ISSN 0134-8515

ISBN 978-5-4469-1330-5

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

И. В. Бродский

Из финно-пермских фитонимических портретов: мышинный горошек (*Vicia cracca*) 13

Л. П. Михайлова

О возможностях разграничения исходного слова и экстенциальной лексической единицы 32

С. А. Мызников

Лексика ярославских говоров в этимологическом контексте 48

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Л. Васильев

К вопросу о связях севернорусских говоров с говором села Русское Устье на Северо-Востоке Якутии 63

М. Д. Королькова

Наименования сруба и способов соединения бревен: сопоставительный анализ данных Присурского Поволжья и севернорусских говоров 76

Я. В. Мызникова

Севернорусский компонент в рыболовецкой лексике русских говоров Ульяновской области 96

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ:

ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

М. В. Боброва

О диалектных лексических формантах: к постановке вопроса (на материале ЛСГ «Ягоды») 107

Е. А. Кирилова

Типы аффиксов в морфемной структуре основ сложных слов и их семантические отношения с другими морфемами (на материале «Словаря вологодских говоров») 127

И. Е. Колесова
Семантические модели формирования в русских говорах
словообразовательных парадигм когерентных существи-
тельных на базе числительных 138

Е. С. Лунькова
Префиксально-суффиксальные словообразовательные ти-
пы отсубстантивной деривации в смоленских говорах 148

Л. Н. Новикова
Словообразовательные категории проявления и становле-
ния признака в тверских говорах 159

Л. Г. Яцкевич
Особенности ситуативной метонимии диалектных глаго-
лов 167

ДИАЛЕКТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е. В. Колосько
Диалектная лексика Санкт-Петербургской губернии в мате-
риалах Словаря русских народных говоров 185

А. Н. Левичкин
Отрывок русско-голландского словаря XVII века из Пскова 196

ОНОМАСТИКА

Н. С. Ганцовская, Т. В. Горлова
Севернорусские черты в костромских говорах с наме-
чающейся переходностью (на материале топонимикона
г. Нерехты) 236

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. Н. Драчева, Т. Г. Комиссарова
«Мир детства» в записях устной речи жителей Вологодско-
го края (на материале электронного корпуса региональных
текстов «Жизненный круг») 247

<i>Л. А. Ивашко, Д. М. Поцепня, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова, О. И. Трофимкина, А. Д. Еськова, И. С. Кукушкина</i> Весенний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России	262
<i>Е. Н. Ильина</i> Одежда жителей Режи как компонент локальной картины мира	280
<i>И. Б. Качинская</i> Номинация отца в архангельских говорах	300

CONTENTS

LANGUAGE CONTACT

I. Brodsky

Finno-permic phytonymical portraits: cow vetch (*Vicia cracca*) 13

L. Mikhailova

On the possibilities of distinguishing between the original word
and the extended lexical unit 32

S. Myznikov

Vocabulary of Yaroslavl dialects in the etymological context 48

AREAL STUDIES

V. Vasilyev

To the Question of Relationships between the Northern Russian
and the Language of Village of Russkoye Ustye in the North-East
of Yakutia 63

M. Korolkova

Words denoting log construction and log joining techniques:
a comparative analysis of the material collected in the Sura area
of the Volga region and the data of Northern Russian dialects 76

Y. Myznikova

The North-Russian component in the fishing vocabulary of
Russian dialects of Ulyanovskiy region 96

DIALECT DYNAMICS AND STABILITY

M. Bobrova

About the dialect lexical formants: concerning the problem
statement (on the material of the lexical-semantic group “Ber-
ries”) 107

E. Kirilova

Affixes' types in the morphemic structure of the composite
words' bases and their semantic relations with other morphemes
(by the material from “The Dictionary of the Vologda region's
dialects”) 127

<i>I. Kolesova</i>	
The semantic models of word-formation paradigms of coherent nouns on the basis of numerals in Russian dialects	138
<i>E. Lunkova</i>	
Word-formational Types of the Dialect Words with Prefixes and Suffixes Derived from Nouns in the Smolensk Dialect	148
<i>L. Novikova</i>	
The Derivational Categories of the Formation and Manifestation of a Feature in Tver Dialects	159
<i>L. Yatskevich</i>	
Peculiarities of situational metonymy of dialect verbs	167

LANGUAGE HISTORY AND DIALECTS

<i>E. Kolosko</i>	
Dialect vocabulary of St. Petersburg Province in materials of the Dictionary of Russian folk dialects	185
<i>A. Levichkin</i>	
A fragment of the russian-netherlandish dictionary of the XVII century from Pskov	196

ONOMASTICS

<i>N. Gantsovskaya, T. Gorlova</i>	
Features of dialects of the Russian North in Kostroma dialects with transitivity being outlined (in terms of toponymy of the town of Nerekhta)	236

LEXICON OF FOLK CULTURE

<i>Yu. Dracheva, T. Komissarova</i>	
The 'childhood world' in oral stories of the Vologda region inhabitants (on the basis of The Circle of Life electronic database)	247
<i>L. Ivashko, D. Potsepnyya, I. Lutovinova, M. Tarasova, O. Trofimkina, A. Eskova, I. Kukushkina</i>	
Russian Northwest Country Folklife-orthodox Calendar (spring period)	262

E. Iliina

Clothes of Rezha inhabitants as an element of the local picture
of the world 280

I. Kachinskaya

The terms defining 'a father' in Arkhangelsk dialects 300

И. В. Бродский

ИЗ ФИННО-ПЕРМСКИХ ФИТОНИМИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ: МЫШИНЫЙ ГОРОШЕК (*Vicia cracca*)

Аннотация. В данной работе автор исследует все народные названия мышиного горошка (*Vicia cracca*) в ряде европейских финно-угорских языков. В этих языках насчитывается свыше сотни таких названий, подавляющее большинство которых — сложные (или составные) слова. Большинство таких названий содержится в прибалтийско-финских языках. Многие из них имеют в своем составе детерминант (определитель класса объекта номинации), например, ‘трава’, ‘стручок’.

Многие из этих названий распространяются не только на мышиный горошек, но и на родственные ему бобовые растения, такие как чина весенняя или горошек заборный. В качестве последнего компонента часто используется слово со значением ‘горох’.

В качестве последнего компонента сложных названий мышиного горошка часто выступает фитоним со значением ‘горох’. Сравнение мышиного горошка с горохом естественно — растения очень похожи друг на друга, но мышиный горошек выглядит меньше, миниатюрнее.

Во многих названиях мышиного горошка первым компонентом оказывается зоосемизм, чаще всего это названия мыши или журавля. Роль мыши в номинации *Vicia cracca* вообще велика, особенно в финно-пермских и русском языках, и в полной мере пока еще не может быть объяснена. Основное объяснение — миниатюрность мыши характеризует малые, по сравнению с посевным горохом, размеры мышиного горошка.

Кроме названий мыши, в состав сложных названий мышиного горошка часто входят названия журавля, но в составе таких фитонимов могут встречаться и названия других животных: барана, вороны, змеи, кошки, кукушки, кузнечика, пегуха, птицы и собаки. Причины формирования моделей номинации сложных фитонимов, содержащих зоосемизмы, во всех случаях различны.

Ключевые слова: финно-угорские языки, финно-пермские языки, лексика, фитонимы, названия растений, мышиный горошек.

Мышиный горошек (*Vicia cracca*) — вид травянистых растений семейства бобовых (*Fabaceae*). Этот вид весьма распространен, имеет заметные отличительные черты и поэтому имеет множество названий.

В данной статье рассматриваются названия мышиного горошка в финно-пермской ветви финно-угорских языков (включаящей прибалтийско-финские, мордовские, марийский и пермские языки). Объектом нашего исследования являются только народные фитонимы (названия растений).

Большинство этих названий — сложные (составные), двухкомпонентные фитонимы, вторым, определяемым компонентом которых чаще бывает детерминант (определитель класса объекта номинации). Мышиный горошек — растение травянистое, и поэтому в качестве такого детерминанта естественным образом выступают слова со значением ‘трава’. Другой детерминант, распространенный в названиях мышиного горошка, — ‘стручок’: семена этого растения располагаются в стручках, как у посевного гороха. Последнее обстоятельство стало причиной того, что в качестве третьего распространенного детерминанта названий *Vicia cracca* в финно-пермских языках выступают слова со значением ‘горох’.

Названия растений рассматриваются ниже отдельно по ветвям финно-пермских языков (прибалтийско-финская, мордовская, марийская, пермская). Фитонимы объединяются в 61 лексико-семантическое гнездо; эти гнезда пронумерованы нами в целях навигации. Внутри языковых ветвей и отдельных языков названия мышиного горошка даются в алфавитном порядке. Во всех случаях мы сохраняем транскрипцию источника.

Прибалтийско-финские названия мышиноного горошка

(1) эст. *hiirellkõrv, iirellkõrvad*

Букв. ‘мышинное ухо’.

Это название в эстонском языке может также относиться к веснянке весенней, незабудке болотной и пастушьей сумке. Вероятнее всего, с мышинным ухом в этом фитониме сравнивается цветок растения, по форме напоминающий ухо.

В близкородственном финском языке фитоним *hiirenllkorva* относится к майнику двулистному и ястребинке.

(2) эст. *hiirelllääts*

Букв. ‘мышинная чечевица’.

Чечевица — пищевое бобовое растение, очень напоминающее внешним видом мышинный горошек или чину, за исключением ромбовидных стручков. Поэтому сравнение мышиноного горошка с чечевицей выглядит весьма естественным.

(3) фин. *hiirenllheinä*; кар. собств. *hiirenllheinä*; кар. ливв. *hiirenllheiny*; эст. *hiirellhein, hiirellhain*

Букв. ‘мышинная трава’.

О мотивации названий мышиноного горошка и схожих растений зоосемизмами со значением ‘мышь’ см. ниже.

Ср. рус. *мышья трава* ‘мышинный горошек’ [СРГК 3: 280 с пометами Подп. — Подпорожский р-н Ленинградской обл. и Прион. — Прионежский р-н Республики Карелия]. Этот русский фитоним зафиксирован только в вепском языковом ареале, что может указывать на функционирование там и вепского названия мышиноного горошка, созданного по данной модели.

(4) фин. *hiirenllherne, hiirenllhernet, hiirellhernes*; кар. собств. (тверские говоры) *hiirenllherneh*; ижор. *hīrehllherne*; вепс. *hir' enllherneh, hīrenllherneh, hir' enllhernež*; эст. *hiirellherne, hiirellhened, hiirellhernes, hiirilhernes, iirelerne(d), iirellärnes, iirilernes*; вод. *iirellerne, iire(e)llerne, īrellerned, iirilerne*; лив. *īrljērnaz*

Букв. ‘мышинный горох’.

Соответствия этой модели номинации в близкородственных языках: фин. *hiiren||herne* ‘мышинный горошек’, ‘чина луговая’; кар. (повсеместно) *hiiren||herneh* ‘мышинный горошек’; ижор. *hīreh||herne* ‘мышинный горошек’; эст. *hiire||hernes* ‘мышинный горошек’; вод. *īrè||erne, īrī||erne* ‘мышинный горошек’; лив. *īr||jērnaz* ‘мышинный горошек’; в других родственных языках: эрз. *чеерень кснав* ‘мышинный горошек’; мар. *коля||вурса* ‘мышинный горошек’; коми зыр. *шыр||анькытш* ‘мышинный горошек’; коми перм. *шыр гöридз* ‘мышинный горошек’.

Южноэстонское *hiire* ‘мышинный горошек’ (форма множественного числа), по-видимому, является сокращением именно этого фитонима. Вообще, судя по данным [Vilbaste], южноэстонские варианты названий мышиноного горошка, образованные по данной модели, обычно имеют форму множественного числа.

Полная общность компонентов позволяет возвести вепсский фитоним к общеприбалтийско-финской эпохе. Ср. также идентичное лит. *pelė||žirnis* ‘чина’, букв. ‘мышинный горох’.

(5) фин. *hiiren||kaura*

Букв. ‘мышинный овес’.

По этой же модели образовано марийское название овсяницы луговой *коля||шүльö*.

(6) кар. ливв. *hīren||näri* (||*hein*), *hīrem||närtte*

По-видимому, приблизительное буквальное значение фитонима ‘мышинная звездчатка (мокрица)’, ср. вепс. *näre||hein* ‘звездчатка (мокрица)’.

(7) фин. *hiiren||nätä, hiiren||nätkin, hiiren||nätky, hiiren||nätkä, hiiren||näkki, hiiren||njäkki*; кар. собств. *hiiren||näitti*; ижор. *hīren||nättü*; вод. *iiree||nättü*

Букв. ‘мышинная чина’; возможно и толкование ‘мышинная звездчатка’ — см. ниже гнездо (28).

(8) фин. *hiiren||palko*; кар. собств. (тверские говоры) *hiiren||palgo*

Букв. ‘мышинный стручок’.

В финском языке фитоним может относиться и к чине луговой.

(9) фин. *hiiren|piirainen*; кар. собств. *hiirem|piiråå*, *hiirem|piiroa*; кар. ливв. *hiirem|piirai*; кар. ливв. *hīrem|pīrag*

Букв. ‘мышинный пирог (пирожок)’.

(10) фин. *hiiren|papu*

Букв. ‘мышинные бобы’.

В основе этого названия — сравнение растения с «большими» бобами.

(11) фин. *hiiren|rista*

Букв. ‘мышинный крест’.

Название дано, по-видимому, по форме цветков, напоминающих маленькие кресты.

(12) фин. *hiiren|rokka*, *hiiren|rokkal|heinä*

Букв. ‘мышинная похлебка’.

(13) фин. *hiiren|verkko*

Букв. ‘мышинная сеть’.

Ср. семантически близкое название в норвежско-саамском языке: саам. *fierbmelrássi*, букв. ‘сеть-трава’.

(14) фин. *hiiren|virna*; эст. *hiire|vikk*

Букв. ‘мышинная вика’.

(15) эст. *hiire|näkk*

Букв. ‘мышинная задница’.

Это название распространено на Северо-Востоке Эстонии, в Вирумаа; не вполне ясно, какая часть растения дала повод для такого наименования. Альтернативное толкование ‘мышинная русалка’ кажется нам невозможным.

(16) эст. *kassil|hernes*

Букв. ‘кошачий горох’.

Модель, по которой образовано это название, не является распространенной в рассматриваемых языках. Она появляется еще

раз в удмуртском языке (*писэй|кӧжы* ‘просвирник’), где явно имеет тюркское происхождение (ср. тат. *мәче борчагы* ‘просвирник’ или *песи борчагы* ‘то же’).

Происхождение такого названия не вполне ясно; впрочем, как показывает вся совокупность финно-угорских фитонимических материалов, появление зоосемизмов в составе названий растений чаще носит совершенно произвольный характер и не может быть объяснено удовлетворительно.

(17) эст. *kikkalkannus*

Букв. ‘шпора петуха’

По-видимому, с петушиной шпорой в этом названии сравнивается острый стручок растения.

(18) фин. *kurjen|papu, kuren|papu*

Букв. ‘журавлиные бобы’.

Данное финское название относится и к горошку заборному.

В названии отражается пищевое пристрастие журавлей к гороху (об отражении этого факта в финской народной фитонимии см. в работе И. Ю. Винокуровой [Винокурова 2006]). Мышиный горошек или другие дикорастущие растения при этом «отводятся» журавлю, т. к. посевной горох принадлежит человеку.

Это же относится и к трем последующим гнездам.

(19) эст. *kure|lernerd, kure|lernes*; вод. *kurgõ|lerne, kurgõõ|lerne*

Букв. ‘журавлиный горох’.

Соответствия в близкородственных языках: фин. *kurjen|herne* ‘астргал’, ‘мышиный горошек’, твер. кар. *kurren|herne* ‘вика посевная’, эст. *kure|lernes* ‘мышиный горошек’; в др. родственных языках данная модель номинации также представлена: эрз. *каргонь кснав* ‘мышиный горошек’, мар. *турня|вурса* (Г. *тырня|вырса*) ‘чина лесная’, удм. *тури|кӧжы* ‘чина’.

В мокшанском языке имеется название мышиного горошка *каргонь куфтол|снав*, букв. ‘журавлиный стручковый горох’.

(20) эст. *kure|hein*

Букв. ‘журавлиная трава’.

(21) фин. *kurjenlriista, kurenlriista*

Букв. ‘журавлиный крест’.

(22) фин. *linnunlherne*

Букв. ‘птичий горох’.

Определение ‘птичий’ объясняется с трудом; мы предполагаем определенное влияние германских названий этого растения, ср. шв. *fågellvicker*, нем. *Vogel-Wicke*, букв. ‘птичья вика’; впрочем, возможно и такое же объяснение, какое дано нами в гнезде (18).

(23) фин. *linnunlparu*

Букв. ‘птичьи бобы’.

(24) эст. *metsalnerd*

Букв. ‘лесной горох’.

Определение *metsal-*, вероятнее, следует перевести как ‘дикий’ в противоположность домашнему, посевному гороху: в прибалтийско-финских языках определение ‘лесной’ имеет также значение ‘дикий’, ср., напр., вепс. *mecllhumau* ‘дикий хмель’ [СВЯ: 324].

Название может относиться и к чине весенней.

(25) эст. *metsllhiirelhernes*

Букв. ‘лесной мышинный горох’.

Также может относиться к чине весенней. Роль уточняющего определения *metsl-* ‘лесной’ не вполне ясна.

(26) фин. *näkillheinä, näkinlheinä*

Букв. ‘трава водяного’.

(27) эст. *mõtsllääts*

Букв. ‘лесная чечевица’.

По поводу последнего компонента см. гнездо (48).

(28) фин. *nätkimä, nätkelmä, nätkin, nätky, nätkymä, nätkyvä*; ижор. *nättü*

Название ряда бобовых растений в финском языке [SSA II: 255]; SSA указывает на его этимологическую связь с фин. *nätä*,

näty, nätty, кар. *nätšä*, вепс. *näčellhein* ‘звездчатка средняя *Stellaria media*’ [SSA II: 256].

(29) эст. *oinalsarved*

Букв. ‘бараньи рога’.

В этом названии с рогами, вероятнее всего, сравниваются созревшие и лопнувшие стручки растения: их сухие половинки скручиваются в рогоподобные спирали.

(30) кар. собств. *piiraislheinä*

Букв. ‘пирожковая трава’.

Ср. также гнездо (9) ‘мышиный пирог’.

(31) эст. *rotillhernes*

Букв. ‘крысиный горох’.

Зоосемизмы со значением ‘крыса’ вообще необыкновенно редко встречаются в составе финно-пермских сложных фитонимов (известно всего несколько примеров).

(32) фин. *siniin hiirenlheinä*

Букв. ‘синяя мышиная трава’ (‘синий мышиный горошек’).

Определение со значением ‘синий’ в составе этой и последующих моделей относится к цветкам растения.

Ср. рус. **синий горох** — весьма распространенное название мышинного горошка [СРНГ 7: 65].

(33) фин. *sininen hiirenlherne*; эст. *sinine hiirelhernes, sinine iirelhernes*

Букв. ‘синий мышиный горох’ (‘синий мышиный горошек’).

(34) фин. *sininen hiirenlrista*

Букв. ‘синий мышиный крест’ (‘синий мышиный горошек’).

С крестом, вероятнее всего, сравниваются цветки растения.

(35) фин. *sinilnätkymiä, sinilnkätkymiä*

Букв. ‘синее бобовое растение’.

Фин. *nätkymiä* относится чаще к вике, и сложное название можно также перевести как ‘синяя вика’.

(36) фин. *sinl|virvlä*

См. ниже *virveli*, *virvilä*.

Букв. ‘синяя чечевица’.

По поводу компонента со значением ‘чечевица’ отсылаем к гнезду (48).

(37) фин. *sirkan|rista*

Букв. ‘крест кузнечика’.

Определяющий компонент, имеющий значение ‘кузнечик’, в составе финно-угорских народных названий растений попадает исключительно редко; почти все известные примеры сконцентрированы в финском языке.

По поводу последнего компонента см. гнездо (34).

(38) эст. *surnull|endvad*

Букв. ‘болезни мертвеца’.

Неясно.

(39) фин. *terval|heinä*

Букв. ‘смоляная трава’.

В финском языке — распространенное название гвоздики-травянки. Вероятнее всего, оно перенесено на мышинный горошек именно с этого растения (по схожести окраски цветков).

(40) эст. *tibukese*

Букв. ‘миленькие, дорогие (мн. число)’.

(41) эст. *tuule|rohud*

Букв. ‘травы ветра’.

Неясно.

(42) эст. *ussil|hernes*

Букв. ‘змеиный горох’.

В эстонской фитонимии определение *ussil*- ‘змеиный’ очень распространено. Включающие его сложные названия относятся к десяткам растений. К указанному названию особенно близко семантически название акации *ussil|herne|puu*, букв. ‘дерево змеино-го гороха’.

Напрашивающееся толкование названия, основанное на сближении плетущихся растений с образом змеи, сомнительно именно по причине многочисленности фитонимов с определяющим компонентом ‘змеиный’, относящихся ко множеству абсолютно не схожих между собой растений.

Ср. рус. *гадючий горошок* ‘мышиный горошек’ [Анненков 1878: 379].

(43) эст. *ussilkurelhernes*

Букв. ‘змеиная вика (посевная)’.

(44) фин. *variksenlherne*

Букв. ‘вороний горох’.

Возможно, это частичная калька основного шведского названия мышинного горошка *kråklvicker*, букв. ‘воронья вика’; очевидно, сам шведский фитоним — результат народной этимологии (*kråk(e)*, ср. лат. *cracca*; *kråklvicker* = *Vicia cracca*).

Это же замечание, по-видимому, относится и к следующему гнезду.

(45) кар. собств. *variksenlpiirat*

Букв. ‘вороньи пироги’.

(46) эст. *vikid*

Букв. ‘вика’ (в форме множественного числа).

(47) фин. *virna, virnaja, virne*

Это название относится в основном к вике и подмареннику.

Ср. эст. *virn* ‘подмаренник’.

(48) фин. *virveli, virvilä*

Основное значение слова как фитонима — ‘чечевица’. Сравнение мышинного горошка с чечевицей присутствует в эстонском языке (см. выше эстонские сложные фитонимы с определяемой частью *lääts* ‘чечевица’). Оба растения очень похожи друг на друга.

Значение современного финского слова *virveli* — ‘спиннинг, закидная удочка’. Слово заимствовано из шведского языка, ср. шв.

svirvel ‘то же’. Длинные цепляющиеся стебли мышиноного горошка, снабженные усиками, действительно, могут напоминать леску удочки. Однако если верить Этимологическому словарю современного финского языка [NSES: 1504], это слово вошло в финский язык не ранее 1880-х гг., а распространилось в языке гораздо позже: в словари оно попало уже в независимой Финляндии.

Фитонимы же, о которых идет речь, встречаются в работах Рейнхольма [Reinholm 1851] и Леннрота [Lönnrot 1860]; кроме того, они зафиксированы в финских народных говорах. Значит, они не имеют отношения к шв. *svirvel*.

Ср. рус. *чечевичка дикая* ‘мышиный горошек’ [Анненков 1878: 379].

(49) эст. *voolmel/rohi(d)*

Букв. ‘травы [от] болезненного распухания желез’.

Это же название относится к золотарнику и чернокорню лекарственному.

Название является результатом номинации растения по признаку лекарственности. Растением растирали болезненные места.

Мордовские названия мышиноного горошка

(50) мокш. *бабань мадя*

Букв. ‘бабья нога’.

(51) мокш. *варсиень куфтол*

Букв. ‘вороний стручок’.

Ср. данные выше фитонимы — гнезда (44) и (45).

(52) эрз. *дикой вика*

Букв. ‘дикая вика’. Оба компонента данного фитонима заимствованы из русского языка.

(53) эрз. *изель-вазель*

По-видимому, это фонетическая вариация на номенклатурное русское название травянистого растения вязель. Это подтверждается тем, что рус. *мышинные стручки*, *мышьи стручки*, т. е. названия, образованные по семантической модели, относящей-

ся в финно-пермских языках к мышиному горошку, обозначают в т. ч. вязель [СРНГ 19: 70].

См. также коми зыр. *везель*.

(20) мокш. *карга тише*

Букв. 'журавлиная трава'.

Две модели номинации мышинового горошка (данная и следующая), в которые входят слова со значением 'журавль', функционируют и в прибалтийско-финских языках.

(19) эрз. *каргонь кснав* ([MW]: *kargoń ksnav, kargîñ gznav*)

Букв. 'журавлиный горох'.

Этот фитоним может относиться также к вике мышиной.

Точное мокшанское соответствие *kargêñ snav, kargêññ snav (snauc)*, *kargêñ ksnav* [MW] относится к вязелю.

(54) мокш. *каргонь куфтол, каргонь куфтолснав*

Букв. 'журавлиный стручок' ('журавлиный стручковый горох').

(4) эрз. *чеерень кснав*; мокш. *šäjäřêñ ksnav, šejereñ snav* [MW]

Букв. 'мышинный горох'.

(8) мокш. *шееронь куфтол*

Букв. 'мышинный стручок'.

Марийские названия мышинового горошка

(4) мар. *коля|вурса, Г. каля|вырса*

Букв. 'мышинный горох'.

(44) мар. *корак|пурса*

Букв. 'вороний горох'.

(55) мар. *пий|вурса, Г. пил|вырса*

Букв. 'собачий горох'.

В составе финно-угорских фитонимов слова со значением 'собака' чаще указывают на непригодность растения в пищу, в отли-

чие от растения, название которого выступает в качестве последнего компонента — в данном случае ‘горох’.

Пермские названия мышиного горошка

(56) коми зыр. *везель*

Фитоним заимствован из русского языка (< рус. *вязель*).

Вязель (скорее всего, наиболее распространенный на Северо-Западе России вязель завитой *Coronilla scorpioides*) весьма похож на мышиный горошек: он также относится к мотыльковым бобовым растениям.

Словарь Анненкова [Анненков 1878: 379] относит рус. *вязель* также к мышиному горошку. Это же относится и к двум последующим гнездам.

(57) коми зыр. *везель пирег*

Букв. ‘вязель-пирог’.

(58) коми зыр. *везель турын*

Букв. ‘вязель-трава’.

(24) коми зыр. *вӧр анькыти*

Букв. ‘лесной горох’.

(59) коми зыр. *кӧк пирӧг*

Букв. ‘пирог кукушки’.

(4) коми зыр. *шыр|анькыти, шыр|анькыти гӧрысь*

Букв. ‘мышиный горох’.

(60) коми зыр. *шыр|гӧрыдз, шыр|гӧрысь, шыр|гӧреч, шыр|гӧрысь турун*; коми перм. *шыр гӧридз*

Букв. ‘мышиный стебель (гороха)’.

Названия этого и предыдущего гнезда трудно отделить друг от друга, т. к. коми *шыр|анькыти* может употребляться с дополнительным детерминантом *гӧрысь* (*гӧрыдз*).

(61) коми зыр. *шыр|либов*

Букв. ‘мышинная любовь’.

Коми зыр. *любовь, либов* < рус.

(9) коми зыр. *шыр|пирӧг*

Букв. ‘мышинный пирог’.

(8) коми зыр. *шыр|пуртӧс*

Букв. ‘мышинный стручок’.

Итак, в финно-пермских языках, как и во многих других, именно названия мышиноного горошка тесно связаны с образом мыши. Нельзя сказать, чтобы эта связь была до конца ясна; также трудно определенно указать на ее происхождение.

Напрашивающаяся связь растения *Vicia cracca* и мыши — это миниатюрность растения и животного: стручки мышиноного горошка малы по сравнению со стручками знакомого всем посевного гороха, а мышь — самое маленькое теплокровное животное, известное финно-угорским народам. Еще одно обстоятельство может иметь значение для подобной номинации мышиноного горошка: мыши охотно поедают запасенный человеком горох. Кроме того, существуют представления о том, что мышинный горошек — излюбленная пища мышей; в частности, автор этих строк сталкивался с такими утверждениями в экспедиционной работе. Эти представления, однако, не соответствуют действительности.

Кроме мышиноного горошка «мышинные» модели номинации чаще относятся к различным видам чины: действительно, чина и мышинный горошек похожи и потому слабо различаются в народной фитонимии.

Еще одно животное, названия которого часто мотивируют фитонимы со значением ‘мышинный горошек’, — это журавль.

Кроме названий этих двух животных, в состав сложных (составных) названий мышиноного горошка в финно-пермских языках могут входить зоосемизмы со значениями ‘баран’, ‘ворона’, ‘змея’, ‘кошка’, ‘кукушка’, ‘кузнечик’, ‘петух’, ‘птица’ и ‘собака’. Как показывают сравнительные исследования фитонимов, это достаточно внушительный список для одного растения. Иногда включение зоосемизмов в состав фитонимов имеет ясные причины, на-

пример, кормовое использование растения, схожесть какой-либо морфологической части растения и части тела животного.

Семантическая модель ‘мышиный горох’ (4) в отношении мышиноного горошка и, реже, чины распространена в лексике следующим образом: фин. *hiiren||herne*; кар. (повсеместно) *hiiren||herneh*; ижор. *hïreh||herne*; вепс. *hir'en||herneh*; эст. *hiirel||hernes*; вод. *îrèl-erne*, *îrilerne*; лив. *îr||jernaz*; эрз. *чеерень кснав*; мар. *коля||вурса*; коми зыр. *шыр||анькытуи*; коми перм. *шыр||гöридз*.

В эстонском языке фитоним *hiirel||hernes* (и другие его фонетические варианты) может относиться и к следующим растениям: горошек заборный, лядвенец рогатый, чина весенняя, чина луговая, чина посевная.

Эта модель номинации оказывается чуть ли не универсальной для финно-пермских языков. Более того, в прибалтийско-финских названиях мышиноного горошка, созданных по данной модели, присутствует полная материальная общность компонентов; это значит, что истоки функционирования модели следует искать как минимум в общеприбалтийско-финской языковой общности. Таким образом, русское название растения не могло быть калькировано в прибалтийско-финские языки. Однако фитонимы, функционирующие в других родственных языках, вполне могут оказаться кальками рус. *мышиный горошек*, *мыший горох* или фитонимов, имеющих в других контактных языках: тат. *тычкан борчагы* ‘мышиный горошек’, лит. *pelė||žirnis* ‘чина’. Также ср. рус. *горох мышевий*, относящееся к определенному сорту посевного гороха [СРНГ 7: 65].

Как показывают лексические данные, слова со значением ‘мышь’ (‘мышиный’) входят в состав не менее чем половины прибалтийско-финских названий мышиноного горошка. Для сравнения — в европейских языках случаи включения такого зоосемизма в названия мышиноного горошка исключительно редки.

Другая, семантически близкая модель ‘мышиный стручок’ (8) распространена в отношении мышиноного горошка следующим образом: фин. ингерм. *hiiren||palko*; кар. ливв. *hiiren||palgo*; мокш. *шеронь куфтол*; коми зыр. *шыр||пуртöс*.

Ср. рус. *мышьи стручки* ‘вязель’ [СРНГ 19: 70].

Модель ‘мышинная чина’ (7) в отношении мышиногоршковой присутствует только в прибалтийско-финских языках: фин. ингерм. *hiiren|näätä, hiiren|nätkä*; кар. ливв. *hiiren|näitti(|heinä), hiiren|näittä(|heinä), hiiren|näitti(|heinä)*; ижор. *hīren|näittä*; вод. *irè|näittä*.

Несмотря на распространенность модели, каких-либо соответствий за пределами прибалтийско-финской ветви, по-видимому, нет.

Модель ‘мышинный пирог’ (9) представлена следующими фитонимами: фин. *hiiren|piirainen*; кар. собств. *hiiren|piirää, hiiren|piiroa*; кар. ливв. *hiiren|piirai*; кар. ливв. *hīren|pīrag*; коми зыр. *шыр|пирөг*.

Замыкающая ряд «мышинных» моделей, активных в отношении мышиногоршковой в финно-пермских языках, данная модель семантически близка предыдущим. У финно-угорских народов и русских были распространены различные гороховые пироги; возможно, это и есть причина появления подобных названий.

Ср. рус. *мыший пирожок* ‘мышинный горошек’ [СРГК 3: 280 с пометой *Подп.* — *Подпорожский р-н Ленинградской обл.*]. Возможно, русский фитоним является калькой карельского.

Кроме описанных моделей номинации мышиногоршковой в рассматриваемых языках, имеется и ряд других, общих для двух или нескольких языков. В трех из них в качестве определяющего компонента выступает зоосемизм со значением ‘журавль’. Журавль, действительно, поедает множество видов растительной пищи, в числе которых и посевной горох, это любимый корм птиц (как и гречиха, овес, другие зерновые). Путь номинации дикорастущих бобовых с включением в фитонимы орнитонимов со значением ‘журавль’, вероятно, во всех случаях тот же, что упомянут нами в комментарии к гнезду (18), см. выше. Как видно из приведенных ниже лексических данных, и в русских говорах широко распространены названия дикорастущих бобовых, образованные по тем же семантическим моделям, что и финно-пермские.

Модель ‘журавлиный горох’ (19): эст. *kurellerned, kurellernes*; вод. *kurgõlerne, kurgõõlerne*; эрз. *каргонь кснав*.

Об этой модели было написано подробнее выше, при ее рассмотрении применительно к прибалтийско-финским языкам. Ср. рус. *журавлиный горох* ‘чина лесная’ [СРНГ 9: 229], *журавлиный горошек* ‘мышинный горошек’ [Анненков 1878: 379], *журавинный горошек* ‘чина лесная’ [СРНГ 9: 229], *журавий горошек* ‘горошек заборный’ [СРНГ 9: 228], *журавник* ‘мышинный горошек’ [Анненков 1878: 379].

Семантически близкая модель номинации — ‘журавлиная трава’ (20): эст. *kurellhein*; мокш. *карга тише*.

Рус. *журавлиная трава*, созданное по этой же модели, относится к зонтичному растению жабрица (*Seseli*) [Анненков 1878: 327].

Модель ‘лесной горох’ или ‘дикий горох’ (24) эст. *metsalerned*; коми зыр. *вõр анькытш*.

Ср. рус. *дикий горох* ‘мышинный горошек’ [СРНГ 7: 65].

Как показывают лексические данные, номинации бобовых растений в рассматриваемых языках вообще имеют много общих черт. Причина этого явления, вероятнее всего, — наличие у таких растений стручков. Большинство названий мышиноного горошка, в частности, основано на его сравнении с горохом, виковой, чиной и чечевицей, т. е. бобовыми растениями, имеющими ярко выраженное практическое значение для человека — пищевое или кормовое.

Мы рассмотрели в общей сложности свыше сотни названий мышиноного горошка в финно-пермских языках. Подавляющее большинство этих названий функционирует в прибалтийско-финских языках; несомненно, основной причиной того, что за пределами этих языков количество обнаруженных названий *Vicia cracca* исчисляется не более чем тремя десятками, во многом объясняется хорошей собранностью лексики в двух основных прибалтийско-финских языках — финском и эстонском.

Литература

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2006.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- Анненков — Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878.
СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. 746 с.
СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).
Lönnrot — Lönnrot E. Flora fennica. Suomen kasvio. Helsinki, 1860.
MW — H. Paasonen Mordwinisches Wörterbuch. B. I–V. Lexica Societatis Fenno Ugricae. Helsinki, 1990.
NSES — Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Helsinki: WSOY, Juva, 2009.
Reinholm — Reinholm H. A. Suomalaisia kasvu-nimejä. Suomi. X. 1850. Helsingfors, 1851.
SSA — Suomen sanojen alkuperä. O. I–III. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 556. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 62. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
Vilbaste — Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised. Nr. 20 (67). Tallinn, 1993.

Сокращения названий языков и диалектов

вепс. — вепский	собств. — собственно-карельское)
вод. — водский	
ижор. — ижорский	коми зыр. — коми-зырянский
кар. — карельские наречия (лив. — ливвиковское, луд. — лудиковское,	коми перм. — коми-пермяцкий лив. — ливский лит. — литовский

мар. — марийский (мар. Г. — гор- номарийский)	удм. — удмуртский
мокш. — мокшанский	фин. — финский (фин. ингерм. — ингерманландские диалекты финского языка)
морд. — мордовские языки	шв. — шведский
нем. — немецкий	эрз. — эрзянский
рус. — русский	эст. — эстонский
саам. — саамский	
тат. — татарский	

I. Brodsky. Finno-permic phytonymical portraits: cow vetch (Vicia cracca)

In this paper, the author examines all common names of cow vetch (*Vicia cracca*) in a group of European Finno-Ugric languages. In these languages there are more than 100 such names, the vast majority of which are composite words made of two or three components. The majority of such names can be found in Baltic Finnish languages. Many of them include determinants of the nomination object class, for example, 'grass', 'pod'.

Many of these names do not refer only to cow vetch, but also to a number of other leguminous plants, such as spring vetch and bush vetch. The last component of such phytonyms often has a meaning 'peas'. Comparison of cow vetch and peas looks naturally because these plants are very similar to each other, just the cow vetch looks smaller.

First components of many cow vetch' names are zoosemizms — names of different animals; in most of the cases those are names of a mouse or a crane. The role of the mouse as an animal in the nomination of *Vicia cracca* is significant, especially in the Finnish-Permic and Russian languages, and cannot yet be fully explained. The obvious explanation is that the miniatureness of the mouse corresponds with that of the cow vetch's pods.

Names of cow vetch' can often also include the names of crane, or other animals: sheep, crow, snake, cat, cuckoo, grasshopper, rooster etc. Formation of such composite plant's names can be different in various cases.

Keywords: Finno-ugric languages, Finno-permic languages, lexics, phytonyms, plants' names, cow vetch.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ИСХОДНОГО СЛОВА И ЭКСТЕНЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ*

Аннотация. В статье представлены примеры сопоставления исходного слова и его варианта, относимого к разряду экстенциальных, т. е. имеющих признаки нерегулярных фонетических явлений неисконного происхождения. Сделана попытка описать основные ступени на пути поиска явлений внешнего воздействия на облик русского слова в условиях контактов с языками агглютинативного строя. Уделяется внимание различиям фонемного состава исходного слова и варианта (*крахма́л* и *рахма́л*, *гвиль* и *вьиль*, *глазе́ть* и *азе́ть*, *рабо́тник* и *бо́тник*, *ли́па* и *али́па* и др.), их семантике, географии бытования в русской макросистеме. С опорой на научные исследования определяются некоторые признаки фонологической структуры тюркских и финно-угорских языков, оказавшие сильное влияние на преобразование русского слова. Предложенный анализ может способствовать выяснению этимологии слов необычного фонемного состава, не утративших связь с исходным корнем, а также решению вопросов об их месте в русской лексической системе.

Ключевые слова: диалектное слово, этнические контакты, фонетические явления, лексическая вариантность, этимология.

Под экстенциальной лексической единицей понимается лексико-фонетический вариант или самостоятельное слово, в составе которого имеется неорганический элемент, возникший в результате воздействия неродственной языковой структуры в течение длительных этнических контактов. Г. П. Мельников связывает процесс преобразования слова с тремя состояниями: 1) «*исходное*» внутреннее состояние, характеризующееся интенциями к изме-

---

*Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

нению», 2) «*причастное* внешнее состояние, содействующее превращению этих интенций в экстенции», 3) «*предельное* внутреннее состояние, возникающее в результате перехода в него *исходного* состояния благодаря содействию со стороны *причастного*» [Мельников 2003: 47]. Сравним такие диалектные лексические единицы, находящиеся в предельном внутреннем состоянии, как *рахма́л, сомутíть, а́лина, бо́тник* и *азéть* с их исходным состоянием — *крахма́л, смутíть, ли́на, рабо́тник, глазе́ть*. В данных примерах представлены изменения начала слова, которые не могут быть объяснены внутренними языковыми историческими процессами, известными русскому языку. С чисто формальной точки зрения в фонемном составе необычных для русского языка слов нет ничего особенного: используются известные фонемы и их сочетания. Иностранцами лексические единицы такого рода, видимо, могут восприниматься так же, как и другие диалектные слова. Мы обнаруживаем разницу в исходном и преобразованном вариантах лишь потому, что опираемся на полное сходство семантики, общую (в пределах общерусской или региональной системы) употребительность исходного и узколокальную ограниченность нового варианта, системообразующие способности первого и асистемный характер второго. Единица с измененным внешним обликом может обладать экстенциальным признаком, следовательно, она может считаться экстенциальной [Михайлова 2013: 6]. Перед исследователем стоит задача установить «причастное внешнее состояние», которое привело к усвоению иноструктурного (экстенциального) признака. Следует обратить внимание и на интенциальные возможности исходного слова.

Задачей данной статьи является попытка определить основные параметры, свидетельствующие об этимологическом статусе лексической единицы, об отнесении ее к самостоятельной, исходной или вариантной, модифицированной. При этом основное внимание обращается на отражение в последней неорганических явлений, детерминированных воздействием языка иной структуры в сравнении с русским языком. При сопоставлении исходного и экстенциального слова определяются конкретные изменения,

повторяемость которых в лексических парах аналогичного фонемного состава выявляет тип процесса преобразования. Опишем процессы, наблюдающиеся в представленных выше сравниваемых единицах.

1. Соотношение *рахмáл* Лебед. Тамб.¹ < *крахмáл* демонстрирует сокращение консонантного сочетания в анлауте до одного звука, которое может быть обозначено формулой *tt- > t-*. В макросистеме русских народных говоров подобное явление обнаружено в сотнях слов [Михайлова 2013]. Следует иметь в виду, что изменения такого рода касаются прежде всего корневых морфем. При этом родственные диалектные слова — с исходным или сокращенным анлаутом — могут иметь существенные отличия. Во-первых, это проявляется в разном суффиксальном оформлении при совпадении семантики, ср.: *лещѣтки* ‘щипчики’ Смол., ‘клещи’ Кирил. Волог. и *клевщѣйки* ‘клещи, щипцы, плоскогубцы’ Медвежьегор. КАССР, ‘клещи, металлические щипцы’ Кондоп., Медв. Карел. Во-вторых, при совпадении морфологического состава у обоих слов могут наблюдаться некоторые расхождения в значении, обусловленные связью со сходным денотатом, при удержании в семантической структуре ядерной семы. Приведем дополнения к предшествующему слову: *лещѣтка* ‘палка с расщепом на конце или связанные с одного конца деревянные пластинки, используемые для зажимания, ущемления’ Сев.-Двин., Новг., Пск., Твер., Влад., Яросл., Тул., Орл., Тамб., Челяб., *клевщѣтка* ‘палка с расщепленными концами, которыми можно зажимать кого-, что-либо’ Смол., Дубен. Тул., *клевщѣтки* ‘о затруднительном положении’ Смол., *клевщѣтка* ‘конечная часть ноги у рака, служащая для хватания’ Нев. Пск. Имеющиеся словарные материалы с соотносимыми корнями *клевщ-* и *лещ-* свидетельствуют о сложных семантических, морфологических, словообразова-

---

¹Используются данные диалектных словарей (АОС, Малеча 2002, НОС, ОСВГ, ПОС, СВГ, СРГБ, СРГК, СГРС, СРГСиб., СРГСУ, СРГСУ-Доп., СРНГ) без их указания, географические пометы сохраняются, при этом добавляются сведения уточняющего характера (отмечается сокращенное название области, республики).

тельных отношениях, о самостоятельности каждой лексической единицы внутри своей группы. Экстенциальный характер лишь некоторых (указанных выше) единиц обнаруживаем исходя из исторических процессов, обусловленных давними этническими контактами. При определении исходного слова опираемся на известное корневое слово (*клéщи, крахмáл*).

Значительно труднее установить этимологию диалектных слов, не связанных с литературными корнесловами. Примером служит слово *выль* 'шишка на теле животного от ушиба или удара' (без указания места), а также *выль* 'опухоль' Пск., *выль* 'опухоль, припухлость' Остр., Оп. Пск., оттенки значения Пыт., Порх., Сош., Кр., Локн., Н.-Рж., Палк., Печ., Пск., Пуст., Пушк., Сл., Пск., ср. *гвыль* 'то же' Себ., Аш., Оп., Беж., Печ. Пск. и близкие значения Пуст., Локн., Гд., Сер., Пуст., Кр., Слан., Ляд., Нев., Н.-Рж., Остр., Пск., Холм. Пск., *гвыль* 'желвак, шишка: синяк или ссадина' Пск. Пск., Тарт. Эст. ССР, 'опухоль, нарост на теле' Моск., Новоржев. Пск., 'нарыв' Пустошк. Пск. Имеющиеся материалы обнаруживают весьма существенные схождения в семантической структуре слов с обоими корнями, несколько более широкий ареал исходного слова *гвыль*, однако очевидным является факт совмещения слов *выль* и *гвыль* в пределах псковских говоров. Сосуществование исходного и экстенциального слова на псковской территории с точки зрения лингвистической географии можно считать почти равноправным.

О конкуренции обоих слов в псковских говорах и их самостоятельности говорят также их словообразовательные возможности, ср.: *вылѣк* и *гвылѣк*, *вылѳга* и *гвылѳга*. Однако гнездо с корнем *гвыл*²- / *гвыл*- более обширно: *гвыл*, *гвѳла*, *гвѳлина*, *гвѳлка*, *гвѳлочка*, *гвыльня*. Оба слова — *гвыль* и *выль* — имеют лексикофонетические варианты, как совпадающие по отраженному в них фонетическому процессу — *гвырь* и *вырь*, так и различные — *гвырь*, *гавѳль* при *гвыль*. Ср. также *гвилѣк* при *гвылѣк*, явно свидетельствующий о возможном наличии и производящего варианта *гвиль*, не зафиксированного в псковских говорах. Это может подтверждаться наличием слова *выль* 'нарост, шишка' Кр. Пск.,

имеющего семантическое совпадение с *выль* и *гвыль*, но представленное в Псковском областном словаре с историческими данными как самостоятельное, включенное в статью *гвыль* в сравнительный блок (за сокращением «ср.») при одном значении. Вариант *гавыль* также относится, наряду с *выль*, к экстенциальным единицам: начальное сочетание *гв-* ликвидируется вставкой гласного между компонентами консонантного сочетания (эпентеза) по формуле *tt-* > *tat-*.

2. В соотношении *сому́ить* ‘привести в смущение’, несов. *сомуца́ть* Кем. Арх., Ветл. Костром., Вост.-Казах. < *смутить*, *смущать*, как и в паре *гавыль*, *гвыль*, представлена эпентеза, объясняемая стремлением говорящего не употреблять сочетание согласных в анлауте. Ранее отмечалось широкое распространение слов с эпентезой в русских говорах, особенно лексем с преобразованными префиксами *вз-, вс-* (> *воз-, вос-*), *с-* (> *со-*) [Михайлова, Передернин 2015].

В качестве примера приведем данные пудожских говоров Карелии, в которых представлены 12 лексем с эпентезой, большинство из которых относится к глагольной лексике. Единично именное слово *кару́шина* ‘крошка’ Пудож. Олон., ср. *крош́инка* ‘то же’ Тихв. Ленингр. В составе глагольной лексики две единицы с эпентезой не имеют приставок. Слово *боро́довать* ‘горевать’, сопровождаемое иллюстрацией «Молодуха *бородует* долгими ночами» Пуд. Карел., на наш взгляд, имело первичное значение ‘ходить, бродить туда-сюда, переживая по поводу чего-л., не находя себе места’, ср. *бродить*. Вероятно, родственным является *оборо́дить* ‘обойти, исходить большое пространство, побывав в разных местах’ Пуд. Карел. Эпентетический гласный, как видим, может сохраняться в корне слова после приставки: ср. *обро́дить* ‘побывать всюду, все обойти’ Пинеж. Арх. Лексема *боро́дить* известна и другим говорам в значениях: ‘идти, передвигаться’ Вашк. Волог., Тер. Мурман., ‘скитаться’ Беж. Пск., ‘ловить рыбу сетью’ Бир. Башкир. Семантика исходного слова такая же, ср. *бродить* ‘ходить куда-н.’ Выт. Волог., Онеж., Плес. Арх., ‘ходить, передвигаться’ Карг., Онеж. Арх., Кондоп., Медв., Пуд. Карел., ‘ходить без дела’

Бир. Башкир., 'ловить рыбу бреднем на мелком месте' Бир., Караид., Мел., Фед. Башкир.

Значительная группа слов с эпентезой в пудожских говорах приходится на образования с модифицированными приставками *в-*, *вз-*, *вс-* в позиции перед согласным корня. Во-первых, представлено удвоение приставки *в-*, осложненной эпентезой: *вовдевать* 'вдевать', *вовдеваться* 'вдеваться' Пуд. Карел., ср. *вдевать*, *-ся*. Ср. в других говорах: *вовнушить* 'заставить усвоить' Пин. Арх., ср. *внушить* 'склонять к чему-н., заставлять чем-н. заниматься' В.-Т., Шенк. Арх., *вовстать* 'встать, принять стоячее положение, подняться на ноги' Хар. Волог., ср. *встать*, *вовлезать* 'заходить, забираться куда не следует' Печ. Пск., ср. *влезать*. Во-вторых, приставки *вз-*, *вс-* изменяются в *воз-*, *вос-*: *воскоситься* 'направить взгляд, посмотреть' Пуд. Карел., ср. общеизвестное *скоситься* 'скосить глаза, посмотреть искоса', а также *вскосок* 'наискосок' Пск., Осташк. Твер., Пск. Предкорневое *вос-* является экстенциальным вариантом исходной приставки *вс-*, что дает основания для восстановления исходного слова *вскоситься*. Аналогичные отношения наблюдаются в семантически близких словах *возглянуть* 'посмотреть, взглянуть' Медв. Карел., ср. *взглянуть*. Диалектные и общеизвестные слова — *воскоситься* (< *вскоситься) и *скоситься* — несколько различаются, на первый взгляд, в семантическом и аспектуальном отношении².

Функционирующее в пудожских говорах слово *соходить* имеет более широкий севернорусский ареал: *соходить* 1. 'сходить с чего-л.' Пудож. Олон., Холмог. Арх., Беломор., Ленингр., Новг., Печора и Зимний Берег, Сямж. Волог., 2. 'просыпаясь, вставать с постели' Баб., Ньюкс. Волог., 3. 'выходить' Сямж. Волог., *соходиться* 1. 'собираться, намереваться' Баб. Волог., 2. 'вступать в брачные отношения' Кириш. Ленингр., 'жениться' Тот. Волог., ср. *сходиться* 'жить совместно' Белоз., ср. *сходить*, *сходиться*.

---

²Сопоставление лексем с приставками *вс-* и *с-* в русском языке не входит в задачи данной статьи.

К узкорегionalным — пудожским относится лексема *со-потай* ‘в одиночку, удалившись ото всех’ Пудож. Олон., ср. *спотайной* ‘тайный’ Каргоп. Олон. В целом модифицированная лексика русских говоров Карелии, включающая эпентезу, насчитывает 46 единиц, в том числе бесприставочных — 6, с приставками *воз-*, *вос-*, *вовз-* (*во-* перед *вз-*) — 16, с приставкой *со-* 24 единицы. Подробнее см.: [Михайлова, Передернин 2015].

Рассмотрение группы указанных слов с предкорневыми элементами *во-*, *воз-*, *вос-*, *со-* в качестве экстенциальных может быть подвергнуто сомнению, т. к. в современном русском литературном языке многие слова с префиксами *во-*, *вос-*, *со-* являются церковнославянскими по происхождению [Шахматов 1941: 83]. Данные префиксы обычно относят к словообразовательным старославянизмам наряду с такими, как *пре-*, *пред-*, *из-/ис-* и др. Сложность вопроса об этимологическом статусе элементов типа *со-*, *во-*, *воз-* — исконно русского, старославянского или экстенциального происхождения — состоит в том, что в речи обычно употребляются однокоренные слова как с незакономерными приставками, аналогичными церковнославянским (*собирáть* < *събирати*), так и закономерно возникшими на русской почве (*собрáть* < *сбърати*). В случаях типа *сходить* вместо общепотребительного *сходítь* допустимо видеть и действие грамматической аналогии, ср. формы *сойду*, *сойдёшь* и др. Однако таким образом невозможно объяснить слова типа *соэздить*, *соделать*, *сограбить* и многие другие. Лексика с экстенциальными элементами, зафиксированная словарями разных говоров, отражает бытовые реалии, действия, отношения, отличается от слов славянского происхождения прежде всего семантикой. Описываемая диалектная лексика, естественно, употребляется в бытовом общении в противовес лексике старославянского происхождения, изначально использовавшейся в высоких сферах коммуникации. Однако важнейшим аргументом в решении данного вопроса остается географический фактор. Наиболее активно лексика с эпентезой употребляется в зонах Севера, Северо-Запада

и Сибири, где этноязыковые процессы продолжают и в настоящее время, хотя и с разной степенью интенсивности.

3. В соотношении *али́па* 'липа' Зимницы Жиздр. Калуж. < *ли́па* обнаруживается незакономерная протеза. При подготовке первого выпуска «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филин впервые высказал предположение о влиянии структурных особенностей слов тюркских языков на внешний облик некоторых лексем русских говоров, отмечая наличие протетического гласного перед звуками *р, л* в словах типа *али́па* < *липа, арепёйник* < *репёйник* [Филин 1966: 31–32]. Ученый обратил внимание на неоднородное происхождение лексики подобного рода. Такие варианты, как *алачу́га, олачу́га*, в сопоставлении с общеизвестным *лачу́га* можно расценить как экстенциальные, если не обращаться к первоисточнику. На самом деле эти два слова «сохраняют структуру слов, как она была представлена в тюркских (в других случаях — в иных) языках, откуда были произведены заимствования» [Филин 1966: 31]. Ср. данные этимологического словаря: «др.-русс. *алачуга, олачуга* 'палатка, хижина', напр., в I Соф. летоп. под 1379 г. Из тюрк.: ср. чагат. *алаҗу* 'палатка, войлочный шатер, шалаш из коры, ветвей', тат., крым.-тат., кирг. *алаҗук* 'то же'» [Фасмер 2: 468]. Ф. П. Филин пишет также о словах иного происхождения и приводит целую серию слов с незакономерной протезой.

В продолжение мысли Ф. П. Филина заметим, что при решении вопроса об исходном элементе в паре слов с протезой и без нее необходимо учитывать этимологию слова, употребляющегося в русском языке. При формальном сопоставлении общеизвестного слова без протезы и диалектного с протезой можно допускать ошибки. Например, слово *урунду́к* 'скамья, лавка для сиденья с ящиком; рундук' Пораб. Том., Иркут., сопоставляемое с широко известным, вошедшим в литературный язык словом *рунду́к* 'ларь для зерна, муки и т. п.' Калуж., Брян., Смол., Саратов., Новосибир., Верхнелен., не следует относить к разряду экстенциальных, как это представлено в специальном словаре [Михайлова 2013: 297]. По мнению А. Е. Аникина, слово *рундук* произошло «из

тюрк. источника типа *orunduq — *urunduq* ‘место для сидения или лежания’» [Аникин 2000: 466]. При усвоении данного слова в русском языке произошло отпадение начального у-.

Ф. П. Филин отмечал наличие незакономерного начального гласного в большей части приведенных им примеров в позиции перед плавными *p*, *l*, губными *b*, *m* и сочетаниями согласных и подчеркивал неслучайность данного явления. Опираясь на наблюдения тюркологов о возникновении протетических гласных при заимствовании в тюркские языки в указанных позициях, ученый вплотную подошел к решению вопроса о причинах протетических гласных и в русском языке: «Может быть, начальный гласный в указанных условиях в русских говорах стал развиваться под действием соседних тюркских языков, хотя настаивать на своем предположении мы не можем» [Филин 1966: 32]. Лексические материалы, в которых проявляется протеза, подтверждают правоту Ф. П. Филина. Более того, надо полагать, что развитие протезы, не объясняемой органическими процессами в истории русского языка, может происходить и под влиянием финно-угорских языков в соответствующих зонах этнических контактов. Выявляя особенности звукового строя агглютинативных языков, Г. П. Мельников пришел к выводу о том, что «широкое использование сонантов предпочтительно для аффиксальных морфем, но “противопоказано” началу корня, что служит еще одним фонетическим признаком границ между корнями. Например, слог, начинающийся с согласного R, не может быть началом корня» [Мельников 2003: 347].

Разграничение исходной и экстенциальной единиц опирается и на географические показатели. Как правило, исходное слово имеет более широкий ареал в сравнении с вариантом. Иногда лексическая единица, которая с учетом фонетических процессов может рассматриваться как вариантная, известна в говорах разных населенных пунктов одного относительно замкнутого ареала и имеет более широкую семантику в сравнении с основным словом. Ср. данные по говорам Архангельской области: *абарáбок* 1. ‘ребенок, подросток, молодой человек’ Арх.: Уст. Ку-

риловская, Камкинская; 2. 'внебрачный ребенок' Арх.: В.-Т. Прокудинская, *обарáбок* 'толстый неповоротливый ребенок' Арх.: Сев.-Двин. и *барáбок* 'то же, что *абарáбок* (в 1 знач.)' Арх.: Уст. Алферовская. В каждой микросистеме объединяющей семьей указанных лексических единиц является 'незрелый человек, ребенок', различия в толковании обуславливаются конкретной речевой ситуацией, соотносительностью с разными денотатами. Определение единицы *барáбок* как исходной, основной в паре *барáбок* — *абарáбок* (*обарáбок*) опирается на словообразовательное гнездо: *барáбьши* 'ребенок, подросток, молодой человек' Арх.: Уст. Лихачево, *барáбать* 'гулять на молодежных вечеринках' Влг.: В.-Уст., Слинкино, *барáбушки* 'молодежное гулянье, вечеринка с танцами' Арх.: Котл., Лен.; Влг.: В.-Уст., *барáбки* 'маленькие дети' Ок. Новг.

4. Сопоставление *бóтник* 'работник', *бóтница* 'женск. к ботник' Тороп. Калин. с общеизвестными словами *рабо́тник*, *рабо́тница* фиксирует исчезновение первого слога с начальным сонорным согласным, в данном случае с плавным *p*:- *ра-* > $\emptyset$. Данное явление встречается редко. Наиболее ярко оно продемонстрировано группой слов с исходной лексемой *рукотёрник* 'полотенце для рук', в которую, наряду с другими модификатами, входят слова *котёрник* Нгр. Вят., *котельник* Урж. Вят., *кутельник* Богуч. Краснояр. [Михайлова 2015: 282–284]. В этих лексических единицах отражено усвоение такой особенности тюркских языков, как отсутствие сонорных в анлауте, что говорит о территории тесного соприкосновения русского и тюркских народов, не только Сибири и Урала, но и восточных районов Европейского Севера России.

Что касается преобразования *рабо́тник* > *бóтник*, отмеченного на территории Тверской области, то здесь, по всей вероятности, сказалось влияние языка тверских карел.

Экстенциальные лексические единицы служат лингвистическим кодом этнокультурного взаимодействия, их ареал может рассматриваться как территория сосуществования этносов.

5. Лексема *азётъ* 'смотреть по сторонам, бездельничая' Бир. Башкир. сравнима с *глазётъ* — в просторечии 'бесцельно, с празд-

ным любопытством глядеть на кого-, что-либо'. Учитывая семантику, можно с большой долей вероятности предполагать, что здесь произошло упрощение начального сочетания взрывного согласного с плавным с последующим исчезновением плавного. Причина такого явления — особенность анлаута тюркских языков, отмеченная выше. В корневом гнезде с исходным *глаз-* представлены также экстенциальные единицы, в которых проявились другие процессы: метатеза плавного и гласного в первом слого — *гылзá* 'глаза' Замор. Р. Урал; упрощение консонантного сочетания в анлауте — укр. *лазók* 'металлическое грузило на сетях', *глазкі* 'железные грузила у невода' И. П. Петлева включает в славянские лексемы, «свидетельствующие об утрате этимологически исконного *g* в начале слова перед *r, l, n, (m ?)*» [Петлева 1978: 54].

Ограничиваясь приведенными примерами экстенциальных единиц, приходим к необходимости определения последовательных шагов в решении вопроса об исходном или видоизмененном корне слова. В алгоритме выявления экстенциального компонента в русском слове с необычным фонемным составом, сопоставимым с относительно широко распространенными словами, выделяется несколько ступеней.

На первой ступени, продемонстрированной приведенными примерами, обнаруживается лексическая единица, отличающаяся от известного слова незначительно количественным, формальным составом фонем, но существенными качественными характеристиками. Несовпадения качественных показателей дают возможность определить сам признак и устанавливать его отношение к закономерным явлениям в русском языке.

На следующей ступени делается попытка выявить конкретную причину изменения внешнего облика слова. Для этого необходимо, с учетом историко-географических факторов, обнаружить аналогичное состояние, типичное для языковой структуры, с которой соприкасается и взаимодействует русская. По существу, изначально экстенциальная единица является результатом усвоения русского слова носителем другого, неродственного языка, переходящим на русскую речь. Естественно, при этом в речи

биллингва удерживается фонологическая система родного языка, ее основные признаки, не совпадающие с характеристиками нового слова. Именно они и оказывают влияние на чужеродный элемент усваиваемого слова и преобразуют его, подчиняя своим законам. Сильные фонологические признаки иноструктурных языков при вхождении в соседнюю систему преобразуют исконное слово, что манифестируется наличием вариантов или этимологическим отрывом при разной степени устойчивости экстенциального признака.

Далее для выявления нерегулярных изменений проводится сопоставительный анализ элементов, характерных для русской и соседней иноструктурной фонологической системы, которые описываются исследователями [Бармич 1994; Гаджиева 1990; Ланест 1975; Лыткин 1974; Тенишев 2005]. Естественно, большую роль в решении данного вопроса играют работы лингвистов, изучающих этноязыковые контакты [Аникин 2000; Муллонен 2002; Матвеев 2001; Мызников 2004; Лабунец 2009 и др.]. Устанавливаются несовпадающие признаки систем, функционирующих в едином географическом пространстве, которые могут воздействовать на адаптирующиеся слова. Контрастивные признаки систем — важнейший фактор в языковой интерференции. Нужно также учитывать исторические процессы в иноструктурных системах, оставивших свой след в виде застывших элементов.

В дальнейшем проводится комплексный сопоставительный анализ особенностей структурных различий, позволяющий составить список воздействующих с внешней стороны явлений, т. е. определить относительно полную систему экстенциальных признаков [Михайлова 2013: 7–9].

После выявления контрастивных признаков сопоставляемых систем осуществляется поиск возможных фонетических вариантов русских слов, имеющих элементы, на которые может воздействовать иноязычная система. Например, в одном этимологическом гнезде с исходным корнем *песк-* для названия пескаря (иногда мелкой рыбы вообще) используются слова с видоизмененным корнем: *киска́рь* Прион. Карел., *беска́н* Камен. Ср. Урал,

мескán Туг. Ср. Урал, *эска* Арх. Карг. Данный список продолжается в сложных словах, включающих корень *-зоб-*: *ескозоб* Карг., Уст. Арх., Кир. Волог., *дескозоб* Кир. Волог., *нескозоб* Сл.-Турин. Свердл., *скозбец* Ряз., Саратов., Пенз., Тамб., *козоб* Кон. Арх.

С установлением группы родственных слов, обладающих экстенциальными признаками, исследователь может ставить перед собой задачи как собственно лингвистического, так и этногеографического и историко-культурного содержания с учетом своеобразия конкретного региона, конкретной микросистемы.

Литература

Бармич М. Я. Ненецко-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком / Отв. ред., сост. В. М. Панькин. М.: АЗЪ, 1994. С. 141–151.

Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 527–529.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М.: Наука, 1975. С. 5–122.

Лабунец Н. В. Диалектное слово в ситуации языкового пограничья // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2009. № 1. С. 182–187.

Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 108–213.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л. Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013.

Михайлова Л. П. Экстенциальные и исконные фонетические диалектизмы в русских говорах // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 г.: Избранные тру-

ды. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. С. 278–288.

Михайлова Л. П., Передернин С. В. Экстенциальные элементы в лексике русских говоров Карелии на общерусском фоне (эпентеза) // Электронный журнал «Carelisa». 2015. № 2(14). С. 13–22.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, 2002.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.

Петлева И. П. К вопросу о g-протетическом в славянских языках // Этимология. 1976 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1978. С. 51–55.

Тенишев Э. Р. Тюркские языки / Э. Р. Тенишев, Е. А. Поцелуевский, А. В. Дыбо // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия: в 3 т. / Ин-т языкознания. Т. 3. М.: Наука, 2005. С. 154–168.

Филин Ф. П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966. С. 27–34.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. М.: Гос. уч.-пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941. 288 с.

Сокращения

Аникин — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–17. М.: Наука, 1980–2016. (издание продолжается).

Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург: Изд-во Оренбургского книжного изд-ва, 2002–2003.

НОС — Новгородский областной словарь. Издание второе, испр. и доп. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–10. Киров, 1996–2016. (издание продолжается).

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016. (издание продолжается).
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–6. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2014. (издание продолжается).
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии / Сост. И. П. Березовская-Пономарева и др.; под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- СРГСиб. — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск: Наука, 2001–2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: учеб. пособие / Ред. П. А. Вовчок (т. 1), Н. П. Костина (т. 2), А. К. Матвеев (т. 3–7). Т. 1–7. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1964–1988.
- СРГСУ-Доп. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (Издание продолжается).
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

L. Mikhailova. On the possibilities of distinguishing between the original word and the extended lexical unit

The article presents examples of the comparison of the original word and its variant, classified as extensional, that is, having signs of irregular phonetic phenomena of non-origin. An attempt to describe the main steps in the search for external effects on the appearance of the Russian word in conditions of contacts with the agglutinative system languages is made. The attention to the differences in the phonemic composition of the original word and the variant (*крахмáл* and *рахмáл*, *гвиль* and *вьиль*, *глазэть* and *азэть*, *рабóтник* and *ботник*, *ли́на* and *али́на* etc.) is paid, their semantics, the geography of existence in the Russian macrosystem. With the support of

research, certain features of the phonological structure of the Turkic and Finno-Ugric languages, which had a strong influence on the transformation of the Russian word, are determined. The proposed analysis can help to elucidate the etymology of words of unusual phonemic composition that have not lost touch with the original root, as well as the solution of questions about their place in the Russian lexical system.

Keywords: dialect word, ethnic contacts, phonetic phenomena, lexical variation, etymology.

ЛЕКСИКА ЯРОСЛАВСКИХ ГОВОРОВ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Аннотация. В статье предлагается этимологический анализ некоторых лексем ярославских говоров исконного и неисконного происхождения. Отмечаются сложные случаи разграничения единиц исконного славянского происхождения и заимствованных данных, семантически и фонетически сходных с ними.

В ярославском лексиконе выделяется лексика прибалтийского типа, представляющая собой: часть общеприбалтийско-финского севернорусского ареала; элементы арго, проникшие в русские говоры с конечными финно-угорскими источниками. Представлены лексемы, этимоны которых обнаруживаются в марийском языке.

Ключевые слова: ярославские говоры, русские народные говоры, этимология, балтизмы, арго, прибалтийско-финский, марийский.

Данная работа является продолжением этимологического анализа лексикона ярославских говоров [Мызников 1994; 1995; 2005; 2014; 2016]. Материалами послужили данные диалектных словарей и картотек. Объектом анализа является сложная в этимологическом плане лексика. Лексикон ярославских говоров неплохо представлен в лексикографических источниках. В «Опыте областного великорусского словаря» [Опыт] представлено свыше 170 единиц с географической пометой «Яросл.». В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» [Доп.] лексем с географической локализацией «Яросл.» обнаруживается уже меньше — 91 единица. В «Толковом словаре» В. И. Даля [Даль] отмечается 642 географических пометы «Яросл.». «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], который включает в себя рус-

---

*Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-04-00065а «Лексический атлас русских народных говоров» в контексте современных полевых данных и материалов региональных диалектных словарей».

скую диалектную лексику, зафиксированную с начала XIX в. по настоящее время, располагает уже тысячами лексем, записанных на территории Ярославской губернии (области). В вышедших томах словаря фиксируется около 18 тысяч слов и значений с географической пометой «Яросл.».

Анализировалась ярославская лексика и в этимологических трудах: в словаре М. Фасмера [Фасмер] представлено свыше 150 слов с ярославской локализацией, а в «Этимологическом словаре славянских языков» [ЭССЯ] — свыше полутора тысяч таких единиц.

Говоры Ярославской области относятся к Костромской группе северного наречия, занимают территорию, находящуюся между Вологодской группой и восточными среднерусскими окающими говорами [Захарова, Орлова 1970: 114]. В качестве лексики, которая характерна для этой группы говоров, авторам «Диалектного членения русского языка» не удалось, на наш взгляд, привести удачные примеры: *теребѣть* [лѣн], *курѡк* 'рукоятка косы', *сосунѡк* 'жеребенок в возрасте до одного года', *третьякъ* 'жеребенок по третьему году' [Захарова, Орлова 1970: 116].

Говоры западных районов Ярославской области представляют собой маргинальный ареал, обусловленный влиянием говоров Тверской области (тверских карел) либо реликтов ярославских карел: *кържѣина*, *кържевина*, *кържинка* 'пристройка к печи с лазом в подполье', ср. кар. твер. *karžina* 'подполье, подвал' [СКЯТ: 89]. Т. В. Кириллова отмечает также варианты с [з]: *кързина*, *кързник*, *кързень* в русских говорах тверского региона [Кириллова 2001: 11; Кириллова 1997: 93–95].

В отношении ареальной дистрибуции вариантов *кързина* / *кържина* нами зафиксирована следующая картина: в белозерских говорах отмечается вариант *кързина*, так же, как и в говорах запада Тверской области; в смежных говорах Череповецкого района Вологодской области бытуют оба варианта, при том что в бежецких говорах доминирует *кържина* (Бежецкий, Максатихинский, Сонковский районы). Причем в Сонковском районе, граничащем с Ярославской областью, наряду с лексемой *кържина* отмечается

слово *голбѣц* с тем же значением, представляющее собой его западный маргинальный ареал.

В ряде случаев в говорах по р. Мологе бассейна Шексны наблюдаются единичные фиксации субстратной лексики, основной массив которой расположен в говорах Костромской области: *кара́с, кара́сь* 'сруб в основании опоры моста', 'короткое бревно в деревянном срубе, врубленное в его угол', ср. *кара́с, кара́сь* 'треугольный сруб в основании плотины', 'бревенчатая стенка, укрепляющая берег у плотины' (с фиксациями в восьми районах Костромской области) [Востриков 1981: 20]; ср. удм. *корос* 'опалубка, сруб колодца, ямы' [КЭСКЯ: 142].

Имеются в ярославских говорах и лексемы, которые восходят к профессиональным аргю: *лу́зик* 'большая ложка' Ростов. Яросл., 1902. [СРНГ 17: 185]; *лу́зик* 'большая ложка с толстым черенком; поварешка' Брейтов., Рыб., Ростов. [ЯОС]; *лузик* 'ложка' Нерехта, Углич, Кашин. Твер., Калязин Твер., Калязин, Торопец, Калуж. Портн. [Приемышева 2: 555]; *лу́зица* 'ложка' Осташк. Твер. [Чернышев]; *лу́зик* 'ложка' Тихв. Новг., 1852. Новг., Волог., Яросл., Моск., Калуж., (с примеч. «В условном языке портных»). Самар., Второе Доп. (с примеч. «у переселенцев из Пермской губ.»), 1905–1921 [СРНГ 17: 185]; *лу́зик* 'ложка' Кашин. Твер. (с примеч. «язык мелочных торговцев») [СРНГ 17: 185]; *лу́зка* 'ложка' Пошех.-Волод. Яросл., 1929 [СРНГ 17: 185].

Надо отметить, что в контактных зонах эти единицы восходят к результатам прибалтийско-финского языкового влияния, ср.: *лу́зик* 'ложка' Волх. *Лузиком у нас суп хлебают.* Тихв. [СРГК 3: 156]; *ло́зик* 'ложка' *Лозиками вепсы ели.* Лодейноп. [СРГК 3: 156]. Причем эти данные являются обратным заимствованием из прибалтийско-финских языков, ср. вепс. *luzik*, кар. *lužikka*, ливв. *luzikku*, люд. *ližik*, эст. *lusik* 'ложка' из др.-русск. *лъжька* [SKES: 314]. Слово распространилось далее в коми язык, ср. коми удор. *люська* 'ложка', также рассматриваемое как вепское заимствование [КЭСКЯ: 415].

Еще один сходный пример: *ку́ба* 'толстая женщина или девочка; толстуха' Нерехт. Костром., Влад., 1820. Яросл., Калуж. [СРНГ

15: 375]; *куба́* ‘черемиска или русская, имеющая сходство с черемиской’ Ядрин., Козьмодемьян. Казан., 1849. Казан. [СРНГ 15: 376]; *кубе́нка* ‘девочка черемиска’ Ядрин., Козьмодемьян. Казан. [СРНГ 15: 381]; *куба* ‘баба, женщина’ Влад. офен., Нерехта, Углич, Калуж. прасолы, Кричвск. Мещ., Ладвин. стеклод., Ряз. нищ., Черниг. нищ., Белорусск. нищ., Харьков. нищ. [Приемышева 2].

При фиксации этих данных в арго следует отметить, что они связаны с финно-угорскими данными, хотя одно слово трактуется В. Д. Бондалетовым как угличский арготизм: *кубафея* ‘баба’ Углич. Яросл. [Бондалетов 1980: 27]. О. Б. Ткаченко пытается разделить два варианта *куба́* ‘черемиска’ и *куба* ‘женщина’ как результат марийского и мерянского воздействия [Ткаченко 1985: 158]. Однако их можно сопоставить с мар. *куба* ‘старуха, женщина пожилого возраста’, ‘жена, супруга’ [СМЯ 3: 69]. М. Фасмер приводит в качестве источника мар. горн. *kuβw* ‘теща’ [Фасмер 2: 394].

Наименования икры рыб имеют первые фиксации в офенских материалах: *кавьяр* ‘соленая паюсная икра’ Яросл., 1846 [СРНГ 12: 296]; *кави́яр*, *кавьяр* ‘икра паюсная или зерновая’ Южн. [Даль]; *каварья́р* ‘рыбья икра’ Курск., 1848 [СРНГ 12: 291]; *кавра́й* ‘икра’ Нерехт. Костром. [СРНГ 12: 295]; *ковра́й* ‘икра’ Нерехт. Костром. [СРНГ 14: 32]; *кавья* ‘икра’, *кавиха* Влад. офен. [Приемышева 2: 506–507]. Однако они представлены и в литературных источниках, что позволяет предположить диалектное и книжное их происхождение: — *Есть балык, семга, сельди, кавьяр...* — *Довольно, довольно! Подать всего этого к водке, перед обедом, по одной тарелке; слышишь ли? не больше!* — *Повар ушел.* О. М. Сомов. «Гайдамак. Малороссийская быль». *Прожарим в масле, спрессуем, крепкая же замазка будет. Кило 30–40 заберем. В Мадриде можно спустить по 20 пезет, а то и по 30, а по берегу скупим по 10, ну по 12, денежки верные, вот они! Говорят, лучшие русской кавьяр, кто ел. Попробуем.* И. С. Шмелев. «Иностранец». *Да, но мы уже затратили валюту. И потом эта собака со своим Боккаччио живет в «Метрополе» и жрет кавьяр. Капитан говорит, что без икры она не может играть. Это государству тоже стоит денег.* И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок».

М. Фасмер полагает, что источником служит нем. *Kawiar*, через польское посредство, ср. польск. *kawior*, при общем турецком первоисточнике, ср. тур. *xavjar* [Радлов 2: 1696], ср.-греч. *χαβιάριον* [Фасмер 2: 154]. Авторы ЕСУМ, анализируя славянские данные, ср.: укр. *кавя́р* «икра осетровых рыб», при польск. *kawior*, чеш., словац. *kaviár*, верхнелуж. *kawiar*, болг. *кайвер*, макед. *ajvar*, при франц. *caviar*, англ. *caviar*, подтверждают выводы М. Фасмера [ЕСУМ 2: 336]. Ср. также турец. *havuvar* 'икра [рыбья]' [БТРС], *havvar*, румын. *caviar* [чёрная] из француз.; при болг. *хайвѐр*, макед. *ajvar*, сербо-хорв. *ajvar* [сырая, приготовленная] [ЕРС] 1: 77; ТЮВЕ].

В говорах Ярославской области (губернии) зафиксирована лексика, восходящая напрямую к прибалтийско-финским источникам: *ни́хотка* 'очень маленькая вещь' Пошех. Яросл., 1849 [СРНГ 27: 57]; 'очень малое количество чего-л.' Пошех. Яросл., 1849. Волог. [СРНГ 27: 57], ср. вепс. *paheiñe* 'маленький' [СВЯ: 390], *piñiñe* 'маленький' [СВЯ: 412]; *му́стить* 'понимать, соображать; разбираться в каком-либо деле' Любим., Первомайск., Углич., Брейтов., Некрасов., Пошех. [ЯОС 1987: 68]; *му́стить* 'то же' Брейтов., Пошех. [ЯОС 1987: 68]. Вероятно, ярославской единице будут соответствовать карельские данные: кар. твер. *muistia* 'помнить' [СКЯТ: 165], ливв. *mustua* 'помнить' [СКЯМ: 215], кар. тихв. *muistua* 'помнить' [KKS 3: 356].

В севернорусских говорах отмечаются сходные в этимологическом плане данные: *му́стать* 'знать, соображать, вспомнить, понимать' Петрозав., Заонежье [Куликовский]; *му́хтать*, *му́стать* 'соображать, понимать' Вытегор. [СРГК 3: 275]. Лексема *му́стать* сопоставляется с люд. *muštada*, вепс. *muštta* 'помнить, понимать' [Kalima 1915: 168]. В Вытегорском районе отмечается вариант *му́хтать* 'соображать, понимать' наряду с доминирующим *му́стать*, скорее всего, вепсского происхождения. Кроме того, в говорах Архангельской области фиксируется единица с консонантизмом карельского типа: *му́стать* 'вслушиваться' Устьян. Арх. [СРНГ 18: 336]. Как видно из приведенных данных, это глагольное гнездо имеет значительный ареал, который,

вероятно, следует дифференцировать на отдельные этимологические микроареалы. Вряд ли права А. Альквист [Ahlqvist 1998: 17], которая включает в это гнездо глагол *мусти́ть* ‘смущать, сбивать с толку’, который, на наш взгляд, является гетерогенным омонимом и имеет более широкую территорию распространения — ярославские, тверские, псковские говоры [ЯОС 1987: 68; СРНГ 18: 366]. Хотя, конечно, лексема *мусти́ть* ‘смущать’ имеет паронимические связи с *муту́ть*, ср., напр., *мутёник* ‘нечистая сила’ Демян. [НОС₂: 574]. А. Альквист предлагает считать слово *му́стить* ‘понимать, соотносить’ субстратным [Ahlqvist 1998: 18], на наш взгляд, несомненна его карельская природа. Не относится к этому гнезду лексема *мсти́ться* ‘казаться, чудиться’ Причудье [ОИКСЭ: 297], так же, как и *помусти́ть* ‘показаться, представиться; померещиться’ Соликам. Перм. [Беляева]; *помусти́ться* ‘показаться, представиться; померещиться’ Соликам. Перм. [Беляева].

В ряде случаев, при возможной связи с иноязычными источниками, фиксация данных на славянской почве позволяет говорить об исконной этимологии. Например: *кульма́* ‘средняя или задняя часть бредня’ Пошех., Молог. Яросл., 1849. Новозыбк. Брян. [СРНГ 16: 74]; *кульма́* ‘средняя часть невода’ Поддор. [НОС 4: 177]. М. Фасмер сопоставляет это слово со словом *кулёма*, что, на наш взгляд, вряд ли имеет какие-либо основания. Более вероятно связь с белорусск. *кульме́нь* ‘средняя часть бредня, куда попадает рыба’, *куль* ‘задняя часть рыболовной снасти с узким проходом’, которые рассматриваются на славянской почве [ЭСБМ 5: 155, 156]. Ср. также белорусск. диал. *ко́мля*, *ко́мель*, *кло́мля* ‘рыболовная снасть’: *Ловаюць рыбу комляй, комлю плятуць з лозы, з дуба, бы кош. Комля — сетка, нацягнутая на дугу* [СБГПЗ 2: 478, 498].

Ср. данные, сходные семантически и фонетически, но вряд ли непосредственно связанные: *ку́рма* ‘рыболовная ловушка, сплетенная из ивовых прутьев’ Каргоп. (Архангело, Сорокинская), Пудож. (Куганаволок), Вашк. (Новец, Ухтома) [ПЛГО]; *Курмы плетут из ичинок*. Вытегор. [СРГК 2: 306]; ‘рыболовная снасть в виде

сетки, натянутой на обручи, мережа' Каргоп. (Нокола, Тихманьга), Плесец. (Пукшлахта), Вашк. (Пиксимова) *Курмы на вашколок ставят*. Вашк. (Остров) [ПЛГО]; 'рыболовный снаряд конусообразной формы' Сямж., Вожегод., Сокол. [СВГ 1989: 22]; *Курма, во круг елушек наставят, рыба-то и попадается*. Вытегор. *Карелы курмой зовут*. Пудож. [СРГК 3: 68]; 'мешкообразная сеть, вставляемая в отверстие забора' Онеж. [Подвысоцкий: 79]; 'рыболовный снаряд, устраиваемый на быстрых водах из вбитых в дно реки толстых кольев, к которым прикрепляют спускаемую до дна реки сеть с мешком' Холмог., Онеж., Шенк. [Подвысоцкий: 79]; Арх. [Опыт; СРНГ 16: 132]; *кúрма, кúрьма* 'ловушка из прутьев' Лодейноп., Вытегор., Пудож., Каргоп. [Куликовский]; *курма́* 'рыболовный снаряд для ловли рыбы на быстром течении' Беломор. 1843. Арх. Кирилл. Новг. [СРНГ 16: 132]; *кúрна* 'рыболовная снасть в виде сетки, натянутой на обручи, мережа' Вытегор. [СРГК 3: 68]; *кúрмушка* 'то же' Пудож. [СРГК 3: 68].

Е. П. Андреева описывает лексему *курма* как 'конусообразный снаряд из сети, натянутой на прутьяной остоу, с дугообразным входом' [Андреева 1991: 115]. По свидетельству Кучина, термин *курма* известен белозерским говорам XIX в. [Кучин: 51]. В отмеченном значении слово *курма* широко распространено в современных говорах Белозерья: *Курма* — *небольшая ловушка из сети, с двум горлам, она для весеннего нереста*. Вашк. (Кьянда). Отмечается также в Белозерье фамилия Курманов, восходящая, по видимому, к данному апеллятиву [Андреева 1991: 115]. Отмечается, что в среднерусский период слово *курма*, по данным КДРС, известно онежским, двинским, тотемским говорам [Андреева 1991: 116]. По свидетельству В. Я. Дерягина, лексема *курма* встречается в старорусских памятниках XVII–XVIII вв. [Дерягин 1966]. В СлРЯ XI–XVII вв. отмечается *курма* 'рыболовный снаряд, состоящий из вбитых в дно реки кольев, к которым прикрепляется спускаемая до дна реки сеть с мешком' [СлРЯ XI–XVII 8: 139]. В. А. Елизаровский выделяет в слове *курма* на материале беломорских грамот два значения: конусообразная ловушка из сети, вставляемая в воротца закола или еза'; 'невод, на крепких кольях, оснащен-

ный сложной системой входных воротец для рыбы' [Елизаровский 1958: 82].

В смежных языках отсутствует сходное наименование подобной рыболовной ловушки, однако ареальная дистрибуция на ограниченной территории в севернорусских говорах позволяет предположить неисконное происхождение рассматриваемого материала. Вероятно, описание данной снасти, представленное у Подвысоцкого, являлось первичным и доминирующим, а далее наименование *курма* распространилось на другие типы рыболовных ловушек. Исходя из этого, источник русского диалектного слова не может быть элементом прибалтийско-финской рыболовецкой терминологии. Поскольку данная ловушка используется на быстром течении и отверстия в рыболовном заколе вместе со снастью, которая устанавливается в них, представляют собой вид желоба, канавки, то вполне возможно сопоставление с прибалтийско-финским гнездом, где доминирует это значение, ср. фин. *kuurna*, *kurna* 'желоб водяной мельницы', 'желоб', кар. *kuurna* 'желоб', ливв. *kūru* 'желоб' [SKES: 251], вепс. *kurn* 'желоб, лоток для стока воды' [СВЯ: 248], кар. *kuura* 'желоб', 'предмет, в котором имеется желоб', *kuurne* 'то же' [KKS 2: 495, 496]. Е. П. Андреева сопоставляет это слово с *кúрмыш* 'круглая конусообразная яма ледникового происхождения, на дне которой лежат камни' Петергоф. Петерб. [СРНГ 16: 133] и предлагает этимологию этой единицы: фин. *kuurta* 'надрез, разрыв', эст. *kurm* 'залив, угол', которая введена еще Я. Калимой и повторяется М. Фасмером [Kalima 1915: 143; Фасмер 2: 427; Андреева 1991: 116]. Однако прибалтийско-финские данные имеют другую семантическую доминанту, ср. фин. *kurta*, *kuurta* 'зарубка, отметина [например на бревнах постройки при переезде]' [SKES: 246], а эст. *kurm*, вероятно, представляет собой вариант от *kulm*, южн. эст. *kolm* 'угол, бровь', хотя в SKES это и не отмечается [SKES: 234].

В ярославских говорах имеются данные, которые составляют общий ареал с западными русскими говорами, часть лексикона которых имеет балтийские истоки: *ра́тка* 'телега с деревянными решетками спереди и сзади для перевозки сена, соломы, снопов'

Аньков. Иван., Борисоглеб., Петров., Пошехон., Ростов. Яросл. [ЯОС 1989: 128]; *ráтка* 'повозка на двух колесах' Старорус., Новг. [НОС 9: 116]; *ráтка* 'двухколесная телега, одноколка' [Бурнашев]. Петергоф. Петерб., 1896 [СРНГ 34: 338]; 'четырёхколесный экипаж с рессорами для перевозки людей, несколько отличающийся от телеги' Ростов., Ильин.-Хован. Яросл., 1989 [СРНГ 34: 338]; 'опрокидывающийся кузов на телеге, ящик для перевозки мусора, удобрений' [Даль]; 'телега с деревянными решетками спереди и сзади для перевозки сена, соломы, снопов' Яросл. [СРНГ 34: 338]; *ráтка* 'двухколесная повозка' Петерб. [Kalima 1915: 196]; «чухонская одноколка», «опрокидный кузов на дрогах, ящик на чебурах для возки и ссыпки земли, удобрения и нечистот» [Даль 3: 86].

СРНГ добавляет к приведенным материалам только данные словаря Элиасова: *ráтка* 'тачка с откидывавшимися бортами' [Элиасов], но поскольку достоверность этого источника вызывает сомнение [см. Аникин: 17–26], то забайкальские материалы можно не учитывать [см. СРНГ 34: 338]. Я. Калима для лексемы *ráтка* предлагает финские этимоны, ср. фин. *ratas* 'колесо', pl. *rattaat* 'повозка, телега', при кар. *rataš*, ливв. *ratas* 'колесо', эст. *ratas* 'колесо', pl. *rattad* 'телега' [Kalima: 196]. Однако это прибалтийско-финское гнездо неисконно, оно восходит к балтийским данным, ср. литов. *rātas* 'колесо, круг', pl. *rātai* 'телега', латыш. *rats* 'колесо', pl. *rati* 'телега' [Fraenkel: 703], при нем. *Rad* 'колесо', латин. *rota* 'колесо', др.-инд. *rāthah* 'телега, боевая колесница' [EWD: 1359]. Поэтому Ю. Лаучюте говорит о заимствовании из балтийского источника «через посредство финских языков» [Лаучюте: 129]. Новые данные по прибалтийско-финским языкам, ср.: ливв. *ratas* 'колесо', *ratoi* 'колесо', 'круг, отпиленный из цельной березы или сделанный из капа' [СКЯМ: 300], кар. твер. *rataš* 'колесико, векошка, небольшой блок в ткацком станке' [СКЯТ: 231], ижор. *rattahaD* 'повозка', при *raDaz* 'колесо повозки' [IMS: 467, 461], люд. *ratas* 'колесо', водск. *rataz* 'колесо', *rattād* 'телега, повозка', ливск. *rattad* 'телега, повозка', расширяя круг соответствий, позволяет включить в сферу внимания ижорские и водские диалекты, ко-

торые можно сопоставить с материалами русских говоров Петербургской губернии (Петергофский уезд) и побережья озера Ильмень, хотя это никоим образом не исключает возможности балтийского воздействия. Так, например, авторы SKES полагают, что русск. *ра́тка* является результатом балтийского влияния [SKES: 743]. Таким образом, западный ареал русской лексемы не позволяет достаточно обоснованно остановиться на одной из двух этимологических версий. Кроме того, дистантный ареал в ярославских говорах заставляет предположить гетерогенность этих данных по сравнению с западными (в Новгородской области и Петербургской губернии), хотя вряд ли ярославские данные следует сопоставлять с русск. *рядки́* ‘двуколка для езды [двоих] с высокими бортами, на рессорах’ Свердл., 1952 [СРНГ 35: 342]. Ср. также: *радánка* «одрец, одрина, сноповозка, долгая, большая телега» [Даль 4: 3], *ра́дыли* ‘высокая повозка для перевозки сена, снопов’ Смол. [СРНГ 33: 251], несмотря на сходство формы с рассматриваемыми лексемами, представляют в этимологическом плане гнездо иного происхождения, сопоставляемое с польск. *rydvan*, укр. *ридван*, из немецкого источника, ср. нем. *Reitwagen* ‘повозка’ [Фасмер 3: 527]. Вероятно, в данном случае речь может идти о множественности источников для русских диалектных материалов и их позднейшей контаминации, что делает затруднительным (или даже невозможным) конкретное указание не только на предположительный этимон, но даже и на тип языка-источника.

Лексемы *ку́рпаники* ‘лапти’ Яросл., 1961 [СРНГ 16: 143]; *ку́рпы* ‘пеньковые лапти’ Пск., 1855 [СРНГ 16: 143]; ‘мужские башмаки с пряжками’ Великолукск. Пск. [Опыт], Пск. [Даль]; *курпíны* ‘лапти из охлопья’ Кашин. Твер. [Опыт]; ‘пеньковые лапти, чуни’ Твер., Пск. [Даль]; ‘мужские башмаки с пряжками’ Пск. [Даль]; *курпéтки* ‘носки’ Влад. [СРНГ 16: 143] рассматриваются как заимствование из балтийских источников, ср. литов. *kùrpė* ‘башмак’, латыш. *kuīre*, др.-прусск. *kurpe*, при словен. *kírlja* ‘вид обуви’, польск. *kurp*, *kurpia* ‘коты, лапти’, греч. *κρηπίς* ‘башмак’, латин. *carpisculum* ‘вид обуви’ [Фасмер 2: 428]. На прибалтийско-финской почве также является балтизмом, ср. фин. *kurpunen*, *kurpos*,

kurtonen ‘обувь из недубленой кожи’, ливск. *kurp* ‘обувь’, эст. диал. ‘низкие сапожки с подметками’, относят к балтизмам [SKES: 246]. Востриков сопоставляет с саамскими данными: саам. сонг. *kur'ppe* ‘морщина, складка’, предполагая субстратный источник, близкий к саамскому [Востриков 1981]. Я. Калима предполагает, что при заимствовании из прибалтийско-финских языков русская форма была бы: **курб-* или **кърб-* [Kalima: 129]. М. Фасмер полагает, что об обратном направлении заимствования говорить нет оснований [Фасмер 2: 428].

Таким образом, для данных говоров возможна следующая градация субстратных и заимствованных данных:

1. Лексика общеприбалтийско-финского типа, представляющая собой:

а) часть общеприбалтийско-финского севернорусского ареала;

б) элементы аргю, проникшие в русские говоры с конечными финно-угорскими источниками.

2. Единичные лексемы, соотносящиеся с дифференцированными прибалтийско-финскими типами.

3. Лексика, наиболее близкие этимоны которой находятся в марийском языке.

Литература

Андреева Е. П. Из истории названий рыболовецких орудий (на материале белозерских говоров) // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1991. С. 112–119.

Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство / Под ред. Ф. П. Филина. Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1980.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.

Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Кириллова Т. В. К изучению русско-карельских отношений в Тверском регионе // История и культура тверских карел: перспективы развития. Материалы международной конференции. Тверь, 1997. С. 93–95.

Кириллова Т. В. Роль Тверской картотеки как источника изучения среднерусских говоров // Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. С. 6–13.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в Ярославском областном словаре // Лексика ярославских говоров. Тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Ярославль, 1994. С. 14–16.

Мызников С. А. О взаимоотношении исконной и заимствованной лексики в рыболовецкой терминологии (по материалам Ярославского областного словаря) // Проблемы региональной лингвистики. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной памяти профессора Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 26–27 октября 1995 г.). Ярославль, 1996. С. 27–30.

Мызников С. А. О соотношении некоторых апеллятивов и топонимов в Обонежье и Ярославско-Костромском Поволжье // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 64–66.

Мызников С. А. Субстратный языковой ландшафт в Ярославско-Костромском Поволжье // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль, 2014. С. 37–41.

Мызников С. А. Дополнения к «Ярославскому областному словарю» в контексте диалектной лексикографии и некоторые новые финно-угорские этимологии // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль, 2016. С. 32–38.

Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985.

Сокращения источников

Аникин — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

- БТРС — Баскаков А., Голубева Н., Кямилева А., Любимов К., Салимзянов Ф., Юсипова Р. Большой турецко-русский словарь: 200 тысяч слов и словосочетаний. М., 2006.
- Беляева — Беляева О. П. Словарь Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
- Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- Доп. — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика. Т. 1–. Београд, 2003–. (издание продолжается).
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Хранится в Институте лингвистических исследований РАН.
- Куликовский — Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Кучин — Кучин И. В. Краткий рыболовный словарь Белозерского края // Кучин И. В. Рыболовство на Белоозере, Чарандском и других озерах Белозерского и Кирилловского уездов. СПб., 1902.
- КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лаучюте — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НОС₂ — Новгородский областной словарь. Издание второе, испр. и доп. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ОИКСЭ — Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Тарту, 2004.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- Покровский, Яценко — *Покровский Ф. И., Яценко Е. Н.* Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921. Рукопись. КСРНГ.
- Приемышева — *Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 1–2. СПб., 2009.
- Радлов — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.
- СБГПЗ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5 / Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Минск, 1979–1986.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект): около 20 тыс. слов / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- СКЯТ — Словарь карельского языка (тверские говоры): около 17 тыс. слов / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994.
- СМЯ — Словарь марийского языка. Т. 1–10 / Авт. А. А. Абрамова, В. И. Вершинин, Г. С. Патрушев и др. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990–2005.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М.; СПб.: Наука, 1975–2015. (издание продолжается).
- ТЮВЕ — *Гирфанова А. Х., Лопашов Ю. А., Петрович Снежана, Сухачев Н. Л.* Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных) / Под общ. ред. Н. Л. Сухачева [Рукопись].
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Т. 1–13. Мінск, 1978–2010.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–40. М.: Наука, 1974–2016. (издание продолжается).

- ЯОС — Ярославский областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Ahlqvist — *Ahlqvist A.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia slavica Finlandensia*. Т. XV. Helsinki, 1998. S. 5–39.
- EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. B. 1–3. Berlin, 1989.
- Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Т. 1–2. Heidelberg, 1962–1965.
- IMS — *Inkeröismurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1971 (*Lexica Societatis Fenno-ugricae XVIII*).
- Kalima — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja / Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki*. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1968–2005. (*Lexica Societatis Fenno-ugricae XVI*).
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. I–VII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. (*Lexica Societatis Fenno-ugricae XII*).

S. Myznikov. Vocabulary of Yaroslavl dialects in the etymological context

The article proposes an etymological analysis of some of the lexemes of Yaroslavl dialects of primordial and borrowed origin. Complex cases of distinguishing units of primordial Slavic origin and similar semantically and phonetically borrowed data are noted. In the Yaroslavl folk vocabulary highlights the vocabulary of the Baltic type, which is: part of the general Baltic-Finnish northern Russian range; elements of argos, penetrated into the Russian dialects with finite Finno-Ugric sources. The lexemes are presented, the etymons of which are in the Mari language.

Keywords: Yaroslavl, dialects, etymology, Baltism, Argo, Baltic-Finnish, Mari.

В. Л. Васильев

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ С ГОВОРом СЕЛА РУССКОЕ УСТЬЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЯКУТИИ

Аннотация. Статья рассматривает языковые пересечения между старожильческим говором села Русское Устье (в устье р. Индигирка, Северо-Восточная Якутия), на котором разговаривает особая субэтническая группа русских, и северным наречием русского языка. Изложенные фонетические и морфологические черты доказывают особую близость Русскоустыинского говора к говорам архангельских поморов. Ареальный анализ лексических данных (на буквы А, Б) не только обнаруживает множество переключек с Поморской диалектной группой, но и выявляет в Русскоустыинском говоре немало локальных новообразований и заимствований из соседних сибирских языков. Кроме того, в статье кратко обрисованы главные пути русской колонизации Сибири в Средние века.

Ключевые слова: говор села Русское Устье, северное наречие, поморская диалектная группа, пути колонизации Сибири, диалектная лексика, фонетика, морфология.

Исследователи отмечают три главных пути русской колонизации Сибири в период средневековья см., напр., [Хелимский 2000: 351; Дьяченко 2014: 84–86]. Первый путь проникновения русских в Сибирь был освоен через Средний Урал и далее шел на восток

через Тюмень и Тобольск в основном по рекам и волокам Южной Сибири. Этот сравнительно поздний путь стал доступен после экспедиции Ермака 1582–1583 гг. По нему в течение последующих 70 лет русские достигли Тихого океана, а территория Сибири была включена в состав Русского государства.

Второй, более северный, сухопутный путь в Сибирь был проложен существенно раньше — в XII в. Он проходил из Устюга по р. Вычегде, затем по суше в бассейн Печоры, по ее правым притокам и далее волоком на нижние левые притоки Оби [Дьяченко 2014: 84–85]. Его можно назвать древненовгородским, поскольку его проложили именно древние новгородцы, отправлявшиеся за пушниной в Югорскую землю (западная половина современного Ханты-Мансийского АО в Тюменской области), включенную в состав новгородских владений. Новгородские летописи сообщают о югорских данниках Новгорода под 1186 г. («избьени быша печерьскеи и югърьскыи въ Печере»), под 1193 г. сообщается о походе в Югру («Въ то же лѣто идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядремь; и придоша въ Югру и взяша городъ, и придоша къ другому граду») [НПЛ: 38, 40]. Но этот древненовгородский путь, конечно, не уходил далее Западной Сибири, а конкретнее — Нижнего Приобья и Северного Прииртышья.

Третий путь расселения русских людей в Сибири проходил по морям вдоль побережий Северного Ледовитого океана. Он был наиболее трудным, но в то же время более коротким, чем сухопутные пути, и позволял добраться не только до севера Западной Сибири, но даже до севера Центральной и Восточной Сибири. Морской ход был известен севернорусским поморам уже с XV в. или даже раньше, по крайней мере еще до распространения (с XVI в.) коча как более приспособленного для арктического мореплавания типа судов [Хелимский 2000: 351]. Этот путь проходил от Белого моря по морским побережьям на восток — к полуострову Ямал и Тазовской губе, оттуда — к низовьям Енисея и полуострову Таймыр. Благодаря поморам, к концу XVI – началу XVII вв. русские уже хорошо знали весь морской берег вплоть до Таймыра. В «Книге Большому Чертежу» начала XVII в. дано подробное опи-

сание всего освоенного поморами на тот период северного пути вдоль побережий: «Берегом морским от запада на восток от усть реки Тенуя до усть реки Кола и до Соловецкого завороту до усть реки Нивы и от Нивы до усть реки Онеги и от Онеги до усть реки Двины и от Двины до усть реки Печеры и до Пустоозера и через Каменной Нос до усть реки Князьковой Нярымским берегом до Сибирские реки до великие реки Оби и от Оби до усть реки Таза и Пура и от Таза реки от Мунгазеи до реки Енисеи писаны в книги сеи реки и города поморские...» [КБЧ: 146].

По всем ранним колонизационным путям, особенно по второму и третьему, передвигались выходцы из регионов Русского Севера, в этнодиалектном отношении связанные главным образом с древними новгородцами, которые в 1-й половине II тыс. н. э. обжили побережье Белого и Баренцева морей (став севернорусскими поморами) и заволоцские земли в бассейне Северной Двины и отчасти Прикамья. Освоив сначала морской путь до Мангазеи, севернорусы пересекли Таймыр (по морю на кочах вдоль берега полуострова, а также по рекам и волокам в бассейн р. Хатанга) и двинулись дальше на восток. Если в XVI в. главной была деятельность в западной части Арктики, до Таза и не восточнее Хатанги, то «в XVII в., наоборот, наблюдаются падение роли Обского, даже Енисейского Севера и быстро растущее значение побережья Якутии и крайнего северо-востока. После этого значение северного морского пути уменьшилось, он был почти забыт, и в Арктику, и на побережья Тихого океана русские люди стали проникать, пользуясь южными путями — через Сибирь» [Дьяченко 2014: 112].

Одним из отдаленных локусов старорусского освоения Восточной Сибири явилось село Русское Устье, расположенное в устье р. Индигирки на северо-востоке Якутии. Название *Русское Устье* прямо говорит о том, что данная местность первоначально была освоена русскими, осевшими в устье реки. Данное село, считающееся своеобразным заповедником старинной русской культуры, обычно изучают в этнокультурном и этнографическом аспектах, обращая особенное внимание на местный

фольклор [см., напр., Фольк. РУ; Азбелев 1991; Кляус, Супряга 2006]. Настоящая статья посвящена краткому рассмотрению специфики говора Русского Устья в сравнительно-диалектологическом плане. Отдельные фонетические, грамматические и (преимущественно) лексические особенности Русскоустыинского говора изложены в опубликованном в 2005 г. «Диалектном словаре Русского Устья» (далее — ДСРУ). Автор этого словаря — Алексей Гаврилович Чикачев — уроженец Русского Устья, известный в Якутии писатель-краевед и журналист. Помимо ДСРУ, в нашем распоряжении имеется диск с голосовыми записями баек, сказок и преданий Русского Устья в исполнении А. Г. Чикачева (далее — Диск РУ).

Русские переселенцы (промысловики и торговцы), обосновавшись в низовьях Индигирки, женились в основном на местных юкагирках и создали особую изолированную субэтническую популяцию русских. Современные жители села Русское Устье «по антропологическим чертам — метисы; по способу ведения хозяйства (рыболовство, песцовый промысел и ездовое собаководство) — близки северным якутам и юкагирам; по религии — двоеверцы, сочетающие язычество с христианством; по языку и этническому самосознанию — русские» [ДСРУ: 5].

Представленные в ДСРУ и на Диск РУ отличительные фонетические и грамматические черты изолированного говора русскоустыинцев обнаруживают отчетливо севернорусский характер. В местном говоре проявляются такие общие, дифференциальные признаки северного наречия, как: 1) полное оканье (с различием *o* и *a* в заударном положении типа *на́к[о́ва]льня* ‘наковальня’, включая и отчетливое произношение безударной флексии *-ой* среди прилагательных им. п. ед. ч. муж. р.: *красно́й, ста́рой, широ́кой*); 2) случаи заударного ёканья (*бу́[д’о]т, мо́[р’о]*); 3) смычная фонема *z*; 4) упрощение *ст/с’т’ > c/c’* на конце слов (*хво[ст] > хво[c], стра[с’т’] > стра[c’]*); 5) ассимиляция *бм > мм* (*обма́нывать > омма́нывать*); 6) разветвленная категория согласуемых постпозитивных частиц: *кни́га-та, сто́л-от, о́зеро-то* в им. п. ед. ч., *кни́ги-те, стола́-та, о́зера-та* в род. п. ед. ч., *кни́ге-*

те, столу́-ту, о́зеру-ту в дат. п. ед. ч., *кни́ги-те, столы́-те, озёра-те* в им. п. мн. ч. и др.; 7) иногда отсутствие *j* в интервокальном положении и стяжение гласных: а) в формах глаголов (*подбега́т, хвора́т, хвора́шь* в соответствии с *подбега́ет, хвора́ет, хвора́ешь*) и б) в формах прилагательных, но крайне редко (*прекрасно, зелёна* в соответствии с *прекрасное, зелёная*); 8) твердая *t* в флексиях 3-го лица настоящего времени глаголов; 9) формы на *-а* мн. ч. существительных ср. р. (*о́кна, озёра*, но *встретилось и робя́ты*).

Помимо распространенных черт северного наречия, по ряду других выразительных особенностей островной говор Русского Устья наиболее близок к говорам Поморской, или Архангельской, группы, характеристика которых содержится в работе [Пшеничнова 2008: 48–49], см. еще [Русская диалектология 1972: 39–40]. К таким особенностям относятся следующие:

1) Характерное «шаркающее» произношение русскоустыинцев, при котором мягкие свистящие *с', з'* преобразуются в мягкие шипящие *ш', ж'* (*вё[ш']ело, [ш']ила, ни[ш']мо́, [ж']ипу́н, [ж']веро́чек, [ж']мей* вместо литер. *вё[с']ело, [с']ила, ни[с']мо́, [з']ипу́н, [з]верёчек, [з]мей*). Ср. наличие палатальных («шепелявых») *с", з"*, что приводят в качестве отличительного признака именно Поморской группы говоров.

Произношение *ш', ж'* (на месте *с', з'*) получило на Нижней Индигирке дальнейшее развитие, по аналогии распространившись и на твердые согласные *ш, ж*, ср. появление здесь произносительной нормы типа *[ж']ивёт, [ш']ить, говори́[ш']* при литер. *[ж]ивёт, [ш]ить, говори́[ш]*. Вероятно, влиянием «шаркающего» произношения *с', з'* следует объяснять и появление вторичной фрикации в смычной мягкой *т'*, вследствие чего в местном говоре наблюдаем *ч' [т'ш']* в соответствии с литер. *т'* (*[ч']ихо, верé[ч'j]я, ле[ч']ит* вместо *[т']ихо, верé[т'j]я, ле[т']ит*).

2) Как и в Поморской группе, на месте бывшей фонемы «ять» как под ударением, так и в безударных слогах русскоустыинцы произносят *е* (*де́ло, река́, беда́*, но *встретилось и ни́ту*, ср. литер. *нет, не́ту*).

3) Для говора Русского Устья характерна ассимиляция *дн > нн* (*однó > оннó, виднó > вйнно, ладнó > ланно*), которую относят также к характерным чертам Поморской группы (показательно, что в расположенных южнее говорах Вологодской группы данная черта проявляется слабее).

4) Судя по записи голоса А. Г. Чикачева на Диск РУ, в говоре Русского Устья сохраняются следы мягкого («шепелявого») цоканья, которое в более полном виде свойственно поморским и некоторым другим севернорусским говорам. В соответствии с литер. *ч'* в Русском Устье наблюдается произношение *ц', ц''* или *ц'ч'* (*[ц'ч']ístой, [ц'']áть, словé[ц']ко*), а на месте литер. *ц* произносится эта же твердая аффриката (*[ц]арь, осинé[ц]*), хотя иногда и *ц''* (*[ц'']иплёнок 'цыпленок'*). Данная система различения аффрикат, похоже, имеет переходный характер: полагают, что она типична для большинства современных говоров с исходным цоканьем [Русская диалектология 1972: 52].

5) Среди выразительных черт Русскоустьинского говора в ДСРУ указана флексия *-оо* в род. п. ед. ч. прилагательных муж. р. (*большóо мужика́, бéлоо песка́, краснóо гáлстука*); данная особенность отнесена к числу типовых также и в Поморской группе говоров.

6) В Русском Устье порой используются отдельные формы 3-го лица настоящего времени глаголов без конечной *-т* (*виля́е, па́дае, прикла́дывае, сто́й, ви́дя*, ср. литер. *виля́ет, па́дает, прикла́дывает, сто́ит, ви́дят*), что в границах северного наречия встречается обычно в говорах Поморской группы и олонецких.

К характерным морфологическим особенностям Русскоустьинского говора в ДСРУ отнесены еще обозначения лиц в им. п. мн. ч. на *-ана* (*дворя́на, ме́щана, якуча́на, иркуча́на*) и наличие существительных ср. р. на *-мо* в соответствии с литер. *-мя* (*зна́мо, плéмо, сéмо, вре́мо*, ср. *зна́мя, плéмя, сéмя, вре́мя*). Первую из этих черт можно наблюдать также в отдельных говорах Вологодской и Поморской групп, тогда как вторая черта, появившаяся благодаря включению данных малочисленных слов в широкую словоизменительную парадигму типа *селó, окно́*, похоже, характери-

зует только говор (или говоры) в устье Индигирки. По крайней мере в диалектах Европейской России исследователи указывают лишь два пути обобщения существительных на *-мя*: либо с сохранением мягкого согласного основы им. п. ед. ч. (в виде *íme / íмё, сéме / сéмё* по типу *поле / полё, мóre / мórё*), либо с наращением *-ен* (*íмено, сéмено* по типу *селó, окнó*), см. [Хабургаев 1990: 75–76].

Разумеется, рассмотренными признаками фонетики и грамматики специфика говора Русского Устья далеко не исчерпывается, но и данный список достаточен для констатации единства диалектной основы русскоустыинцев с говорами Русского Севера, особенно с Поморской группой. Исходные севернорусские черты либо сохраняются, либо затухают, оставляя некоторые следы (напр., следы цоканья), либо на их основе развиваются местные инновации. Некоторые черты говора, конечно, обусловлены адстратным воздействием местных сибирских языков (среди таких черт, возможно, случаи отвердения *p' > p* на конце слов: *булдýр, цар/сар* вместо *булдýрь, царь*, мена гласной *ы* на *и* после *б*: *бáбы, бýстер* вместо *бáбы, быстёрь*).

Коснусь теперь лексических особенностей говора Русского Устья. Анализ полной совокупности диалектной лексики говора не входит в мою задачу, ограничусь лишь иллюстративной выборкой всех лексем произвольно взятого отрезка ДСРУ на букву Б. Эта пусть и небольшая, но — главное — сплошная выборка все же способна дать общее представление об основных путях появления слов в местном говоре. Для верификации лексических ареалов буду опираться на крупные известные диалектные словари (преимущественно на СРНГ, СРГК, АОС, НОС, СГРС) и на этимологические словари (Герд МЭССГ, Ан. РЭС, Ан. ЭСРДС). Взятый фрагмент ДСРУ позволяет обобщенно подразделить лексику говора Русского Устья на несколько групп.

1) Лексика северного наречия (преимущественно арх., волог., олон., новг.), изредка проникавшая с севера и в более южные говоры, обычно отмечаемая на Северном и Среднем Урале и в разных говорах Сибири: *бáйкать* ‘баюкать ребенка’, *бакльшóк* ‘шишка, нарост’ (ср. арх. *бакльш* ‘надводный камень

или небольшой островок' в Беломорье [СРГК, СРНГ]), *бáло* 'деревянный шаблон, по которому гнут полозья', *бáрдовать* 'стесняться, бояться', *бáско* 'хорошо, красиво', *баскóй* 'хороший, красивый', *байóн* 'разговорчивый человек', *бáять* 'говорить, разговаривать', *бедá* 'очень', *безпутí* 'чрезмерно, невыносимо' (ср. арх. *беспутí* 'напрасно' [СРНГ], новг. *без путí* 'неправильно', 'зря, напрасно' [СРГК]), *бель* 'еле различимый, тусклый свет на горизонте' (ср. *бель* 'состояние моря, когда горизонт бывает покрыт дымкой стелющегося тумана' в Беломорье [СРНГ]), *бёрдо* 'загородка из тальника для ловли рыбы', *бiстер* 'течение реки' (ср. сев.-рус. *быстёрь* 'стремнина в реке' [Герд МЭССГ]), *бiтва* 'шумное событие' (ср. сев.-рус. *бiтва* 'возня, хлопоты'), *благословенная мать* и *благословенной отец* в знач. 'лицо, заменяющее мать (отца) жениху или невесте' (ср. помор. *благословлена мать*, *благословлённой отец* — «родитель жениха или невесты, если таковой жив; а если его нет в живых, то заменяют последнего посаженные: старший в семье (брат, дядя), крестный отец, приемный отец» [Дуров СЖПЯ: 31]), *блaзнiться* 'мерещиться, чудиться, казаться', *брaтáн* 'двоюродный брат', *бриткóй* 'острый, бреющий', *бродить* 'ходить вброд', *брóдки* 'летние сапоги из ровдуги' (ср. *брóдки* 'непромокаемые сапоги с голенищами из кожи' в русских говорах Южной Карелии [СРГК]), *брóння* 'сапоги, предназначенные для ходьбы в воде' (ср. *брóдни* в знач. 'непромокаемые сапоги' онеж., см. [СРГК], и многие говоры Сибири, см. [СРНГ]), *буди* 'если', *бúкишка* как выражение страха, удивления (ср. сев.-рус. *бúка* как обозначение нечистой силы), *булдыр* 'водяной подкожный пузырь от ожога или трения; шишка' и *булдырóк* 'небольшая шишка; нажива из сушеной рыбы для приманки песцов' (ср. сев.-рус. *булдырь* 'волдырь', «слово ВР¹, известное только к северу от Западной Двины и реки Москвы» [Герд МЭССГ: 97]), *бура́к* 'кратковременный дождь со снегом', *бус* 'мелкий дождик', *буявый* 'веселый, резвый'.

---

¹Слово говоров Верхней Руси [Герд МЭССГ: 86].

2) Лексика, отмечаемая в разных европейско-русских говорах, чаще в среднерусских: *бáсня* ‘сплетня’, *берéмо* ‘груз, ноша’ (ср. сев.-рус., ср.-рус., южн.-рус. *берéмя* в этом же знач.), *блажь* ‘истерика’, *бёрдить* ‘трусить, бояться’, *бичёвник* ‘отлогий берег, по которому удобно идти бичевой’ (из тюрк.-кыпч., согласно [Ан. РЭС]), *буя́н* ‘открытое место на ветру’, *бывáльщина* ‘быль, небольшой устный рассказ’, *брóвить* ‘говорить много и бестолково’ (как вариант *бурóвить* ‘говорить несуразное, глупости; болтать’, ‘говорить невнятно; неотчетливо; бормотать’ в южн.-рус., реже в ср.-рус., сев.-рус. [СРНГ]), *бурс* ‘старинная шелковая ткань’ (из чув. или позднего волжско-булгарского, по [Ан. РЭС]), *бурундук* ‘веревка, протянутая с носа лодки к бичеве, которая служит средством управления при тяге лодки’ (из тюрк., по [Ан. РЭС]); к этой группе примыкает и устаревшее *божница* ‘полка для икон’ (ср. *божница* ‘полка, киот для икон’, XVIII в., по [СлРЯ XVIII 2: 92]).

3) Местные, ограниченные только Русскоустыинским говором и, быть может, другими старожильческими русскими говорами Восточной Сибири, словообразовательные производные и / или семантические инновации на базе разнодиалектной русской лексики: *ба́бничать* ‘заниматься повивальным делом’, *балага́н* ‘жилище типа якутской юрты’, *барáн* ‘деревянная горизонтально расположенная дуга в передней части нарты’, *ба́тя* ‘старший брат’, *бáсник* ‘сплетник’, *бáсничать* ‘сплетничать’, *бичёви́чик* ‘человек, идущий по берегу в бичеве’, *блюдоли́зник* ‘подхалим, подлиза’, *буйни́ца* ‘бойница, форточка’, *быстри́ться* ‘зло смотреть на кого-либо’, *борозда́* ‘фарватер реки’, (?) *баламо́шка* ‘балка, брус, бревно, положенное на две стены’.

4) Заимствованная лексика (из местных сибирских языков, чаще из якутского, согласно [Ан. РЭС; Ан. ЭСРДС]), ареал которой ограничен только говорами Восточной Сибири: *бадарáн* ‘топкое болотистое место’, *ба́гат* ‘возможно, может быть’, *балба́х* ‘тушка гуся, из которой удалены кости и внутренности’, *бараба́н* ‘большая лепешка из теста; блин из толченой икры’, *барча́* ‘кушанье из сушеной и толченой рыбы’, *бата́с* ‘большой охотничий

нож', *безгалік* 'насмешник', *бердётся* 'ушибиться', *бригать* 'обижаться' и *бригливый* 'обидчивый человек', *бугул* 'копна сена', *будунёнки* 'сапоги из нерпичьей кожи', *будуніца* 'пчела', *бутурусы* 'лохмотья, рвань; бутафория, украшения на шаманской одежде', *бутылі* 'бахилы, грубая просторная обувь', (?) *безкултЫшний* 'бесконечный, длительный (о дороге, разговоре, действии)'.

Некоторые выводы. Группа (1) лексем, самая многочисленная, отражает теснейшую связь Русскоустыинского говора с говорами Русского (Архангельского) Севера, территория которых была основным исходным местом колонизации Сибири. Севернорусы, носители данной лексики, передвигались в Сибирь всеми тремя главными колонизационными путями (см. выше). О сухопутном продвижении свидетельствует обнаружение большинства приведенных севернорусских слов также и в говорах Среднего Урала и в разрозненных регионах Сибири, в том числе центральных и южных, тогда как на морской ход намекают отдельные севернорусско / поморско-восточносибирские лексические схождения без очевидных повторений на Среднем Урале (см. *баклышбк*, *бель*, *бёрдо*, *безпуті*, *бістер*, *бура́к* и др.). Группа (2) лексем показывает, что среди переселенцев на север Восточной Сибири находились выходцы из центральных регионов Европейской России, но их было значительно меньше, чем выходцев из местностей Русского Севера; носители данных лексем передвигались в Сибирь только по сухопутью. Группы (3) и (4) свидетельствуют о лексико-семантических особенностях, приобретенных говорами русских переселенцев уже в самой Восточной Сибири. За 300–350 или более лет островного существования в Русском Устье сложился на севернорусской основе особый старожильческий говор, специфика которого в существенной мере определяется немалым числом семантико-деривационных инноваций на базе русской лексики и фонетически и морфологически адаптированных заимствований из местных сибирских языков.

Изложенные черты фонетики, грамматики и фрагмента лексики позволяют сделать вывод об особенной близости говора

русскоустыинцев к говорам архангельских поморов. Следовательно, появляется мысль о том, что первые русские поселенцы (или часть из них) были севернорусскими поморами и добрались до устья Индигирки традиционным для них способом — на кочах с моря. Одни современные исследователи, подробно обращавшиеся к теме русской колонизации Якутии, полагают, что «селение Русское Устье возникло лишь в самом конце XVII века, когда, спасаясь от оспы, сюда отселилась группа русских со среднего течения Индигирки» [Полевой 1990], вслед за ним [Вахтин, Головко, Швайтцер 2004: 38; Кляус, Супряга 2006: 8]; другие же (среди которых и А. Г. Чикачев, автор [ДСРУ]; [Дьяченко 2014: 112]) более доверяют местному преданию о том, что предки русскоустыинцев пришли в низовья Индигирки морем и поселились там чуть ли не со времен Ивана Грозного. Представляется, что перспектива решения этого дискуссионного вопроса лежит преимущественно в лингвистической плоскости: она связана с более широким масштабным сравнительно-диалектологическим обследованием всех остальных русских старожильческих говоров на территории Якутии.

Литература

Азбелев С. Н. Фольклор Русского Устья: к изучению региональной традиции // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. Якутск, 1991. С. 80–89.

Вахтин П., Головко Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири. М., 2004.

Дьяченко В. И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сб. научных статей / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 68–123.

Кляус В. Л., Супряга С. В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006.

Полевой Б. П. [Рецензия на книгу А. Г. Чикачева «Русские на Индигирке»] // Книжное обозрение. 09.11.1990.

Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.

Русская диалектология / Под ред. проф. А. Н. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: МГУ, 1990.

Хелимский Е. А. Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии // *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 351–352.

Сокращения источников

Ан. РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–10. М., 2008–2016.

Ан. ЭСРДС — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецевой. Вып. 1–17. М.: Наука, 1980–2016. (издание продолжается).

Герд МЭССГ — *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (А–Г) // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 85–108.

ДСРУ — *Чикачев А. Г.* Диалектный словарь Русского Устья / Отв. ред. чл.-корр. РАН А. Е. Аникин. Новосибирск: Наука, 2005.

Дуров СЖПЯ — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.

КБЧ — Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: АН СССР, 1950.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Подготовлена к изданию Цепковым А. И. Рязань: Александрия; Узорочье, 2001 (печ. по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950).

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин, Л. Л. Кутина и др. Вып. 1–21. СПб., 1984–2015.

- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (Издание продолжается).
- Фольк. РУ — Фольклор Русского Устья: Сборник / Подгот. С. Н. Азбелев и др. Л.: Наука, 1986.

V. Vasilyev. To the Question of Relationships between the Northern Russian and the Language of Village of Russkoye Ustye in the North-East of Yakutia

The article examines the intersections between traditional dialect in the village of Russkoye Ustye (at the mouth of the river Indigirka, North-Eastern Yakutia), spoken by a subethnic group of Russian population, and the Northern Russian. Listed phonetic and morphological features prove the great resemblance of the Russkoust'inskij dialect with the Pomor dialectal group. Analysis of lexical areals (letters А and Б) not only detects many similarities with the language of Archangel Pomors, but also reveals in the Russkoust'inskij dialect a lot of local lexico-semantic innovations and borrowings from neighboring Siberian languages. In addition, article briefly outlined the main ways of the Russian colonization of Siberia in the medieval time.

Keywords: Village of Russkoye Ustye, Northern Russian, Pomor Dialectal Group, Ways of Colonization of Siberia, Dialectal Vocabulary, Phonetics, Morphology.

**НАИМЕНОВАНИЯ СРУБА
И СПОСОБОВ СОЕДИНЕНИЯ БРЕВЕН:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ДАННЫХ ПРИСУРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
И СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ**

Аннотация. В статье представлен лингвогеографический анализ трех тематических подгрупп лексики плотнического и столярного дела, записанной на территории Присурского Поволжья в сопоставлении с данными общенародного языка и ладого-тихвинской и вологодской групп севернорусских говоров. Анализ лексики показывает ее специфические особенности, главной из которых является территориальное варьирование лексики при ее полидиалектном характере.

Ключевые слова: лингвогеография, ремесленная лексика, русские говоры, Присурское Поволжье, тематическая подгруппа.

Статья посвящена изучению некоторых тематических групп ремесленной лексики Присурского Поволжья. Ремесленная лексика, вслед за Т. С. Коготковой, понимается автором как «те диалектные слова с производственным содержанием, которые в каждой отдельно взятой местности связаны с хорошо развитым промыслом или производством, а с языковой точки зрения слова, логически соотносимые в одном лексико-семантическом ряду» [Коготкова 1971: 4]. В качестве синонимов Т. С. Коготкова использует термины «производственно-профессиональная лексика», «диалектная терминология», «терминологическая лексика говора». Ремесленная лексика русских говоров представляет собой пограничное явление диалектологии и профессиональной лексики, и однозначно отнести весь исследуемый материал к одному из этих типов невозможно. Эта особенность обуславливает своеобразие ремесленной лексики и необходимость изучения ее семантики и лингвогеографии. Наиболее репрезентативной формой для представления всего многообразия ремесленной лексики

традиционно является тематический словарь. Перспективой исследования является составление тематического словаря ремесленной лексики русских говоров Присурского Поволжья. Описание ремесленной лексики тесно связано с лексикографическим подходом к материалу — созданием словаря лексики соответствующего ремесла, промысла или группы ремесел, ограниченных по территориальному признаку. Создание подобного словаря с необходимостью предваряется лингвогеографическим анализом лексики.

Материалом для работы послужили записи речи ремесленников из 11 населенных пунктов, расположенных на территории Пензенской и Ульяновской областей, сделанные в период с 2013 по 2015 гг. Среднее Поволжье относится к территории говоров позднего заселения [Баранникова 1975], поэтому полученные материалы необходимо сопоставлять с данными говоров раннего формирования.

В настоящей статье объектом сопоставительного лингвогеографического анализа являются три тематические подгруппы, выделенные в лексике плотнического и столярного дела, — наименования видов сруба как основного изделия, изготавливаемого плотником, наименования составляющих, относящихся ко всему срубу, и наименования способов соединения бревен.

Лингвогеографический анализ лексики включает в себя построенное по ономаσιологическому принципу описание соответствующей лексики, записанной в Присурском Поволжье во время экспедиций 2013–2015 гг., и анализ этой лексики в сопоставлении с данными ряда лексикографических источников. Для проведения анализа привлекаются источники, свидетельствующие о наличии слова в общенародном языке, — «Словарь современного русского литературного языка» (БАС), «Большой академический словарь русского языка» (БАС-3), словарь В. И. Даля (Даль), и ряд источников, свидетельствующих о распространении слова и его вариантов в севернорусских говорах — КСРНГ и региональные диалектные словари. Данные КСРНГ адаптированы к современному административному делению России по обла-

стям. Данные региональных словарей приводятся в соответствии с административным делением России на момент выпуска словаря. В описание включаются только сопоставительные данные, свидетельствующие о наличии слова в ладого-тихвинской и вологодской группах севернорусских говоров или на территории Среднего Поволжья. Если данные о фиксации в том или ином сопоставляемом источнике не приводятся, это значит, что слово или соответствующее значение для слова в нем отсутствуют. Около каждой анализируемой лексической единицы в сокращенном виде указаны места ее фиксации. Для лексических единиц, зафиксированных во всех населенных пунктах, введен термин «константа».

Наименования деревянного строения

В Присурском Поволжье наиболее распространенным способом возведения деревянного жилого строения или другой постройки является создание сруба; сруб — основное изделие, создаваемое плотником.

Для наименования основного изделия, создаваемого плотником, на исследуемой территории зафиксированы слова *сруб* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино, ПЕНЗ: Пенз.: Богословка, УЛЬЯН: Майн.: Тагай, УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье, УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень) и *струб* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка, ПЕНЗ: Иссин.: Уварово, УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод).

Слово *сруб* зафиксировано в БАС в значении 'бревенчатое строение, сооружение, состоящее из нескольких венцов, скрепленных в форме четырехугольника' [БАС 14: 661]. В КСРНГ в соответствующем значении зафиксированы оба слова: *сруб* — в Новгородской и Псковской областях, *струб* — в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Ульяновской областях, а также в Республике Карелия [КСРНГ]. Слово *сруб* зафиксировано в словаре В. И. Да-

ля в соответствующем значении [Даль IV: 312–313], а для слова *струб* указано «ошибочно вместо сруб» [Даль IV: 351]. Слово *струб* в указанном значении зафиксировано в Онежском районе Архангельской области, в Прионежском районе Республики Карелия и в Любытинском районе Новгородской области [СРГК 6: 367], в Кочкуровском районе Республики Мордовия [СРГРМ 2: 1256].

Для наименования конечного результата работы на исследуемой территории используется словосочетание *срубовой дом* (ПЕНЗ: Белин.: Поим).

Наименования видов сруба для жилого помещения

В Присурском Поволжье существует несколько видов сруба для жилых строений. Одним из них является сруб, разделенный на две части капитальной стеной. Для его наименования на исследуемой территории используются слова *пятистёнок* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка), *пятистёнка* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм) и *пятистённый сруб* (ПЕНЗ: Иссин.: Уварово).

Из используемых для наименования этого вида сруба слов только слово *пятистёнка* зафиксировано в БАС в соответствующем значении [БАС 11: 1830], слова *пятистёнок*, *пятистённый* и прилагательное *пятистённый* зафиксированы в БАС-3 [БАС-3 21: 617]. В КСРНГ в соответствующем значении зафиксированы и слова *пятистёнок*, *пятистёнка* и прилагательное *пятистённый*: слово *пятистёнок* — в Архангельской, Вологодской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия, *пятистёнка* — в Новгородской и Псковской областях и в Республике Карелия, слово *пятистённый* — в Ленинградской и Новгородской областях [КСРНГ].

В региональных диалектных словарях зафиксировано слово *пятистённый* в значении ‘пятистенок’ в Медвежьегорском районе Республики Карелия, в Волосовском районе Ленинградской области, в Любытинском районе Новгородской области и в Белозерском районе Вологодской области [СРГК 5: 380], в Темников-

ском и Ромодановском районах Республики Мордовия [СРГРМ 2: 1027].

Для наименования капитальной стены-перегородки в срубе используется слово *переруб* (УЛЬЯН.: Карсун.: Белозерье), зафиксированное в соответствующем значении в БАС с пометой Обл. [БАС 9: 846]. Само слово в говоре более распространено в значении 'балки, на которые кладется пол'. В словаре В. И. Даля слово *переруб* зафиксировано в обоих значениях — 'стена, перегородка в срубе' и 'несущая балка в полу' [Даль III: 79]. В КСРНГ слово *переруб* зафиксировано в значении 'стена, перегородка в избе' в Архангельской и Мурманской областях [КСРНГ].

Слово *четырёхстенок* (ПЕНЗ: Иссин.: Уварово) используется в речи информантов исследуемого региона для различения простого вида сруба (без перегородки в середине) и сруба с перегородкой: *Сруб вездé адина́ковый, то́лькэ в зави́симости от ра́зницы. Есть пятисте́нок, а вот э́тъ четырёхсте́нок. Есть пятисте́нка кэ́торая [...] ну то́же та́кже кэ́рбкэ, то́лькэ в се́редине там е́ще вот та́кая стéнка. Здесь набíт дощáтый предба́нник, а здесь прóстэ дéлаецэ е́ще, то́же с бревен, вот, назывáецэ пятисте́нок* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм).

Среди наименований сруба зафиксированы названия по виду его отделки: *подрубáнок* и *подрубáнковый сруб*: *Де́сять на де́сять б́дут подруба́нок ста́вить; Ани́ сруб себé хотя́т подруба́нковый стро́ить, я уж не зна́ю, што́ пэ́лúчится.* (ПЕНЗ: Белин.: Поим). Обе лексические единицы обозначают сруб, сделанный на заказ «под ключ» из дополнительно обработанных рубанком бревен, наименования образованы из существительного с предлогом.

Слово *переруб* в значении 'стена, перегородка в доме' зафиксировано в Каргопольском и Онежском районах Архангельской области, в Шекснинском районе Вологодской области и почти повсеместно на территории Республики Карелия и сопредельных областей [СРГК 4: 466], в Дрегельском, Крестецком, Поддорском, Солецком, Чудовском и Шимском районах Новгородской области [НОС: 808], в Верховажском, Никольском, Сокольском и Тотемском районах Вологодской области [СВГ 7: 43].

Слово *четырёхстёнок* в соответствующем значении зафиксировано в Терском районе Мурманской области, в Каргопольском и Плесецком районах Архангельской области [СРГК 6: 787], в Опеченском районе Новгородской области [НОС: 1279]. В соответствующем значении в Сокольском районе Вологодской области также зафиксировано слово *четырёхстённик* [СВГ 12: 40].

Наименования видов хозяйственных построек

Одним из наиболее распространенных способов возведения различных построек хозяйственного назначения является способ, называющийся *в замётник*: по углам строения располагаются столбы со специальными пазами, в которые вставляются небольшие бревна или доски. Для наименования хозяйственной постройки, построенной таким образом, используются три слова: *заборник* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка), *заборка* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка) ‘сарай без крыши’ и *замётник* (ПЕНЗ: Белин.: Поим) ‘сарай с крышей’: *Влезай в нево аткуда хошь, он и называца заборник. Ево в столбы делают. [...] И тут значит, вьроют стълбочки дубовые вот такие. И вот, ее тоже называют заборкой.* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка); *Ево можнъ в стояк замётник ставить, и так лежа. Вот когда в стояк ево ставишь, он не садйца, а лежа — он садйца, усыхат. Ну вот этъ заборник, замётник.* (ПЕНЗ: Белин.: Поим); *Ну, заборник вот, сарай этъ под крышей, с крышей, этъ сарай, а эт без крыши, вот этъ заборник.* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань).

Слова *заборник* и *заборка* зафиксированы в КСРНГ. Слово *заборник* в значении ‘сарай особой сборки, сарай в столбы’ отмечено в Костромской, Московской, Самарской и Ярославской областях, и на территории Среднего Поволжья в целом [КСРНГ]. Слово *заборник* ‘сарай без крыши’ отмечено в Мошенском районе Новгородской области [НОС: 270]. Большинство фиксаций слова *заборка* в КСРНГ имеют значение ‘перегородка в избе’, но в значении ‘хозяйственная постройка или часть постройки’ слово

зафиксировано в Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях [КСРНГ].

В качестве хозяйственных построек, для которых также характерен данный вид сруба, зафиксированы слова *сарáй* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, УЛЬЯН: Майн.: Тагай, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино) и *кáлда* (УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод). Слово *сарáй* обычно используется для наименования крытой хозяйственной постройки, а слово *кáлда* — для постройки без крыши. Из указанных наименований слово *сарáй* зафиксировано в БАС, в значении ‘крытое хозяйственное помещение’ [БАС 13: 182], а слово *забóрка* — только в значении ‘деревянная перегородка’ в БАС-3 [БАС-3 6: 40].

В словаре В. И. Даля зафиксированы оба слова — *кáлда* в значении ‘летнее стойло, загородь для скота’ с пометами пен. и симб. [Даль II: 77] и *сарáй* в соответствующем значении [Даль IV: 140]. В том же значении, а в некоторых случаях — в значении ‘крытое помещение, не имеющее стен’, слово *сарáй* зафиксировано в КСРНГ в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Пензенской, Псковской, Самарской и Саратовской областях, в Республике Карелия и на территории Среднего Поволжья в целом [КСРНГ]. Слово *кáлда* зафиксировано в соответствующем значении в КСРНГ 40 единицами хранения, все из которых указывают на распространение слова в Пензенской, Самарской и Саратовской областях и на территории Среднего Поволжья в целом [КСРНГ].

Наименования частей сруба

В настоящей работе сруб как основное изделие плотника понимается как строение, состоящее из пола, стен и потолка. Составляющие сруба делятся для удобства описания на три части — (1) наименования для частей, составляющих основную часть сруба, (2) верхнюю и (3) нижнюю часть сруба. В настоящей статье рассматриваются только составляющие, относящиеся к основной части сруба.

Собственно сруб состоит из соединенных по четыре и расположенных один на другом рядов бревен. Для наименования одного такого ряда используются слова *венёц* («константа») или *ряд* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань). Слово *венёц* зафиксировано в соответствующем значении в БАС-3 без помет [БАС-3 2: 405] и в словаре В. И. Даля [Даль I: 339]. В КСРНГ слово *венёц* отмечено в соответствующем значении в Псковской и Саратовской областях [КСРНГ]. Кроме того, слово зафиксировано в соответствующем значении в Лодейнопольском районе Ленинградской области [СРГК 1: 171], в Гдовском, Новоржевском, Печорском, Середкинском (до 1958 г.) и Струго-Красненском районах Псковской области [ПОС 3: 74].

Слово *ряд* 'ряд бревен в срубе' записано в Мошенском, Новгородском, Окуловском, Опочецком, Пестовском и Пудожском районах Новгородской области и в Тихвинском районе Ленинградской области [НОС: 1050], а также в Каргопольском и Онежском районах Архангельской области, в Беломорском, Кондопожском, Медвежьегорском и Пудожском районах Республики Карелия, в Лодейнопольском и Тихвинском районах Ленинградской области, в Бабаевском, Кирилловском и Шекнинском районах Вологодской области, в Пестовском и Чудовском районах Новгородской области [СРГК 5: 605].

Для наименования части сруба, состоящей из собранных венцов, используется слово *коробка*: *Карóнка назывáца, сруб сам, дóм-то.* (ПЕНЗ: Белин.: Поим); *Да, а зачём там гвóзди? Он же рúбленный, он же в пазáх, в пазы́ взятый. Гвздя́ми стя́гивают стропи́лы, обрешетки, карни́зы тя́нут. Это гвздя́ми, а сама́ карóнка, это бес гвздя́.* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм). Слово зафиксировано в БАС в соответствующем значении 'остов здания' [БАС 5: 1445] или 'стандартное прямоугольное здание' [БАС-3 8: 812] и отсутствует в словаре В. И. Даля.

У слова *коробка* на территории Присурского Поволжья также есть и более распространенное значение — 'облицовка проема для дверей и окон'.

Несколько венцов, притесанных друг к другу, имеют наименование *стопá*. Слово *стопá* на территории Присурского Поволжья является «константой». Технически значение слова *стопá* может быть равно значению ‘сруб’, но в Присурском Поволжье, как правило, сруб изготавливался в несколько «стоп», которые последовательно устанавливаются друг на друга: *Этот, на стопáх. По три венцá, или по четýре венцá, стопá, прáвильна, дéлали, аднá стопá. Раз два три венцá, ёсли так, не высокó, четýре венцá срубíл.* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань); *Стáвят, когдá сабирáют, ёто назывáеца стопá. Рубят ево в две стопы, ну когдá в три, ёсли высокó, неудобно. А патóm сабирáют в аднó, стáвят на мéсто.* (Сюзюм); [А во сколько стоп вы рубили?] *В две стопы. Ну патамó што ужé высокó ётак с кáждым бревном лáзить, тяжелó поднимáть во-пёрвых, и рубить плóхо. Прихóдица на нем верхóm сидеть.* (ПЕНЗ: Пенз.: Богословка); *Во скóлько стоп вы стáвили? Вот бывáет обы́чно рубят в три стопы.* (УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод); [А что такое стопа?] *Ну вот срубíли сруб, ёто стопá назывáца, сруб гóлый, ёто стопá назывáца.* (ПЕНЗ: Белин.: Поим).

Слово *стопá* в БАС в указанном значении не зафиксировано, но присутствует в указанном значении в словаре В. И. Даля «стопа избная, вост. сруб с кровлей, с накатом и с полом, изба вчерне, без наряда (окон, дверей, лавок и пр.)» [Даль IV: 338]. В КСРНГ слово *стопá* зафиксировано только в значении ‘сруб, недостроенный дом’: срубом «в одну стопу» называлась заготовка дома с одной комнатой. В значении ‘сруб, недостроенный дом’ слово зафиксировано в Вологодской области. В значении ‘ряды бревен, бревна для сруба’ слово зафиксировано в Архангельской области, в значении ‘нижняя или верхняя часть сруба’ — в Тверской области [КСРНГ]. Слово *стопá* в значении ‘сруб, недостроенный дом’ зафиксировано в Ардатовском, Дубенском, Ельниковском, Кочкуровском районах Республики Мордовия [СРГРМ 2: 1248].

Стена между окнами или делалась из обрубков бревен, оставшихся от работы, или образовывалась при выпиливании окон и дверей в готовом срубе. Для ее наименования используются

слова *простёнок* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, УЛЬЯН: Майн.: Тагай, УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье, УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино, ПЕНЗ: Пенз.: Богословка) и *пролёт* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм). Слово *простёнок* в соответствующем значении зафиксировано в БАС без помет [БАС 11: 1384]. Слово *пролёт* зафиксировано в соответствующем значении в словаре В. И. Даля [Даль III: 511]. В КСРНГ слово *простёнок* в соответствующем значении отмечено в Вологодской области и в Республике Карелия [КСРНГ].

Наименования пристройки к срубу

Пристройки к дому не входили в несущую конструкцию сруба, а только прикреплялись к нему. Для наименования пристроек к срубу использовались слова *пристрой* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка) и *трёхстénка* (ПЕНЗ: Иссин.: Уварово). Слово *трёхстénка* в БАС и в словаре В. И. Даля не зафиксировано, а слово *пристрой* присутствует в БАС в соответствующем значении: 'то, что пристроено; пристроенное здание или часть здания' без помет [БАС 11: 771]. Оба слова зафиксированы в соответствующем значении в КСРНГ: *трёхстénка* — в Новосибирской области, а *пристрой* — в Архангельской, Вологодской, Новосибирской и Саратовской областях, а также в Республике Карелия [КСРНГ]. Слово *трёхстénка* зафиксировано в соответствующем значении в варианте *трёхстенок* в Любытинском и Опеченском районах Новгородской области [НОС: 1203], в Ардатовском районе Республики Мордовия [СРГРМ 2: 1339]. Слово *пристрой* отмечено также в Пудожском районе Республики Карелия [СРГК 5: 208].

Наименования укрепляющих конструкций в срубе

Для укрепления сруба на разных уровнях существуют специальные конструкции, которые имеют общее наименование *обвязка* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка, ПЕНЗ: Мокш.: Царевшино, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод). Уровней, на которых может делаться обвязка, три — это основание сруба, надоконный венец, служащий для укрепления коротких бревен между оконными проемами, и верхняя часть сруба. Для наименования основания и укрепления верхней части используются словосочетания *вёрхняя и нйжня обвязка* (ПЕНЗ: Белин.: Поим), укрепленный надоконный венец называется просто *обвязка* или *связь* (ПЕНЗ: Мокш.: Царевшино). Если в доме присутствуют все виды обвязки, то она называется *целикóвая* (ПЕНЗ: Белин.: Поим).

В случае, когда речь идет о постройке с типом рубки *в столб́ы* или *в заметник*, *обвязкой* называются несущие бревна, служащие креплением для вложенных или вставленных в них бревен. Слово *обвязка* зафиксировано в БАС в значении ‘приспособление, соединяющее или скрепляющее части каких-либо конструкций, сооружения, здания’ с пометой Спец. [БАС 8: 47]. В словаре В. И. Даля слово *обвязка* в соответствующем значении не зафиксировано, а слово *связь* зафиксировано в общем, не связанном с ремеслом, значении [Даль IV: 163–164]. Слово *обвязка* есть в КСРНГ в значении ‘нижняя обвязка’ — но не в севернорусских говорах, а в Иркутской и Новосибирской областях, в значении ‘закопная обвязка’ — в Новосибирской области [КСРНГ]. Согласно данным региональных диалектных словарей, слово *обвязка* зафиксировано в значении ‘нижний венец сруба’ в Плесецком районе Архангельской области, в Беломорском и Онежском районах Республики Карелия, в Волосовском, Лодейнопольском и Тихвинском районах Ленинградской области, в Новгородском и Солецком районах Новгородской области и в Череповецком районе Вологодской области [СРГК 4: 70], в Мошенском районе Новгородской области [НОС: 663], в Гдовском,

Дновском и Опочецком районах Псковской области [ПОС 22: 83–84]. Слово *связь* зафиксировано в указанном значении в Кирилловском, Сокольском и Усть-Кубинском районах Вологодской области [СВГ 9: 108].

Наименования способов укладки сруба

Виды рубки первично подразделяются на те, при которых бревна или брусья располагаются только горизонтально, и на те, где несущие бревна или брусья располагаются вертикально: данные способы называются *лёжа*, *ста́вить лёжа* и *в стояк*, *ста́вить сто́я* (ПЕНЗ: Белин.: Поим).

Наименования способов рубки с горизонтальным расположением бревен

В устройстве сруба для жилого помещения на территории Присурского Поволжья используется только «горизонтальная» рубка: бревна расположены горизонтально и скрепляются между собой вдоль посредством протески верхнего бревна и в углах конструкции разными способами. Продольное соединение бревен посредством протески характерно для всех видов рубки с горизонтальным расположением бревен, различия наблюдаются только в угловых соединениях.

Способов соединения бревен при их горизонтальном расположении существует два вида.

(1) Когда бревна скрепляются друг с другом торцевой частью и угол постройки получается ровным. По словам информантов, этот способ называется *без угло́в* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань), *в уго́л / в углы́* (УЛЬЯН: Майн.: Тагай, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод, ПЕНЗ: Пенз.: Богословка) и *чи́стый уго́л* (УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье).

Среди способов рубки *в уго́л* выделяют следующие соединения:

- *в / на ла́пу* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм, ПЕНЗ: Кузнецк.: Улья-

новка, УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод, ПЕНЗ: Иссин.: Уварово, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино) или *в вырубку* (УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье) — соединение бревен, при котором в торцевых частях бревна вырубается прямые пазы. Другое, не зафиксированное на обследуемой территории название этого соединения, — «прямая лапа»;

- (*в ласточкин хвост* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка) — соединение, сходное с соединением *в лапу*, но пазы в торцевой части бревна вырубается с уклоном к центру конструкции, что делает постройку более устойчивой. Другое, не зафиксированное на обследуемой территории название этого соединения — «косая лапа».

(2) Когда бревна скрепляются друг с другом на небольшом расстоянии от торца бревна так, что концы бревна выступают из соединения. Информанты называют этот тип *простая вырубка / рубка* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка) и *внахлёт* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм).

Из перечисленных наименований способов соединения в БАС зафиксировано наименование *в лапу* в соответствующем значении ‘затесанный шипом конец бревна, вставляемый в выемку другого бревна при связывании их в венец’ с пометой Спец. [БАС 6: 60] и слово *внахлёт* зафиксировано в БАС-3 [БАС-3 2: 640]. Кроме того, слово *вырубка* зафиксировано в БАС-3 [БАС-3 3: 546–547].

В КСРНГ из перечисленных наименований вида рубки зафиксированы следующие:

в угол ‘способ крепления бревен в срубе’ без уточнения — в Брянской, Новосибирской и Рязанской областях, в Республике Карелия, на территории Урала;

в угол ‘способ крепления с выступающими краями бревен’ — в Кемеровской и Новосибирской областях, на территории Алтайского и Краснодарского краев;

в угол ‘способ крепления, когда края бревен не выступают за угол дома’ — в Новосибирской области и на территории Забайкалья;

в углы в том же значении — в Рязанской области, на территории Алтайского края;

с углами в том же значении — в Калужской области;

чистый угол — в том же значении — в Новосибирской области [КСРНГ].

В КСРНГ в соответствующем значении зафиксировано наименование *в лапу* — в Архангельской и Пензенской областях, а также в Республике Карелия и в Среднем Поволжье в целом [КСРНГ].

Словосочетание *в ласточкин хвост* в КСРНГ не зафиксировано, но отмечены словосочетания *прямая лапа* и *косая лапа* — в Новосибирской области [КСРНГ].

Словосочетание *в чистый угол* ‘соединение бревен в угол без выступа за пределы стены’ отмечено в Терском районе Мурманской области, Онежском, Плесецком районах Архангельской области, Новгородском районе Новгородской области и в Чагодощенском районе Вологодской области [СРГК 6: 573]. Отдельно зафиксированы словосочетания *чистый угол* и *белый угол* в значении ‘способ обработки угла сруба, когда концы бревен обрубаются, не выступают за стенку (при этом опиленный угол строения получается без торчащих концов бревен)’ в Терском районе Мурманской области, в Онежском районе Архангельской области [СРГК 6: 573].

Сочетание *в угол* (*угол, углы*) ‘способ рубки дома так, что концы бревен выступают за пределы стены’ зафиксировано в Медвежьегорском районе Республики Карелия, в Плесецком районе Архангельской области, в Бокситогорском, Киришском и Лодейнопольском районах Ленинградской области и в Чудовском районе Новгородской области [СРГК 6: 573] и без уточнения разновидности в Валдайском, Любытнинском, Маловишерском, Новгородском, Поддорском, Солецком и Чудовском районах Новгородской области [НОС: 1221].

Слово *lána* зафиксировано в значении ‘способ рубки’ — с вариантами «затяжная с голландским зубом» — в Каргопольском районе Архангельской области, *косáя lána* — в Подпорожском районе Ленинградской области, *кривáя lána* — в Волховском районе Ленинградской области, *прямáя lána* — в Подпорожском районе Ленинградской области [СРГК 3: 95].

Выражение *в lánu* в значении ‘способ соединения бревен без выступа во внешнем углу венца у сруба строения’ зафиксировано в Бежаницком, Великолукском, Гдовском, Дедовичском, Дновском, Красногородском, Локнянском, Лядовском (до 1959 г.), Невельском, Новоржевском, Опочецком, Островском, Палкинском, Печорском, Порховском, Псковском, Пустошкинском, Пушкиногорском, Себежском, Струго-Красненском районах Псковской области и в Холмском районе Новгородской области [ПОС 16: 494], в Боровичском, Валдайском, Волотовском, Демянском, Крестецком, Любытнинском, Новгородском, Окуловском, Пестовском, Солецком, Старорусском и Холмском районах Новгородской области [НОС: 493].

Словосочетание *в láсточкин хвост* с пометой плотницк. отмечено в Торопецком районе Тверской области [ПОС 16: 520].

Способы соединения, при которых торцевой конец бревна выступает, отличаются степенью сложности конструкции. Наиболее простой способ соединения, при котором в верхнем бревне вырубается поперечный полукруглый паз, которым бревно накладывается на перпендикулярно расположенное к нему нижнее, называется *в ча́шку* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, УЛЬЯН: Майн.: Тагай, УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье, УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень, УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод) или *ру́сский у́гол* (ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино). Усложненное соединение, при котором в двух соединяемых бревнах вырубаются пазы, но не полукруглые, а прямоугольные и с небольшим выступом в середине паза, имеет названия *в охря́нку / в охря́н / охря́нка* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка, УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье, ПЕНЗ: Иссин.: Уварово, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино).

Для усиления конструкции и придания ей дополнительной прочности во все перечисленные типы соединений (и «с углами», и «без углов») могли добавлять дополнительное крепление — в центре углового соединения делались шип и паз, в который шип вставлялся, или два паза, соединяемые шкантом, небольшим деревянным стержнем. Соединение, укрепленное таким образом, имело следующие наименования: *на / в замо́к* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, ПЕНЗ: Иссин.: Уварово, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино), *с замко́м* (ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино), *под замки́* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм), *просто́й замо́к* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань), *на зуб* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань). В некоторых случаях шипов или шкантов могло быть два, в таком случае они располагались под разными углами. Для способа соединения с использованием двух шипов используются наименования *двойно́й замо́к*, *морско́й замо́к* и *на зу́бы*: *Мы называ́ли э́тот, в ахря́нку, э́то в ве́рхнем э́тот, вынима́ли ве́рхнее. Так. (рисует) Э́тъ ни́жнее бревно́, а на ве́рхнем мы черти́ли так вот здесь. Берем, и так, и э́ту по́ложим так, она́ э́та как-то горбылько́м, или ка́к, так устанавлива́шь ие. А соединя́ть здесь э́то, длино́й-то не хва́тит там на де́сять ме́траф, э́то на замо́к, саедини́ли. Замо́к, морско́й замо́к был, а там просто́й замо́к* (ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань).

Еще один способ соединения с дополнительным креплением в виде шипа (зуба) с пазом, когда внутри полукруглого паза в нижнем бревне вырезается шип, а в верхнем — дополнительный паз, или в обоих полукруглых пазах делаются отверстия, в которые вставляется шкант, называется *в потём* (ПЕНЗ: Белин.: Поим).

Из перечисленных наименований способов рубки только *в замо́к* зафиксировано в БАС в общем значении «тип рубки» без помет: ‘способ соединения бревен, брусьев, при котором они составляют как бы одно целое’ [БАС 4: 678]. Для слова *ча́шка* зафиксировано значение ‘паз’, но как тип рубки слово отсутствует [БАС 17: 799], а слово *зуб* зафиксировано в значении ‘острый выступ на чем-либо’ [БАС-3 6: 812].

Сочетание *в чайку* в значении ‘способ рубки углов дома’ зафиксировано в Онежском районе Архангельской области, в Пудожском районе Республики Карелия, в Бокситогорском и Лодейнопольском районах Ленинградской области [СРГК 6: 762] и в Боровичском, Валдайском, Крестецком, Любытинском, Маловишерском, Новгородском, Окуловском, Поддорском и Солецком районах Новгородской области [НОС: 1269].

Слово *охряпка* в значении ‘двусторонний подруб бревна при рубке углов строящегося дома’ отмечено в Гдовском и Локнянском районах Псковской области [ПОС 24: 342].

Наименования способов рубки с вертикальным расположением бревен

Способ рубки, при котором несущие бревна или брусья располагаются вертикально, представляет собой конструкцию из четырех столбов, в каждом из которых с двух сторон под углом девяносто градусов вырезаны продольные шипы во всю длину столба, а пространство между столбами заполнено брусками или досками, на концах которых вырезаны шипы, которые вставляются в пазы столбов. Такой тип рубки характерен для хозяйственных построек или пристроек.

Описанный способ рубки имеет следующие наименования: *в столбы́* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм, ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка, ПЕНЗ: Иссин.: Уварово, ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино), *столбы́* (ПЕНЗ: Белин.: Поим, УЛЬЯН: Майн.: Тагай), *в забóрник* и *в замётник* (ПЕНЗ: Белин.: Поим): *В сталбы́, зна́ешь де́лают, но ана́ съдет и там ды́ры будут. Это де́лают столп, пазя́т ево́ с двух старóн, да, вот венёц заведу́т, и́ли два, внизу́, ста́вят четы́ре столба́. Де́лали, это́ абы́чно коню́шню, ба́ню де́лали, а дом не де́лали. И зареза́ют шипы́ таки́е, в абóи сто́роны* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка); *Налóжишь вот итук пятóк, черто́й припази́л, и ста́вишь, получа́ца в сталбы́* (ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка); *Он гва́рил, у нас все дама́ в замётник в Гаври́лафке, аблóжены кирпи́чом. [...] Ну как тебе сказа́ть, сталбы́ ста́вляца, и та́кже забира́еца в замётник. Вот два сталба́*

ста́вица, паз там, а тут шип, и вот забира́ет ево́, сара́й, и дама́ стрóят. [...] Это мы в замётник авя́зку сде́лали, пропази́ли все, он аторва́л расши́вины, там расшива́ют, штоб... мы смóтрим с Кура́нской гары́, упáл у Васи́лия сара́й, приходи́м: «ты што, Васи́лий, ты бы расши́л слéгими, а па́том атрыва́л бы решётник», до́ски на решётнике, да́ вот. (ПЕНЗ: Белин.: Поим).

Из наименований для «вертикального» способа рубки ни одно не зафиксировано в БАС. В КСРНГ из наименований для «вертикального» способа рубки зафиксированы следующие: **в столбы́** — в Новосибирской области и на территории Алтайского края, **в забóрник** — в Самарской области и на территории Среднего Поволжья в целом. Наименование **в замётник** в значении ‘способ устройства хозяйственного помещения’ не зафиксировано [КСРНГ]. Слово **забо́рник** в значении ‘вид стены из бревен, положенных между столбами с пазами’ зафиксировано в Мошенском районе Новгородской области [НОС: 270].

Выводы

На основании представленного лингвогеографического анализа можно сделать выводы о некоторых особенностях ремесленной лексики. Заметно территориальное варьирование лексики плотнического и столярного дела в пределах обследованного региона. Проанализированная лексика не образует ярко выраженных ареалов распространения на обследованной территории, но варьирование наименований для одной и той же реалии очевидно.

Не менее очевиден и полидиалектный характер ремесленной лексики тематической группы «плотническое и столярное дело». Частично он обусловлен общенародным характером анализируемой лексики, например, слова **сруб, пятистéнка, переру́б, сара́й, корóбка, простéнок, пристрóй, авя́зка, в ла́пу и в замо́к**. Но многие слова, входящие в проанализированные тематические подгруппы, зафиксированы только используемыми в работе региональными диалектными словарями, что говорит об их распространенности в разных говорах. Нельзя отрицать связь между

говорами раннего и позднего формирования, но, согласно сопоставляемым источникам, совпадение является неполным.

Все указанные особенности обуславливают своеобразие ремесленной лексики русских говоров.

Литература

Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22–31.

Коготкова Т. С. К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка // Диалектная лексика 1969. Л.: Наука, 1971. С. 3–20.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–17. М.: Наука, 1980–2016. (издание продолжается).

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. Т. 1–23. СПб.: Изд-во «Наука», 2004–2014. (издание продолжается).

Даль — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка / набрано и напечатано со второго издания 1880–1882 гг. Т. I–IV. М., 1956.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров». Хранится в Институте лингвистических исследований РАН.

НОС — Новгородский областной словарь. Издание второе, испр. и доп. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016. (издание продолжается).

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 1–2. СПб.: Наука, 2013.

Сокращения географических названий

- ПЕНЗ: Белин.: Поим — село Поим Белинского района Пензенской области
- ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань — село Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области
- ПЕНЗ: Иссин.: Уварово — село Уварово Иссинского района Пензенской области
- ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм — село Сюзюм (Рождественское) Кузнецкого района Пензенской области
- ПЕНЗ: Кузнецк.: Ульяновка — село Ульяновка Кузнецкого района Пензенской области
- ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино — село Царевщино Мокшанского района Пензенской области
- ПЕНЗ: Пенз.: Богословка — село Богословка Пензенского района Пензенской области
- УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье — село Белозерье Карсунского района Ульяновской области
- УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень — село Усть-Урень Карсунского района Ульяновской области
- УЛЬЯН: Майн.: Тагай — село Тагай Майнского района Ульяновской области
- УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод — поселок Каменный брод Сенгилеевского района Ульяновской области

M. Korolkova. Words denoting log construction and log joining techniques: a comparative analysis of the material collected in the Sura area of the Volga region and the data of Northern Russian dialects

The article provides a linguogeographic analysis for three thematic subgroups of carpentry and woodworking vocabulary units collected in the Sura area of the Volga region in comparison with the data from Standard Russian and from the Ladoga-Tikhvin and Vologda groups of Northern Russian dialects. The analysis of the vocabulary demonstrates its specific properties, the most prominent of which is the territorial variability of the vocabulary combined with its polydialectal character.

Keywords: linguogeography, vocabulary, Russian dialects, Sura Volga region, thematic subgroup.

СЕВЕРНОРУССКИЙ КОМПОНЕНТ В РЫБОЛОВЕЦКОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Исследование посвящено выявлению севернорусских элементов в рыболовецкой лексике русских говоров Симбирского Заволжья. Как показано в статье, данная тематическая группа лексики содержит весьма значительный общерусский компонент, а также большое число лексем узлокального и регионального характера. Севернорусские лексические элементы присутствуют преимущественно в тематической подгруппе наименований орудий рыбной ловли и их частей. В собранных полевых материалах совсем не зафиксировано севернорусских по происхождению названий рыб.

Ключевые слова: севернорусские говоры, рыболовецкая лексика, говоры Симбирского Заволжья, общепотребительная лексика, диалектизмы.

Материалом для исследования лексики рыболовства послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся в течение пяти лет (с 2012 по 2016 гг.) в левобережной части Ульяновской области, в ряде населенных пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов.

В данном исследовании земли левобережной части Ульяновской области именуется Симбирским Заволжьем в связи с особенностями их весьма сложной истории. Заволжье среди симбирских земель выделяется в историческом отношении. Волга для данного региона служила естественным рубежом, долгое время защищавшим от кочевых набегов. Оседлые жители пришли в этот край, исключая поселения на самом берегу реки, позже, чем на правобережье. Как показывают наши данные, говоры Симбирского Заволжья имеют выраженную владимирско-поволжскую основу при достаточно заметном южнорусском влиянии, а также при смежном влиянии тюркских и финно-угорских языков [Мызникова 2015].

Э. Л. Дубман отмечает мощное системообразующее воздействие на развитие Российского государства, оказанное присоединением Среднего и Нижнего Поволжья. «Одним из важных следствий этого процесса стало появление у страны уникального промыслового рыболовецкого района, обеспечивающего своей продукцией потребности населения как новых, так и “старых” густонаселенных территорий Европейской России» [Дубман 2012: 128]. Несмотря на то, что на Руси ведущей отраслью хозяйства всегда было сельское хозяйство, промыслы (пчеловодство, рыбная ловля, охота, солеварение и др.) играли второстепенную, но все же значительную роль. Об этом свидетельствует и богатая лексика, относящаяся к различным промыслам, особенно к рыболовству [Вакуров 1959: 4].

Рыбный промысел всегда являлся неотъемлемой частью хозяйственной деятельности жителей Симбирского Заволжья, земли которого лежат в бассейнах Волги и Большого Черемшана. Лексику, связанную с рыбным промыслом на данной территории, можно разделить на следующие тематические группы:

1) названия природных явлений, элементов ландшафта: *рыбный вѣтер*, *вѣтер из гнилого угла*, *замор*, *икробой*, *свал*, *яик* ('заводь'), *ропак* ('льдина, стоящая ребром, небольшой торос'), *сало* и др.;

2) названия орудий рыбной ловли и их частей: *волокуша*, *невод*, *недотка*, *потал*, *режак*, *тоня*, *вентерь* (*вѣтерь*, *вѣтерь*), *гон*, *гонка*, *котовка*, *намѣтка*, *нерѣжка*, *отпуск*, *перемѣт*, *черпак*, *балбѣра*, *наплав*, *ворот*, *воротник*, *кошель*, *крыло*, *кутѣц*, *морда*, *мотня*, *сокорина*, *сокорка*, *оттуга*, *погрузок*, *подбора*, *якорь*, *иглица*, *синтава*;

3) названия рыб: *сорочка*, *чехонь*, *сопá*, *синтѣпка*, *синтя*, *саяк*, *мультипка*, *лѣц*, *вукляя*, *бель*, *белѣшка*, *стѣрлядь*, *белуга*, *сом*, *горбáч*, *щука* и др.;

4) названия частей лодки: *гусли*, *носóвка*, *плица*;

5) наименования рыбаков: *бурлак*, *старшóй*;

6) наименования действий людей: *закотóвить*, *прóруби бить*, *обмѣтывать*, *топíть сѣти*.

В группе наименований природных явлений и элементов ландшафта, актуальных для рыбного промысла, отмечена как лексика территориально широко распространенная (*замóр, сáло*), так и специфичная для данной местности:

ры́бный вéтер ‘ветер, способствующий приходу рыбы’: *Ры́бный вéтер — э́та ю́жный, ю́го-восто́к то́же не о́чень, и се́веро-за́падный, э́та вот ры́бный*. Крестово-Городище Чердаклин.;

вéтер из гнило́го угла́ ‘ветер, при котором рыба уходит’: *Иде́ш, и уже́ то́чна зна́еши, бу́дет ры́ба или не бу́дет: из гнило́ва угла́ вéтер — э́та васто́чный, он атжы́мный, планкто́н унасíла на друго́й бе́рек, там сва́й рыбаки́ есть, то есть у нас ры́бы нет*. Крестово-Городище Чердаклин.;

икробо́й ‘нерест’: *Когда́ на икробо́й ры́ба иде́т, пря́мо вот на песо́к сюда́ выхо́дит, там ребя́тишки прям рука́ми лóвют*. Ерыклинск Мелекес.;

свал ‘крутое понижение дна Волги на месте старого русла до искусственного затопления’: *Там где ста́рая Во́лга текла́ — э́та как рас вот свал и́менна вот эт вот бе́рек, и се́тку, как пра́вила, ста́вили та́ким о́бразами, патаму́ шта́ ры́ба ста́ра́еца фсе́-тки ити́ на сва́лу, как ра́ньше ана́ хадíла на сва́им э́тим*. Крестово-Городище Чердаклин.;

я́ик ‘место на реке со стоячей водой, заводь’: *Вот зесь вот я́ик был ф сто́ячей воде́, там водíлись лини́ и караси́*. Старая Майна Старомайн.

Особый интерес представляет лексема **ропа́к** ‘льдина, стоящая ребром, небольшой торос’ (*А адде́льна фста́фшая льди́на — э́та ропáк*. Крестово-Городище Чердаклин.). Лексема **ропа́к** со значениями ‘льдина, торчащая стоймя’, ‘ледяной бугор’, ‘нагромождение льдин’ фиксируется в говорах Карелии, Обонежья и Беломорья и возводится исследователями к вепсскому *gorak* ‘неровный, негладкий, шербистый’, при этом не исключается и возможность влияния саамского языка [Мызников 2003: 334–335]. Таким образом, лексема **ропа́к** имеет севернорусское происхождение.

Среди названий орудий рыбной ловли и их частей имеется значительное число лексем общеупотребительных или территориально широко распространенных: *нёвод*, *волокуша*, *вёнтерь*, *перемёт*, *намётка*, *мотня*, *мёрда*, *кошэль*, *наплáv* ('поплавок'), *крыло́*, *тоня́*. Все эти лексемы присутствуют в БАС, но некоторые из них помечены как областные (*волокуша*, *вёнтерь*) и специальные (*кошэль*, *наплáv*). *Волокуша* в СРНГ описана как южно-русская (Курск., Дон., Кубан.) и владимирско-поволжская лексема (Влад., Нижегород., Симб.) [СРНГ 5: 55].

Вёнтерь в СРНГ помечен как слово южнорусское, а также уральское, сибирское [СРНГ 4: 115]. Но в говорах Симбирского Заволжья зафиксированы также варианты *вётерь* и *вятерь*. Последняя форма характерна, по данным СРНГ, для новгородских, вологодских, владимирских говоров, а также для говоров Поволжья (пометы Ставроп. Самар., Симб., Куйбыш., Нижегород.) [СРНГ 6: 80]. Вариант *вётерь* в СРНГ присутствует с пометами севернорусских говоров (Белозер. Новг., Беломор., Арх.) [СРНГ 4: 193]. Таким образом, можно предположить различные пути проникновения на восток вариантов *вёнтерь* (южным путем) и *вятерь*, *вётерь* (северным путем). Интересно, что информанты используют варианты *вятерь* и *вётерь*, а вариант *вёнтерь* характеризуют то как устаревший, то как «научный»: *А ешо́ и дѣлали нѣсколько таки́х, этѣ вятерь, а мож быть веньтерь, как прáвильно нау́чно, я не знаю́, у наз зесь прѣсто вятерь*. Старая Майна Старомайн.; *Эта вёнтерь, или вятерь, эта кто как ужé, вот мой прáдет — он гаварил «вёнтерь»: «Пойду́ поста́влю вёнтерь»*. Крестово-Городище Чердаклин.

Лексема *мёрда* приводится в СРНГ с пометами, показывающими ее распространение по всему северу вплоть до Урала и Сибири: Арх., Олон., Волог., Костром., Вят., Енис., Кемер., Свердл. [СРНГ 18: 258].

При промысловом лове рыбы большой артелью использовали *нёвод* ('большая рыболовная сеть с крыльями и мотней, т. е. мешком для сбора рыбы'): *Та́кже бы́ли невада́, невадна́я брига́да: сабира́лись фсе рыбаки́ этава селá и рабѣтали нѣвадам, вот этат*

вот невад примёрна где-та мэтраф трística длинóй с матнёй бальшóй, вот кошэль сичás па-нóвамү назывáеца, эт кудá рыба скáтывалас с этих крыльеф. Крестово-Городище Чердаклин.

Помимо невода, использовались и другие разновидности сетей. Так, лексема *режак* обозначает ‘сеть с крупной ячейей на крупную рыбу’: *Есть режакí, ésta сéти от пятíдесяти пятíи и вýше*. Крестово-Городище Чердаклин. и используется, по данным СРНГ, на Дону, на Волге, на Урале и в Сибири [СРНГ 35: 26]. Лексема *режак* зафиксирована в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. в значении ‘снасть, употребляемая для ловли осетров’ [Слов. Акад. 1847 4: 61], что свидетельствует о ее былом общеупотребительном характере.

Для ловли мелкой рыбы использовали небольшой бредень — *недóтку*, ‘рыболовное орудие из редко вытканного холста, сшитого в два полотнища’: *Баушка вот недóтку вязáла, прýли, коноплю сýяли, вот она прýла, и вот недóтку там мэтра три, вот такýю вот высóта, ну там два полотнá*. Ерыклинск Мелекес. *Недóтка* отмечена как на северо-западе (псковские, новгородские говоры), так и в Поволжье (костромские, мологские) [Гапонова 2006: 117], а также в южнорусских (липецких, воронежских) говорах [СРНГ 21: 33]. Лексема *недóтка* также зафиксирована в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. [Слов. Акад. 1847 2: 433], что говорит о ее былой общеизвестности.

Лексема *кутёц* ‘сетный мешок невода’: *Кагда крылья сашилс, ана [рыба] схóдит ужé к куциу, и сливами её сливáеш ужé ф кутёц, а ис куциá патóm ужé вычёрпываем в лóтку*. Крестово-Городище Чердаклин. Также имеет фиксации в различных говорах, как в севернорусских (Арх., Терск., Костром.), так и в южнорусских (Дон., Астрах.).

Широкое распространение имеет лексема *балбёра* (*балбёрка*) ‘поплавок из коры тополя для рыболовных снарядов’: *Осокорь — такоё дёрева былá, у нево толстая кожура, сокóрина, из неё дёлали балбёры*. Крестово-Городище Чердаклин., отмечается в севернорусских, кубанских, донских говорах, а также представлена в белорусском и украинском языках [Мызников 2015: 29].

Лексема *подбора* ‘одна из двух продольных веревок, на которых крепится сетное полотно’: *Вот сётка есь: на véрхней падборе балбёра штобы, а внизу — камень*. Крестово-Городище Чердаклин. В СРНГ приводится в грамматическом варианте *подбор* и с разнообразными территориальными пометами: Астрах., Касп., Ульянов., Арх., р. Урал [СРНГ 27: 342]. Поскольку данная лексема (*подбора*) зафиксирована еще в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. [Слов. Акад. 1847 3: 249], можно говорить о ее былом общеупотребительном статусе.

В числе специфичных для говора названий сетей, других орудий ловли и их частей отметим следующие:

потал ‘рыболовная сеть с ячейей 30–40 мм’: *Потал — эта сеть поставиши, вот так Черемшан — поставить сеть, ячeya вот трицятка, ну пусть будет сорокофка, эта попадались язи, вот такé вот, ну как сорочка*. Ерыклинск Мелекес.;

нерёжка ‘ловушка для рыбы с двумя “горлами”, сплетенная из прутьев’: *Вот зесь вот яик был ф стоячей воде, там водились лини и караси, там у дяди у моево пчэльник был, я бегал, и вот он ставил такие вот называэца нерёшки: как поднимешь только, так они там бълтыхаюца*. Старая Майна Старомайн.;

гон ‘проталкивание жердей, за которыми тянется сеть, от одной проруби к другой во время подледного лова рыбы’: *Зимой заправляем сети гоном, протягиваем верёфку, потом верёфкай затыгиваем сеть*. Крестово-Городище Чердаклин.;

гонка 1) ‘шест, при помощи которого прогоняют сети подо льдом во время зимней рыбалки’: *Гонка — эта жерть: отпускаем её в лунку, таплю вот, ана с верёфкай привязанай*. Крестово-Городище Чердаклин., 2) ‘приспособление для зимней рыбалки, представляющее собой вилы с двумя зубцами для ловли шеста из лунки’: *Заганяли шест пад лёт, есть специальная гонка, эт как вилы, но ток з двумя зунцами, и вот этой гонкай ззесь лавили этат шест*. Крестово-Городище Чердаклин.;

вóрот (*воротник*) ‘боковой конец или край невода, пришитый к палке или веревке’: *Вот эта вот сётка: эта véрхняя падбора, эта нижняя, а эта вот вóрат, и вот у них тут петёлка*

вѣрхняя у вѣрата и нѣжняя, сюда, знáчит, аттúга привязываеца с буйкóм, а сюда — с якарькóм. Крестово-Городище Чердаклин.;

сокóрина, сокóрка ‘кора тополя-осоко́ря, из которой делали поплавки для сетей’: Осóкорь — тако́е дѣрева бы́ла, у невó толста́я кожурá, сокóрина, из не́ дѣлали балбѣры. Старая Майна Старомайн.;

оттúга ‘веревка, идущая от колышка или якоря на дне реки к поплавку на воде (к ней привязываются рыболовные сети)’: Якаря́ бы́ли на аттúгах, анá должна́ быть бо́льшие, чем глубина́ реки, ина́че бу́дет настая́нна срыва́ть якарь с места. Крестово-Городище Чердаклин.;

синта́ва ‘игла для вязания рыболовной сети’: Вот синта́ва — вот ви́диши язычо́к — нама́тывают ни́тку, и вот здесь ещѣ вѣ́рес — ни́тку сюды́ нама́тывают. Ерыклинск Мелекес.

С особым способом весеннего лова, при котором **то́пят се́ти**, т. е. ставят их таким образом, чтобы они не доходили до поверхности воды, связаны такие узколокальные слова, как **котóвка, котóвочка** ‘длинная верѣвка с привязанным к ней грузом для вылавливания сети со дна реки’, **закотóвить** ‘найти сеть на дне реки при помощи котовки’: Котóвачка — верѣ́вка с привязанным к ней ѓрузом, лóмикам. Когда́ лóмик в се́тку попада́ет, онó срáзу почувствуешь: е́сли запру́жнит, то фсѣ, пойма́ли, говоря́т: «Закотóвили». Крестово-Городище Чердаклин.

Ряд наименований орудий ловли и их частей имеет преимущественно севернорусские фиксации, что свидетельствует об их севернорусском происхождении. Так, лексема **óтпуск** ‘рыболовная снасть из длинной веревки и многих крючков, похожая на перемет’: У́дочка бывáла и вот така́я как óтпуск: така́я ви́лась верѣ́вка и вѣшалас на не́ штук дѣсять у́дѣчкаф вот на такѣх повотка́х и хлебá наса́жывают на э́ту у́дачку, воробья́ там, ужá пыма́ш. Ерыклинск Мелекес. в СРНГ территориально описана как новгородская, архангельская, олонецкая [СРНГ 24: 282].

Лексемы **игли́ца** и **игóлка** ‘специальная игла для плетения рыболовных сетей’: То, чем подса́живали се́ть — э́то игли́ца. Не игла́,

а игліца. Крестово-Городище Чердаклин. зафиксированы на Севере и Северо-Западе (пометы Терск., Новг., Волхов и Ильмень, Арх.), далее — в Поволжье, на Урале и в Сибири (Сарат., Перм., Тюмен., Том.), что вполне может свидетельствовать об их севернорусском происхождении.

Среди наименований рыб значительная часть слов относится к числу общеупотребительных: *стёрлядь, осётр, белуга, сом, горбáч, щука, чехóнь, сопá, леиц, бель* и др.

Лексема *бель (белёшка)* ‘мелкая рыба’: «Тебé какой рыбы-та, белёшки што ль, ну, иди набирáй!» — А в белёшку эта входит фся бёлая рыба: чехóнь там, надлёшишык, патóm вот эта вот язйшка, карасйшка, то есь белёшка, карóче. Крестово-Городище Чердаклин. в Поволжье весьма распространена, обозначает любую частиковую рыбу в противоположность дорогой, «красной» рыбе осетровых пород. В СРНГ помечена как Яросл., Симб., Перм., Твер., Новг. [СРНГ 2: 235].

Лексемы *синтёпка* ‘небольшая пресноводная рыбка, уклейка’: *Синтёпку-ть вот такую ловют и солют, она́ очень фкúсная, жйрная*. Старая Майна Старомайн. и *синьтя́* ‘уклейка’: *Синьтя́ — эта мёлка рыба, жйрна, для солки бо́льна хорóша она́*. Крестово-Городище Чердаклин. в СРНГ территориально определены как Пенз., Куйбыш., Казан., р. Свияга [СРНГ 37: 336]. Лексемы *синтева́* ‘рыбная мелочь’ и *синтя́вка* ‘рыба плотва’ зафиксированы в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [СРГМ II: 1147]. Таким образом, эти лексемы характерны именно для говоров Среднего Поволжья.

Слово *сорóчка* ‘мелкая рыба, вид плотвы’: *У нас сорóчка зовут — са́мая то плотва́ и есть. А есть ещё краснопёрка — как сорóчка, то́лько слйшком кра́сны пёрья*. Ерыклинск Мелекес., как можно предположить, является фонематическим вариантом слова *сорóжка* ‘плотва; вид плотвы’. В СРНГ данное слово также имеет территориальные пометы Поволжья: Казан., Яросл., Нижегород. [СРНГ 40: 36].

В качестве узколокальных диалектизмов можно привести такие наименования рыб, как *саля́к* ‘рыба голец’: *Ёсли по-на́шему*

назывáлся — *саля́к*, как *писка́рь он* — *ма́ленькѣй, кру́гленькѣй*. Ерыклинск Мелекес., *мульта́пка* ‘мелкая рыбка, мелочь’: *Айда́ за мульта́пкой!* Дмитриево-Помряскино Старомайн., *вуклея́* ‘рыба укля́йка’: *Синте́пка, ну вуклея́, она́ вот та́кая, соля́т её́, просоля́т, двѣ-трѣ су́ток просто́ит она́, потѣм вывѣшивают, вя́лят, и она́ о́чень вку́сная*. Старая Майна Старомайн.

Таким образом, среди наименований рыб в говорах Симбирского Заволжья встречаются преимущественно общеупотребительные и местные (бытующие в Поволжье) слова.

В прочих малочисленных тематических подгруппах (названий частей лодки, наименований рыбаков, их действий) также встречается местная, узколокальная лексика:

бурла́к (бурлачо́к) ‘рыбак, который тянет веревку с сетью во время зимней рыбалки’: *Вот привя́зываем се́тку, и бурла́к та́щит, ф́таро́й — запусkáет се́ть*. Крестово-Городище Чердаклин.;

гу́сли ‘в рыбацкой лодке приспособление из реек, куда бросали наловленную сетями рыбу’: *Ры́ба выбира́еца, в гу́сли броса́еца, — э́та в ло́тке гу́сли, она́ похо́жа на гу́сли, доска́ та́кая решѣбчатая, из рее́к зде́ланая*. Крестово-Городище Чердаклин.;

носо́вка ‘носовая часть рыбацкой лодки’: *Нарыба́чышя так, што по́лная носѣ́вка и по́лные гу́сли*. Крестово-Городище Чердаклин.

Для некоторых лексем указанных групп можно предположить севернорусское происхождение. Лексема *обмета́ть* ‘ставить невод, сеть и т. п., окружать, охватывать им какой-либо участок реки’: *Э́та вот с адно́й то́чки вы́шли, абмета́ли вот та́ким мака́рам, в дру́гую то́чку пришли́, потѣм он кричы́т: «Ры́бы хараши́о паявѣлась», он гы́т «Схо́димса!»*. Крестово-Городище Чердаклин. в СРНГ описывается как беломорская [СРНГ 22: 127].

Слово *плѣ́ца* ‘небольшой ковшик, черпачок для вычерпывания воды из лодки’: *И вот прихадѣ́л мой пра́дет, претпало́жим, вот он сна́чала плѣ́цу снимáл, вада́ за́ начь в ло́тку набрала́сь, плѣ́цей во́ду вы́черпает*. Крестово-Городище Чердаклин. в СРНГ имеет территориальную помету Вытегор., Петрозав., Пу-

дож. Олон. [СРНГ 27: 142] и, видимо, является севернорусским элементом в поволжской рыболовецкой лексике.

Подводя итоги, отметим, что в тематической группе рыболовецкой лексики русских говоров Симбирского Заволжья представлены преимущественно общерусские лексемы (*нёвод*, *вёнтерь*, *перемёт*, *замор*, *крыло*, *сороба*, *осётр*, *лец* и др.) и местные, бытующие в Поволжье, лексические элементы (*котовка*, *нерёжка*, *ворот*, *синтава*, *сальяк*, *сорочка*, *белёшка*, *закотовить*, *гусли*, *бурлак* и др.). Однако выявляется и определенный севернорусский компонент, который включает такие слова, как *ропак*, *морда*, *отпуск*, *иглица*, *обметать*, *пліца*. К севернорусскому влиянию можно отнести и фонетическую форму *вјтерь*, которая существует в говорах Симбирского Заволжья наряду с широко распространенным вариантом *вёнтерь*.

Литература

Вакуров В. Н. Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке (на материале деловых памятников XIV–XVI вв.) // Вопросы истории русского языка. М., 1959. С. 3–20.

Гапонова Ж. К. Лексика рыбного промысла в мологских говорах // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 116–118.

Дубман Э. Л. Рыболовецкие промыслы юго-востока европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Российская история. 2012. № 3. С. 128–138.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.

Мызников С. А. Севернорусская лексика в восточнославянском контексте // Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб., 2015. С. 21–36.

Мызникова Я. В. Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума // Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб., 2015. С. 59–71.

Сокращения

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965.
- Слов. Акад. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отд. Импер. Акад. наук. Т. 1–4. СПб., 1847.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 1–2. СПб.: Наука, 2013.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

Сокращения названий районов Ульяновской области

- Мелекес. — Мелекесский
Старомайн. — Старомайнский
Чердаклин. — Чердаклинский

Y. Myznikova. The North-Russian component in the fishing vocabulary of Russian dialects of Ulyanovskiy region

The article deals with the identification of North Russian elements in the fishing vocabulary of Russian Middle Volga dialects. This thematic group of vocabulary contains a very considerable all-Russian component as well as a large number of local and regional lexemes. North-Russian lexical elements can mainly be found in the thematic subgroup of the names of fishing implements and their parts. There are no North Russian names of fish in the collected data.

Keywords: North Russian dialects, Middle Volga dialects, dialect vocabulary, fishing vocabulary, common vocabulary.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

М. В. Боброва

О ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФОРМАНТАХ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА (на материале ЛСГ «Ягоды»)

Аннотация. В статье рассмотрены структурные особенности слов лексико-семантической группы (ЛСГ) «Ягоды» на основе данных «Словаря русских народных говоров», а также диалектных словарей Пермского края и полученных в Пермском крае экспедиционных материалов. Выявлено не менее 900 номинаций ягодных растений и их плодов с использованием различных словообразовательных средств. По мнению В. А. Меркуловой, в многообразных номинациях реализуется процесс становления устойчивого лексико-словообразовательного ряда. Обнаружено, однако, что эта гипотеза не находит подтверждения в современных диалектных фактах. В то же время значительная часть номинаций обладает вариантами суффиксов компактной группы (-иг(а), -ик(а), -ин(а), -их(а), -иц(а), -к(а), -ник), которые выделялись исследователями и ранее. Эти морфемы исторически являются фонетическими вариантами одного суффикса, теперь они могут отягощаться различными суффиксальными и интерфиксальными элементами. В итоге ставится вопрос о целесообразности введения понятия «формант» для обозначения аффиксальной части апеллятива, указывающей на принадлежность лексемы к ЛСГ слов с узкопредметным значением или к терминам и обеспечивающей сходство словообразовательного и фонетического оформления слов данной группы. Опыт ономастических исследований, в которых давно и продуктивно применяется теория формантов, указывает на высокий интерпретативный и информативный потенциал формантного метода при решении вопросов диалектологии.

Ключевые слова: русская диалектология, лексико-семантическая группа, ягоды, формант.

В настоящее время по-прежнему актуален вопрос о вариативности в русском языке, в том числе в территориальных диалектах. Вариантность — одна из форм реализации национального языка в его территориальном, социальном и функциональном своеобразии. Как отмечает Е. А. Нефедова, «изучение специфики диалектной вариантности имеет существенное значение для прогнозирования динамики развития говоров и, в известной степени, русского национального языка в целом» [Нефедова 2008: 5].

В данной статье рассматривается явление морфемной (структурной) и словообразовательной (функциональной) вариативности единиц одной лексико-семантической группы (ЛСГ) в диалектном пространстве России. Наблюдения в этой области позволяют поставить вопросы, уточняющие теоретические посылки анализа территориально ограниченных данных.

Материалом для исследования послужила лексика ЛСГ «Ягоды», а именно названия травянистых и кустарниковых ягодных растений и их плодов, по данным наиболее полного диалектного «Словаря русских народных говоров» (вып. 1–49) и диалектных словарей Пермского края. В числе последних дифференцированные (СПГ, СРГКП, СРГСПК, СРГЮП) и один полный (АС) словари, а также картотеки словарей (КСРГСП, КАС). Помимо этого, список дополнен материалами монографии В. А. Меркуловой [Меркулова 1967], а также результатами опроса местных жителей по программе собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), полученными в Пермском крае во время диалектологических экспедиций (в том числе при участии автора публикации). Частично пермские данные привлекались к исследованиям впервые. Не рассматривались единичные названия плодов типа *брусничина*, *журавинка*, *клубничина*, *малинина*, а также отдельные «фантомные» единицы (ср., напр., наряду с *медянка* фиксацию *мезянка*, где усматриваем неверное прочтение рукописного *д*, вплоть до полного смешения с руко-

писным з, что подтверждается отнесенностью лексем к одной территории (Свердловская область) и мотивационными связями: наименование морошки *медянка* метафорически апеллирует к цвету ягод (цвету меди), в то время как внутренняя форма слова *мезянка* затемнена). Итоговый регистр включил не менее 900 номинаций ягодных растений и их плодов.

Русские фитонимы изучаются отечественными исследователями с конца XVIII в., но количество работ, посвященных непосредственно ягодам, и сейчас относительно невелико. Наиболее ранняя из известных нам «ягодных» работ связана с заявленной темой лишь косвенно (статья В. И. Смирнова «Севернорусское орудие для сбора ягод» [Смирнов 1941: 149–150]). В обнаруженных исследованиях, имеющих непосредственное отношение к названной ЛСГ, лингвистов привлекает преимущественно ономасиологическая проблематика, чаще мотивационный аспект номинаций. Описание лексики, дополненное этимологическими комментариями, содержится в статье Н. П. Гринковой «О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках» [Гринкова 1958: 97–123]. Ономасиологические закономерности номинаций рассмотрела Е. И. Чинок в кандидатской диссертации «Номинация ягод и ягодных растений в современном русском языке» [Чинок 1985].

В последние годы можно констатировать возрастание интереса к фитонимам, в частности к названиям ягод. Авторы чаще обращаются к изучению наименований отдельных ягодных растений, небольших лексических групп наименований: так, В. Б. Колосова исследовала названия ягод, включающие «медвежьи» компоненты [Колосова 2012: 94–97], М. В. Флягина — названия черемухи в русских говорах [Флягина 2010: 378–383], Л. П. Батырева — наименования шиповника и его плодов [Батырева 2014: 70–80], этимологические изыскания в русле проблем межъязыкового взаимодействия представлены в работе О. В. Мищенко «К этимологии сев.-рус. *талая морошка*» [Мищенко 2012: 198–201]. Названия ягод могут интересовать ученых в ряду иных групп фитонимической номенклатуры, как, например, в отдельных па-

раграфах кандидатской диссертации Ю. Ю. Саввиной «Фитонимическая лексика елецких говоров» [Саввина 2010] (рассмотрены лексико-семантические группы «Наименования травянистых растений, дающих ягодные плоды» и «Наименования кустарниковых растений, дающих ягодные плоды»), А. М. Летовой «Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре» [Летова 2012] («Лексико-семантическая группа “Фитонимы ягод”»). В лингвокультурологическом контексте названия ягод рассматривались в сборнике «Этноботаника» под редакцией В. Б. Колосовой [Агапкина 2010: 238–253; Колосько 2010: 69–77]. Но в целом «ягодные» данные почти не привлекаются для решения наиболее востребованных ныне проблем антропоцентрической направленности.

В рамках заявленной темы наиболее интересны несколько работ. Прежде всего это кандидатская диссертация Т. А. Бобровой, посвященная словам с суффиксами *-ик(а)*, *-иц(а)*, которые выступают в русском языке в роли маркера названий ягод, ягодных кустарников [Боброва 1976]. Кроме того, важна глава диссертации В. А. Меркуловой «Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах» [Меркулова 1965], послужившая основой для наиболее значимой для нас монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений» [Меркулова 1967], где в соответствующей главе автор выявил типичные словообразовательные и семантические модели, свойственные русским фитонимам (литературным и диалектным), и предложил этимологию ряда наименований растений, в том числе и на базе названий ягод. Интерес представляет карта «Названия ягод» в электронном диалектологическом атласе для школьников с научно-популярными комментариями [Букринская и др. 2017]: карта отражает ареалы распространения суффиксов, которые используются в таких названиях, и является словообразовательной.

В литературном языке, в силу стертости словообразовательных связей, вопрос о морфемной структуре «ягодных» названий решается достаточно просто: обычно в них выделяется наиболее распространенный суффикс *-ик(а)*, а все остальное принимает-

ся за корневую морфему (*клубн-ика, брусн-ика, черн-ика* и т. п.), *малина* считается непроемной лексемой. Наши исследования лексико-семантического поля «Ягоды» [Боброва, Русинова, в печати] и лексико-семантической группы «Ягоды» (на основе названий 12 растений) [Боброва, в печати] подтолкнули нас к изучению специфики структуры ягодных названий в территориальных диалектах. Уже первое приближение к диалектным материалам показало, что подходу, справедливому для литературного языка, говоры не подчиняются, уже в силу того, что в большинстве случаев внутренняя форма номинаций еще не стерта: в отличие от литературного языка, в диалектах сохраняются словообразовательные гнезда и мотивационные связи между их элементами, обнаруживается иной характер членимости слов. Ср., например, в названиях клубники: *клубн́ика, клубн́ига, клубн́ица, клубн́ичник, клубен́ика, клубен́ига, клубен́ица, клубя́нка*.

В результате проведенных исследований мы пришли к ряду выводов.

1) Лексико-семантическое и, шире, лексико-тематическое поле «Ягоды» насыщено (выявлено около 1700 преимущественно полисемичных номинаций) и включает многочисленные ЛСГ, в которые входят названия не только ягодных растений, их плодов, но также процессов, временных промежутков, людей, орудий труда и др., связанных со сбором, переработкой, заготовкой и хранением ягод; имеются пересечения с полями «Человек», «Растительный мир», «Садоводство», «Питание», «Птицы» и др. (ср.: *заповѣдание ягод* 'договор односельчан не ходить в лес за ягодами до их поспеваания с целью равномерного распределения ягод между всеми', *бб́йный* 'последние перед заморозками (о ягодах или грибах)', *вожа́* 'женщина, указывающая своим спутникам грибные или ягодные места', *углѳвка* 'берестяная корзинка для ягод', *необерѳмый* 'очень урожайный, обильный, так, что все не собрать (о грибах, ягодах)', *тя́па* 'клюквенная каша с тыквой', *калѳнник* 'птица, питающаяся ягодами калины (чаще всего — снегирь)', *крушѳня́тник* 'прозвище медведя за его пристрастие к ягодам: калине, малине и крушине', др.).

2) Различным ЛСГ свойственны специфичные словообразовательные модели и аффиксы. Среди номинаций ягод наиболее востребован суффиксальный способ словообразования (более 80% единиц, по данным СРНГ; более 85% в пермских говорах); в значительно меньшей степени востребован способ сложения основ, конфиксации, синтаксический способ образования номенклатурных единиц в форме словосочетаний по типу согласования, транспозиция (ср.: *гонобóль, лубяни́га-ягода, па́земка, собáчья мали́на, сорокопрíточная* и под.). Фиксируются лексемы без признаков формальной производности (результаты метонимизации и метафоризации семантики узуально закрепленных единиц). Возможно, появление некоторых аффиксов вызвано пересечением с другими тематическими полями и ЛСГ: например, «растительный» суффикс *-ник-* (ср. *брусни́чник, черни́шник, готóвник*, под.) может быть заимствован из географической терминологии, где с его помощью оформляются названия мест, поросших растениями одного вида, ср. *голуби́чник, земляни́чник, ёльник, ряби́нник* и т.п.; «растительный» конфикс *под-...-ник* (*подъя́годник*) и «ягодный» *под-...-ниц(а)* (*подсне́жница*) могли возникнуть под влиянием наименований грибов (ср. *подмо́лочник, подберёзовик, подгру́здок* и под.).

3) Большинство наименований имеет метонимическую природу и перенесено с растения на плоды либо, наоборот, с плодов на ягодное растение (по типу синекдохи), совпадает от 75% (в пермских говорах) до 83% (по данным СРНГ) названий растений и их плодов. При этом абсолютное большинство аффиксов обслуживает обе группы названий. Случаи использования аффиксов как специфично «растительных» или «плодовых» единичны, имеют характер флуктуаций, отмечаются в узко локальных лексемах; из 54 суффиксов и 9 конфиксов к таковым относятся 5 суффиксов и 2 конфикса, зафиксированные в единичных примерах («растительные» *-аник-*, *-ен-*, *-(н)яг-*, *-(ов)няк-*, *под-...-ник*: *медвежа́ник, измаде́н / измодéн, брусня́г, листовня́к, подъя́годник*, «плодовые» *-уш(а)*, *под-...-ниц(а)*: *малину́ша, подсне́жница*). Расхождения в морфемном строе номинаций расте-

ний и номинаций их плодов имеют непринципиальный характер, относятся к периферическим в системе «ягодных» названий.

Дальнейшее изучение «ягодных» способов словообразования позволяет сделать вывод о наличии ядерных способов деривации и аффиксов. Такое ядро составляют частотные суффиксы, преимущественно со своеобразным «тематическим» гласным *-и-*: *-из(а)*, *-ик(а)*, *-ин(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, *-к(а)*, *-ник* (последний, возможно, из суффикса *-ик*; В. А. Меркулова называет вместо него суффикс *-ух(а)*, который, по нашим сведениям, уточненным на базе СРНГ и данных пермских говоров, является редким). Исторически «ягодных показателей» было еще меньше, мы имеем дело с результатом их длительных фонетических трансформаций и взаимодействия, что позволило В. А. Меркуловой квалифицировать *-к(а) / -иц(а)* как синонимы (функционально тождественные единицы), а *-иц(а) / -ик(а) / -из(а)* как словообразовательные варианты, различающиеся по говорам [Меркулова 1967: 204–205]. В паре *-к(а) / -ик(а)* усматриваются результаты древнего чередования *й/ї*, в паре *-ик(а) / -иц(а)* — несходные результаты третьей палатализации, в паре *-ик(а) / -из(а)* — влияния какого-то субстратного языка (*-из(а)* фиксируется на восточных территориях [Букринская и др. 2017; Меркулова 1967: 205]). Среди редких и единичных аффиксов обнаруживаются также образования на базе ядерных элементов, преимущественно с участием многозначного суффикса *-к-* (ср. *-очк(а)*, *-овк(а)*, *-ишк(а)*, *-ушк(а)*); вероятно, в качестве «ягодных» указанные суффиксы стали использоваться относительно поздно. Суффикс *-ин(а)*, полагаем, иного происхождения, на что указывает основная его функция — участвовать в образовании названий единичных предметов. Возможно, изначальное его деривационное значение — «одна ягода, обладающая признаком, названным производящей основой», впоследствии же названия с таким суффиксом стали использоваться как общие для плодов одного растения, а затем — как названия растений в целом.

Суффиксы синонимичны и взаимозаменяемы, в говорах «сосуществуют множественные дублетные формы» [Меркулова 1967: 203]. В этом отношении пермские говоры, например, являются типично северными, в которых, как отмечает В. А. Меркулова, «наблюдается отсутствие единого словообразовательного ряда», в то время как «материалы южных говоров говорят о наличии устойчивого словообразовательного ряда с суффиксом *-ика*» [там же: 205]. Исследовательница усматривает в этом процесс становления устойчивого лексико-словообразовательного ряда, который осуществляется «путем возникновения дублетных форм, сосуществующих со старыми, и путем устранения старой формы и замены новой» [там же: 206]. Однако такой гипотезе сопротивляются факты.

Во-первых, даже в одном населенном пункте могут употребляться самые разнообразные варианты наименования ягод, и нельзя говорить о предпочтительности того или иного варианта, о процессе вытеснения одного словообразовательного варианта / модели / типа другими. Ср., напр., названия ягод, зафиксированные в речи четырех жителей пос. Павловского Очёрского района Пермского края: *брусні́ка, брусні́ца, брушні́ца; голубі́ка, гулубі́ка; ежеві́ца, ежеві́ка, ежі́ха; земляні́ка; клю́ква, болотні́ца; мали́на; моро́шка; черні́ка, черні́ца*; или в речи одного жителя с. Кыласово Кунгурского района Пермского края: *брусні́ка, голубі́ха, ежеві́ка, земляні́ца, клю́ква, мали́на, моро́шка, черні́га, костяні́га*. Стремление к единообразному оформлению определяется скорее степенью влияния на речь литературного языка; ср., например, в речи двух жителей д. Монаяркан Осинского района Пермского края, имеющих средне-специальное лесохозяйственное образование (в речи лесничего и лесного мастера): ряд литературных форм *брусні́ка, голубі́ка, ежеві́ка, земляні́ка, черні́ка, клю́ква, мали́на, моро́шка* нарушен единственным диалектным названием — *подсне́жница* 'клюква'.

Во-вторых, говоры демонстрируют вариативность основ с конечным губным согласным, который может выступать перед пе-

редним гласным с л-эпентетикумом (по аналогии со сходными по структуре словами) и без него, ср.: *голубя́нка* и *голубля́нка*, *журавя́ха* и *журавля́ха*, *земеня́ка* и *земляни́ка*. Вновь наблюдаем не выравнивание, а, скорее, усложнение словообразовательных рядов.

В-третьих, наблюдается активное взаимодействие наиболее частотных суффиксов, которые начинают нанизываться, фактически дублируя одно и то же значение, ср.: *брусёнка*, *брусни́жка*, *брушнй́чка*, *брушнй́чушка*, *глажинина*, *глубенй́чник*, *жаравлй́нник*, *жаравлй́шник*, *жеровй́ночки*, *земляни́чинка*, *земляни́чишка*, *земляни́шенка*, *земляночка*, *куманй́чина*, *чернй́чка* (наряду с *брусёна*, *бруснй́га*, *брушнй́ка*, *глажина*, *глубенй́ка*, *жаравлй́ка*, *жеровй́на*, *земляна*, *земляни́ка*, *куманй́ка*, *чернй́ка*), др. Причины возникновения «усложненных» форм с точки зрения словообразовательных процессов неясны. В случае выравнивания рядов слов в ЛСГ логичнее было бы ожидать усечение предшествовавшего суффикса.

Примеры выравнивания действительно имеются, но «точные», спорадические, несистемного характера (ср. *голубнй́га* наряду с *бруснй́га*, *чернй́га* в пермских говорах). Ситуация осложняется тем, что велико количество искаженных названий. Очевидно, это следствие древнего или иноязычного происхождения основных наименований ягодных растений и их плодов: поскольку семантические связи и мотивировки оказываются со временем стерты или изначально (в заимствованиях) отсутствуют, включается механизм «народной этимологии». В итоге происходит перераспределение морфем в членимых словах (ср. *ежевй́ка* с радикалом *-ежев-* и суффиксом *-ик(а)* как результат деглютинации, но возникшее, вероятно, из *ежовая ягода*), нечленимые единицы усложняются и начинают члениться, наблюдается замещение и декорреляция, иногда с усечением основы (ср. *гонобобель* — и *гонобоб*, *конобоб*, *коноббй*, *голобоб*, *гонобобль*, *гонобобер* и т. д., *скоборй́ка* — и *сноборй́ха*, *ежевй́ка* — *жевй́ка* — *живй́ка*), исконно самостоятельные морфемы срastaются, и основа упрощается (ср. *земля́нка*, *кося́нка*, вероятно, из *земляная ягода*, *косяная*

ягода — и *глубя́нка*, *княжа́нка*, *снежа́нка*; *дурни́ка*, *княжни́ка* (вероятно, из *дурная ягода*, *княжная ягода*) — и *глубни́ка*, *гнижни́ка*, *голубни́ка*, *жаравни́ка*; *земляни́ка*, *костяни́ка* (вероятно, из *земляная ягода*, *костяная ягода*) — и *жевани́ка*, *крупли́ника*, *полянни́ка*). Такая особенность нашла отражение в принципах орфографической подачи: иногда лексикографы затрудняются в определении структуры слова и при написании лексем в каких-то случаях следуют морфематическому принципу, а в каких-то — фонетическому (ср.: *жарави́ца* — и *жарови́ца*, *вяза́вица* — и *вязови́ца*, *комони́ца* — и *камани́ца*, *камони́ца*, *комани́ца* и под.). Нередко в силу стертости морфемной структуры элементы «ягодных» названий начинают восприниматься и затем использоваться в качестве особых «ягодных» показателей. А далее возникают новые модели образования слов указанной ЛСГ (в том числе с нанизыванием суффиксов). Появляются даже «патологические», в терминологии В. А. Меркуловой, названия типа *черне́нига* по аналогии с *земле́нига*, *черне́нка* по аналогии с *брусне́нка* или (приведем пермские примеры) *чермене́нга* ‘черника’, *глубене́нга* ‘клубника’, *брусене́ница* ‘толокнянка’, под. По этой причине членение исследуемых названий нередко затруднительно, не всегда доказуема лексикализация результатов декорреляции, усложнения, замещения, деглютинации.

В итоге складывается противоречивая картина: с одной стороны, группа основных (инвариантных) суффиксов невелика, и в том или ином виде именно они присутствуют в большинстве названий ягодных растений и их плодов. С другой — в итоге различных процессов имеется крайне пестрая картина, с большим количеством вариантов и вариаций: «что ни двор, то свой говор». Ср., например, названия голубики (растения и плодов) в русских говорах: *берго́ловь*, *водопья́нка*, *голобо́б*, *голубе́ль*, *голубе́нь*, *голуби́га*, *голуби́ка*, *голуби́на*, *голуби́нка*, *голуби́ха*, *голуби́ца*, *голуби́чник*, *голубля́нка*, *голубни́ка*, *голубни́ца*, *голубя́нка*, *гонобе́ль*, *гонобо́б*, *гонобо́бель*, *гонобо́бер*, *гонобо́быль*, *гонобо́дель*, *гонобо́й*, *гонобо́ль*, *гонобо́льник*, *гонодо́бль*, *гонубе́ль*, *гонубе́ль*, *гунобо́ля*, *дура́ва*, *дура́ка*, *дура́ха*, *дурни́ка*, *дурни́ца*, *комибо́бель*, *коно́бки*,

конобоб, конобобель, конобобельник, конобоб, опьяника, пьяная ягода, пьянига, пьяница, пьянка, синие ягоды, синика, синюха, си́иха, си́иха и др.

Изучение ЛСГ подсказывает, что многообразие форм номинаций ягодных растений и их плодов во многом способствовало то, что формальный аспект не является ведущим. С высокой степенью уверенности можно предполагать, что в номинациях главенствует мотивационный признак. Он позволяет не просто констатировать принадлежность лексической единицы к ЛСГ «Ягоды» и тем самым определить место реалии в общей картине мира и ее названия — в языковой картине мира, но дает возможность идентифицировать и дифференцировать сами реалии в соответствии, во-первых, с качеством и степенью ее ценности для человека в его хозяйственной, лечебной, какой-либо иной жизнеобеспечивающей деятельности либо, во-вторых, с попыткой обнаружить такое качество и определить степень ценности. Последнее, например, осуществляется посредством «народной этимологии», с опорой на непонятное современному носителю языка слово; ср. *глубе́нига, лубя́нига* из *клубни́ка*, где происходит сближение с лексемами *глубь, лубяной*, *полови́чник* из *полеви́чник*, где название растения сближается с лексемой *половик*. Однако положение о функциональности мотивационных связей нуждается в иллюстрации и подтверждении в рамках специального исследования.

Формальные признаки выступают в современных говорах скорее в качестве вспомогательных и подчиняются аналогическим процессам, столь сильным в русском языке на протяжении всей его истории. По нашему глубокому убеждению, значительную роль играет не только словообразовательная функция и способность аффиксов выражать определенное деривационное значение, но и сходство звучания слов. Ср., напр., ряды: *журавли́на, мали́на, сурбали́на, сырмали́на; голуби́ка, земли́ка, жави́ка, жеви́ка, жуви́ка, кости́ка, скобори́ка — дерни́ка, дурни́ка, крупни́ка, полудни́ка, черни́ка, глубни́ка, сини́ка, суни́ка — камони́ка, комани́ка, комони́ка, кумани́ка, гумани́ка, жаравни́ка*; др. Полагаем, причины большого многообразия спосо-

бов номинаций ягодных растений кроются в выравнивании не лексико-словообразовательных, а *фонетико-словообразовательных* рядов, определяемых языковыми предпочтениями того или иного коллектива носителей говоров.

Итак, изученные материалы позволяют поставить ключевой для данной работы вопрос о функциональной нагруженности структурных элементов названий ягод. Наши наблюдения подводят к логическому выводу о том, что для носителей говоров значимы не определенные словообразовательные аффиксы, а «ягодные» (как, вероятно, существуют «грибные», «птичьи» и др.) *форманты* — конечные структурные элементы, общие для ряда слов одной ЛСГ и способные включать несколько аффиксальных морфем. Формант обеспечивает сходство словообразовательного и фонетического оформления слов данной группы. Это своего рода маркер — показатель принадлежности лексемы к определенному разряду (группе) лексики.

Формантный метод давно и продуктивно используется в лингвистике. Изначально — в экспериментальной фонетике, куда из физики был заимствован термин «форманта»; под формантами стали понимать «области концентрации энергии в спектре, которые связаны с особенностями артикуляции и необходимы для правильного опознавания данного звука» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 1991: 63.]. Позднее термин в варианте «формант» был привнесен в ономастику («ономастический (онимический) формант — аффиксальный элемент онима, указывающий на принадлежность слова к онимии» [Подольская 1978: 103]), хотя фактически первым формантный метод в отношении онимов применил еще А. Х. Востоков в работе «Задача любителям этимологии» (1812). В настоящее время метод используется как достаточно надежный и информативный, позволяющий судить по именам собственным о миграционных процессах и об особенностях межъязыкового взаимодействия, уточнять этимологии и принципы этимологизации слов, особенно на территориях позднего заселения русскими, др. Так, в Пермском крае лишь в ряду комонимов (именований сельских поселений) типа *Зарека, Заболото,*

Закамень и др. становится понятным проникновение в топонимическую систему названий *Забор* (< за бором), *Залог* (< за логом), *Заигум* (< за р. Игум) и подобных.

В ономастике формант не всегда и даже редко тождествен конечной морфеме, как в случае с флексией множественного числа существительных (ср. *Кижы, Бараны, Озера* с формантами *-и/-ы/-а*). Чаще он включает онимический (антропонимический, топонимический и т. п.) суффикс и флексию (например, астионим *Северодвинск*, антропонимы *Мещерский, Катюша*, зооним *Зорька* имеют форманты *-ск-, -ск(ий), -юш(а), -к(а)*), нередко с наращениями интерфиксального характера (ср. р. *Кухтинка*, д. *Петровка* из *кухта, Петр* с добавлением форманта *-к(а)* в вариантах *-(ин)к(а), -(ов)к(а)*). Ср. в ЛСГ «Ягоды»: *черни́га* и *черне́нига*, *глажи́на* и *глажеви́на*.

Аналогично тому, как в ономастике выработался ряд формантов, обслуживающих ойконимы, гидронимы, фамилии, личные имена, отчества, зоонимы и т. д., длительная фонетическая и словообразовательная история ЛСГ «Ягоды» в русских говорах, распространенных на весьма значительных территориях, привела к возникновению большого количества «ягодных» формантов. Эту группу аффиксальных элементов можно было бы назвать «словообразовательными партнерами», выбор которых определяется рядом факторов. Выявить все эти факторы — одна из задач исследований в данном направлении.

Возможность применения формантного метода к лексике ЛСГ «Ягоды» и наличие ряда параллелей с онимической лексикой считаем неслучайными. На наш взгляд, это обеспечивается терминологическим характером ягодной номенклатуры в народных представлениях и в территориальных диалектах. Соотнести явления апеллятивной и ономастической лексики позволяет привязка номинации к четко заданному объекту как части объективной действительности. И отсюда: применение формантного метода возможно в отношении терминологических групп лексики, однозначных слов.

Сказанное позволяет уточнить дефиницию понятия применительно к нарицательной лексике: «*формант* — аффиксальная часть апеллятива, указывающая на принадлежность лексемы к лексико-семантической группе слов с узкопредметным значением или к терминам».

Последовательно применяя формантный подход к ЛСГ «Ягоды», мы можем говорить о существовании ряда основных формантов, которые, однако, могут отягощаться элементами суффиксального или интерфиксального характера и которые обеспечивают тождество аффиксального и звукового оформления номенклатурных единиц. Поскольку «ягодные» наименования противопоставляются по начальному (хотя чаще — просто близкому к началу) либо центральному элементу основной части форманта, постольку в качестве ведущих (наиболее распространенных) могут выделяться соответствующие группы: применительно к первым мы используем понятия «и»-группа, «к»-группа, «л»-группа, «н»-группа, ко вторым можно употреблять понятия «к»-группа, «х»-группа, «ц»-группа. Группы наполняются подгруппами слов, обладающих или не обладающих различнымиращениями — историческими (эпентезами, протезами) и синхронными словообразовательными (суффиксами, префиксами, интерфиксами).

Лексико-формантные ряды первого порядка будут представлены, например, такими единицами: 1) «и»-группа: *голубика, жувика, земика, костика, ожевика, боровика, жаровика, жеровика, ажина, глажина, голубина, губина, ожина, морожина, каличина* (удар.?), *глажиха, ежиха, кислица, шипица* и др.; 2) «к»-группа: *команка, морозка, муравка, мурашка, пьянка, сморожка, земляночка, малиночка, жеровиночки, глазки, слепунки, брусничушка, брушничушка, земляничушка, деревяшка* и др.; 3) «л»-группа: *жаровлиха, журавлиха, голублянка, землянка, журавлика, бублянига, круплянига, крупленика, вяжилика, крупляника, журавлина, земляница, журавлица* и др.; 4) «н»-группа: *бруснига, глубнига, клупнига, крупнига, пьянига, чернига, бруснина, брусница, земенница, глубенница, клубенница,*

*княжени́ца, костени́ца, жаровни́ца, полевни́ца, хохляни́ца, княжени́ха, кумани́ха, брусня́нка, княжня́нка, брусни́чка, брушнíчка, земляни́чка, черни́чка, степни́н, степня́к, ситня́к, листовня́к, брусня́г, пазеника (удар.?), паземника (удар.?), позебни́ка, падубница (удар.?) и др. В связи с тем, что аффиксальная часть нередко осложнена суффиксами и интерфиксами, включающими -н-, лексика «и»-группы начинает перетягиваться в «н»-группу (ср., например, *крупни́га* (< крупный), *пьяни́га* (< пьяный), *черни́га* (< черный), а также *брусни́га* (< *брусной [см.: Меркулова 1967: 216]) и наряду с ними *глубни́га, клупни́га*). Предполагаем взаимодействие с «л»-группой лексики с корневым -л- (ср. с примерами выше): *кисли́ца, кобыли́ца, сарабали́на, сарболи́на, сурбали́на, сырмали́на, звиля́нки, кобыли́ка*).*

Им противостоят все остальные (среднечастотные, низкочастотные, нерегулярные и единичные) номинации, не приобретшие большого распространения. К таким объединениям могут быть отнесены, например, номинации с формантом *-и/-ы*: *вахлакí, галáжи, гла́жи, глазы́, глóжи, глы́жи, горшóчки, комы́, махлакí, мохлакí, толкáчки* (такие единицы имеют ярко выраженный ареальный характер, т. к. охватывают говоры преимущественно северо-западных и северных территорий — псковские, новгородские, костромские, карельские, архангельские, олонечские, вологодские). Формант аналогичен топонимическому: в ЛСГ «Ягоды» такие единицы служат названиями растений с многочисленными плодами, в топонимии они на *-и/-ы* служат названиями для поселений, в которых проживают (многочисленные) потомки первопоселенца, например, *Волки* — название деревни, в которой проживают потомки человека, имевшего прозвище или некалендарное имя *Волк, Губари* — название деревни, в которой проживают потомки человека, имевшего прозвище *Губарь*.

От формантов необходимо отличать основы, аналогично тому, как различают топоформанты / антропоформанты и топоосновы / антропоосновы в ономастике. Это практически обоснованно, поскольку направлено на преодоление одной из сложностей — возможного смешения форманта и части основы, которое

способно повлечь за собой ошибки при анализе этимологии и мотивации слов. Именно такое смешение в народной речи нередко и приводит к появлению фактов «ложной этимологии» (недопустимых, однако, при научной интерпретации данных), возникновению окказиональных форм, затем деглутинации, узуализации новых суффиксов (и вариантов формантов) и, наконец, закреплению новых лексем в языковой системе.

Подобные явления вызывают необходимость различать диахроническую и синхронную систему формантов (наиболее древними, очевидно, являются элементы «и»-, «к»-, «л»-групп, на современном этапе существования говоров они пополнены новыми элементами «н»-группы). Одновременно встает достаточно сложный вопрос о членимости и членении современных ягодных номинаций, о «формантном» шве (границе между основой и формантом). В частности, этот вопрос возникает в связи с рудиментарными явлениями, точно сохраняемыми русскими говорами. Так, например, в ряду *дурава́* 'голубика', *жарава́*, *жеравá*, *журавá* 'клюква' (и ср. также *трава*, фольклорное *трава-мурава*, *трынтрава*) предполагаем наличие древнего фитонимического, а конкретнее свойственного низкорослым травянистым, но не обязательно ягодным растениям, форманта -ав(а); косвенным подтверждением тому служит наличие лексемы *жура́*. Но ср. далее такой ряд образований: *жарави́га*, *журави́га*, *жарави́ка*, *жерави́ка*, *жереви́ка*, *жерови́ка*, *журави́ка*, *жарави́на*, *жарови́на*, *жерави́на*, *жерови́на*, *жерови́на*, *журави́на*, *журавинá*, *жарави́ха*, *жарови́ха*, *жерави́ха*, *жерови́ха*, *журави́ха*, *жарави́ца*, *жарови́ца*, *жерави́ца*, *жерови́ца*, *журави́ца*, *жаравли́ка*, *жаровли́ка*, *жеравли́ка*, *журавли́ка*, *журавли́на*, *жаравли́ха*, *журавли́ха*, *жаравли́ца*, *журавли́ца*, *жарвли́ка*, *жарвни́ка*, *жаравни́ка*, *жаравни́ха*, *жерови́чка*, *жерови́ночки*, *жаравли́нник*, *жаравли́шник*. Вероятно, их связь со словами первой группы (*жарава́*, *жеравá*, *журавá*) утрачена, произошло упрощение структуры слова, сращение древнего фитонимического суффикса с радикасом. Следствием этого стало переосмысление этимологических связей и притяжение номинаций к словообразовательному гнезду с корнем -журав(ль)-.

Фактически формантный метод применяется диалектологами на практике, прежде всего — при картографировании словообразовательных явлений, иными словами — в качестве одного из частных методов лингвистической географии (ср., например, карту № 19 «Лес, роща с преобладанием деревьев одной породы» пробного выпуска ЛАРНГ (Лексический атлас 2004: карта № 19); показательно, как здесь решается вопрос о наращениях с *-н-*). «Конституирование» соответствующего термина («формант», «формантный»), полагаем, позволит далее с опорой на ономастические изыскания углубить теоретические основания такого подхода, что будет способствовать совершенствованию самого метода и достижению более значимых результатов при изучении территориальных говоров. «Теория “ягодных” формантов», в частности, имеет бóльшую объяснительную силу в вопросе о многообразии соответствующих номинаций, нежели попытки увязать его с чисто словообразовательными или фонетическими процессами. Применение формантного метода в диалектологии, на наш взгляд, обладает не меньшим интерпретационным и информативным потенциалом, чем в ономастике; конечная цель его применения усматривается в том, чтобы отслеживать становление и пути распространения языковых явлений в местных говорах и прогнозировать дальнейшее развитие языка и его диалектов. Но, как и в науке об именах собственных, его возможности могут быть еще повышены в сочетании с другими методами. Перспективно, в частности, междисциплинарное направление изысканий в «диалектолого-ономастическом» ключе с целью подтвердить или опровергнуть наличие параллелей между терминологической апеллятивной и ономастической лексикой, в аспекте межъязыкового взаимодействия при поиске субстратных (и субсубстратных) источников народной терминологии.

Литература

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 238–253.

Батырева Л. П. Наименования растения шиповник и его плодов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 70–80.

Боброва М. В. Названия ягод и ягодных растений в русских говорах Пермского края и иных территорий // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб., 2017. (В печати).

Боброва М. В., Русинова И. И. Лексико-семантическое поле «Ягоды»: опыт классификации (по данным СРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб., 2017. (В печати).

Боброва Т. А. Фитонимы на *-ик(а)*, *-иц(а)* в русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 266 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1991.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Саркисьян С. Г., Голубева Н. Л., Николаев С. Л. Названия ягод // URL: <http://www.gramota.ru/book/village/about.html> (Дата обращения: 21.04.2017 г.).

Гринкова Н. П. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках // Славянская филология. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 3. С. 97–123.

Колосова В. Б. «Медвежьи» растения в русских говорах // Русская речь. 2012. № 5. С. 94–97.

Колосько Е. В. Метафорический перенос «растение — человек» в русских народных говорах // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 69–77.

Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб.: Наука, 2004. Карта № 19.

Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 198 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 260 с.

Меркулова В. А. Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 362 с.

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *талая морошка* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы II Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 198–201.

Нефедова Е. А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: Автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2008.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

Саввина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 298 с.

Смирнов В. И. Севернорусское орудие для сбора ягод // Советская этнография. 1941. № 5. С. 149–150.

Флягина М. В. Наименования черемухи в русских говорах (ареально-этимологический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2010. С. 378–383.

Чинок Е. И. Номинация ягод и ягодных растений в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 234 с.

Сокращения источников

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.

КАС — Картотека «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

КСРГСП — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров.

ЛСГ — Лексико-семантическая группа.

СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.

СРГКП — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.

- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011. (издание продолжается).
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / Сост. Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных (и др.); науч. ред. И. А. Подюков. Вып. 1–3. Пермь, 2010–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

M. Bobrova. About the dialect lexical formants: concerning the problem statement (on the material of the lexical-semantic group “Berries”)

Structural features of the words of the lexical-semantic group (LSG) “Berries” are considered on the basis of data of the “Dictionary of Russian folk dialects”, the dialect dictionaries of the Perm Krai and the field materials which are received in the Perm Krai. About 900 names of berry plants and their fruits with using a variety of different word-formation means were revealed. According to V. A. Merkulova’s opinion, in the diverse names the process of formation of sustainable lexical-derivational series is realizing. It’s discovered, however, that this hypothesis finds no confirmation in modern dialectal facts. At the same time a substantial part of the nominations has the variants of suffixes of compact group (-*ig(a)*, -*ik(a)*, -*in(a)*, -*ikha(a)*, -*its(a)*, -*k(a)*, -*nick*), which were previously allocated by the researchers. Historically most of these morphemes are phonetic variants of the same suffix, now its can be complicated suffixal and interfixal elements. As a result the question of the advisability of introducing the concept “formant” (as the affixal part of the appellative, indicating the affiliation of lexeme to the words of LSG with escapement meaning or to the terms and ensuring the similarity of word-formation and phonetic structure of words of this group) is put. Experience of onomastic researches in which the theory of formants apply long and productively, is indicating a high interpretative and informative potential of the formant method in addressing issues of dialectology.

Keywords: Russian dialectology, lexical-semantic group, berries, formant.

**ТИПЫ АФФИКСОВ В МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЕ
ОСНОВ СЛОЖНЫХ СЛОВ
И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
С ДРУГИМИ МОРФЕМАМИ
(на материале «Словаря вологодских говоров»)**

Аннотация. В статье рассматриваются функции и семантика аффиксальных морфем в структуре основ сложных имен существительных, прилагательных и глаголов в вологодских говорах. Рассматриваются также семантические отношения аффиксов сложной основы с другими морфемами, входящими в ее состав.

Ключевые слова: вологодские говоры, сложное слово, аффиксы, семантические отношения аффиксов.

Анализ морфемной структуры сложной основы предполагает не только выделение в ее составе всех морфем и описание их комбинаторики, но и определение типов морфем. Как правило, в работах по теории морфемного анализа учитываются специфика формальной репрезентации морфем (вариантные / инвариантные), их функция (номинативная — для корней, слово-, формо-, основообразующая для аффиксов), семантика, сфера употребления (общерусские — функционально маркированные (диалектные, просторечные, профессиональные и др.), характер воспроизводимости (воспроизводимые / уникальные) и некоторые другие параметры [Немченко 1994: 127]. Наибольшее внимание следует уделить тем параметрам, которые определяют региональную специфику основ диалектных слов. Это территориальная маркированность морфем в структуре сложного слова, а также определение особенностей их функционирования в структуре сложных основ на фоне структурирования и описания диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм [Шаброва 2003: 84].

Для описания морфемной структуры сложных основ диалектного слова необходимо обратить внимание на то, какие функции

в его структуре выполняют аффиксальные морфемы и, соответственно, какую семантику они могут выражать, в каких позициях в связи с этим они могут находиться. Поэтому следует обратить внимание на функцию и семантику аффиксальных морфем в структуре основ сложных имен существительных, прилагательных и глаголов в вологодских говорах.

В структуре сложных основ диалектных слов может быть выделено не более четырех суффиксов (*дв/о[й/э]/кол/еч/н/ик*, *прост/о/рук/ав/оч/к/а*, *гроб/о/коп/а/тель*), один или два префикса (*раз/мок/р/о/по/год/и/ть/ся*, *с/ух/о/верт/и/ть*), один постфикс (*мал/а/мож/и/ть/ся*) и один интерфикс (*дв/у/лет/ок*, *нов/о/жен/я*). Эти морфемы могут выполнять в структуре основы различные функции: словообразовательную (в большинстве сложных слов), синкретическую (в случаях совмещения аффиксами функций словообразовательного форманта и средства выражения грамматических значений: *порукосуйничать*, *нарыболовиться* и др.), основообразующую (*тонколедица*, *редкобай*). Нами не рассматривается собственно формообразовательная функция аффиксов диалектного слова, т. к. исследуется морфемный состав основ безотносительно к процессам словоизменения и формообразования исследуемых частей речи.

Словообразовательная функция аффиксов сложных основ предполагает выражение этими морфемами различных словообразовательных значений. В. В. Лопатин определяет словообразовательное значение как «обобщенное значение, выражаемое внутрисловными средствами у части мотивированных слов той или иной части речи» [ЛЭС: 116]. Г. А. Николаев определяет его как «типовое значение ряда одноструктурных образований, то есть слов, характеризующихся одинаковой словообразовательной формой, выделяемой на базе идентичной соотношенности этих образований с производящими [Николаев 2007: 13]. В соответствии с этими признаками у аффиксов сложных основ диалектных слов могут быть выделены различные словообразовательные значения (модификационные, мутационные, транспозиционные). Их определение зависит от способа образования слож-

ного слова. Далее уместно обратить внимание на то, какие именно значения могут выражать словообразовательные аффиксы сложных имен существительных, прилагательных и глаголов в вологодских говорах.

Суффиксы морфемного нетранспозиционного словообразования имен существительных выражают в сложных основах следующие модификационные значения:

— уменьшительно-ласкательное значение: *судомоечка* — *судомойка*, *первотёлочка* — *первотёлка*, *простокишка* — *простокиша*, *просторукавочка* — *просторукавка*, *сыроежка* — *сыроега*, *двулеточек* — *двулеток*, *первотёлочек* — *первотёлочок*, *рукотёрничек* — *рукотёрник*, *рукотельничек* — *рукотельник*, *доброходушко* — *доброхот*; значение женскости: *доможирка* — *доможир*, *крутобайка* — *крутобай*, *редкобайка* — *редкобай*, *солозобка* — *солозоб*, *рукотёрка* — *рукотёр*, *частобайка* — *частобай*, *чертогонка* — *чертогон*, *доброхотица* — *доброхот*, *ледоходица* — *ледоход*; возможно, параллельное образование при сложении с материально выраженной и нулевой суффиксацией;

— значение единичности: *сухоподстоина* — *сухоподстой*, *сухостоина* — *сухостой*.

Суффиксы морфемного транспозиционного словообразования имен существительных выражают следующие значения:

— предмет, характеризуемый признаком, который назван мотивирующим прилагательным: *востроносик* — *востроносый*, *двоежитник* — *двоежитный*, *двоеколечник* — *двоеколечный*, *двоюродник* — *двоюродный*, *домотканик* — *домотканный*, *широколистник* — *широколистный*, *шестипалик* — *шестипалый*, *одноличник* — *одноличный*, *однорядник* — *однорядный*, *сопленосик* — *сопленосый*, *стогодвовок* — *стогодовый*, *страхолюдник* — *страхолюдный*, *толстобрилик* — *толстобрильный*, *толстолобик* — *толстолобый*, *толстопузик* — *толстопузый*, *толстоголовик* — *толстоголовый*, *толстогубик* — *толстогубый*, *троежитник* — *троежитный*, *троюродник* — *троюродный*, *хлебоносик* — *хлебоносный*, *четырёхстенник* — *четырёхстенный*, *двоюродница* — *двоюродный*, *домотканица* — *домотканный*, *любопытница* — *любо-*

пытный, единоличка — единоличный, любопытка — любопытный, скороспелка — скороспелый, пологоловец — пологоловый;

— опредмеченное наименование количества, названного мотивирующим числительным: *двенадцатерик — двенадцатеро, пятисотка — пятьсот, пятнадка — пятнадцать.*

Суффиксы, участвующие в смешанном словообразовании (сложение основ с материально выраженной суффиксацией) выражают общее словообразовательное значение предмета / лица по отношению к комплексу явлений (предмет и его признак, действие и предмет, на который оно переходит и др.). В основах сложных имен существительных женского рода чаще всего представлен общерусский суффикс *-к-*:

1) числительное + существительное: *одногузка, одnodеревка, однозубка, однокружка, одnorядка, семисёлка, семишовка, сороконожка, трехклинка, трехножка, троежитка, троецветка, троешовка, семиглазка, четырёхсаженка; возможно: пятиручка, семиручка, девятиручка;*

2) числительное + глагол: *однорубка, первосолка, первоучка, семирезка, пятирезка, двукарка, трехкарка* (от *три* и *карать*);

3) прилагательное + существительное: *долгоголовка, долгоголоска, простоволоска, просторукавка, пустоголовка, разноклинка, тугovorотка, чернотрубка;*

4) прилагательное / наречие + глагол: *беломойка, голомутка, крутоварка, лихоманка, малоестка, многоежка, пустоварка, редкобайка, свежевыврубка, скоробайка, сладкоедка, сухоежка, сухомывка, частобайка, чистохраника;*

5) существительное + глагол: *богометка, водоноска, водостойка, дыровязка, дирoверченка, домоседка, дровоколка, мяскокрошка, мясорубка, пилоставка, поломойка, сеновалка, солозобка, соровозка, стадоводка, судомойка, сыроежка, трясогузка, уховёртка, чертогонка.*

Реже встречаются другие общерусские суффиксы:

-иц- 1) (существительное + прилагательное) *водополица;* 2) (числительное + существительное) *однозубица;* 3) (прилагательное + существительное) *редколесица, тонколедица, узкопо-*

лосица; 4) (прилагательное / наречие + глагол) *толстопрядица*;
5) (глагол + существительное) *щелколобица*;

-*ниц*- 1) (прилагательное / наречие + глагол) *пустоварница*;
2) (прилагательное + существительное) *праворушница*; 3) (существительное + глагол) *рукотёрница, свекодарница, стадоводница*;
(также -*щиц*- *лицеменщица*; -*овиц*- *мироносовица*);

-*ин*- 1) (существительное + глагол) *червоточина, чертоломина, мышеедина*; возможно: *скуподёрина*; 2) (прилагательное + существительное) *чернозёмина, суходушина, толстомошина*;

-*цин*- 1) (местоименное прилагательное + глагол / существительное) *своедельщина*; 2) (числительное + существительное) *семибратовщина*;

-*их*- (наречие + глагол) *тугодойха*;

-*н*- 1) (существительное + глагол) *сыроварня*; 2) (прилагательное + существительное) *пустовытня*;

-*ух*- (числительное + числительное) *семидвуха*.

Существительные мужского рода имеют в своем составе следующие словообразовательные суффиксы:

-*ок*- 1) (числительное + существительное) *двулеток, однокиток, однополок, троежиток, троеклинок, троешовок*; возможно, *первотёлок*; 2) (прилагательное + существительное) *пустовыток, тупоумок*;

-*ец*- 1) (числительное + существительное) *однозубец*; 2) (числительное + глагол) *первоталец*; 3) (прилагательное / наречие + глагол) *чернотворец*;

-*ик*- 1) (числительное + существительное) *шестигодик*; 2) (существительное + глагол) *хлебушник* (ср. *лушнить*);

-*ник*- 1) (числительное / местоимение + существительное) *многолистник, одногодник, однозубечник, однокобыльник, однокоровник*; 2) (прилагательное + существительное) *твердозаданник*; 3) (существительное + глагол) *сыромазник, хлеборезник, хлеборушник*; 4) *троекрасник* (числительное + прилагательное);

-*анин*- *однокончанин*.

В основах существительных среднего рода чаще других представлен суффикс -*ј*- 1) (прилагательное + существительное) *боль-*

шеводь[йэ], *водополь*[йэ], *малорость*[йэ], *прошилогодь*[йэ], *серопогодь*[йэ], *суховетр*[ийэ], *тонколесь*[йэ], *чернолесь*[йэ]; 2) (числительное + существительное) *одноличь*[йэ], *одноправь*[йэ]; 3) (глагол + существительное) *сломогголь*[йэ], *тряхомудь*[йэ], *челобить*[йэ]; отмечены также суффиксы *-ниј-* *рукописани*[йэ] и *-ств* *рукодействие* (ср.: *рука*, *десять*).

Суффиксы морфемного словообразования имен прилагательных выражают различные значения в процессе внутриадъективного образования сложных слов (модификация с точки зрения эмоционально-экспрессивной оценки): *одновьшненький* — *одновьшний*, *милозглядненький* — *милозглядный*, *узкорыленький* — *узкорылый*); транспозиционного словообразования («признак по отношению к предмету, названному мотивирующим существительным»: *полукашемировый* — *полукашемир*, *бедолажный* — *бедолага*, *троешовковый* — *троешовок*, *бездоброходный* — *доброхот* и др.).

Суффиксы сложносуффиксальных основ выражают общее словообразовательное значение признака по отношению к комплексу явлений (предмет и его признак, действие и предмет, на который оно переходит, и др.). Наиболее часто в таких основах представлен суффикс *-н-* (*старобрядный*, *рукомашный*, *сыромольный*, *мотодушный*, *тодельный*, *словоохотный*, *скрозьземельный*, *богорадный*, *страхолюдный*, *плохопамятный*, *праводушный*, *простоденный*, *пустосмешный*, *вековечный*, *высокородный*, *гладкословный*, *другорядный*, *маловытный*, *своедельный*, *среднокрестный*, *одновыденный*, *однозубечный*, *одноличный*, *однониточный*, *однословный*, *одностороночный*, *первогодный*, *перворядный*, *семибатечный*, *двоежитный*, *двухменный*, *дверядный*, *двоеколечный*, *двоеручный*, *двуручный*, *двухжёлтышный*, *двухречный*, *двоежительный*, *трисменный*, *троежитный*, *троежиточный*, *троешерстный*, *многодельный*, *пустомойный*, *сухомойный*, *высоконосный*, *маломожный*, *целеможный*, *худоумный*, *хрущеполосный*, *чистохвостный*, *четвероугольный*; возможно, *одинадцатеричный*, *двоежатный* и др.). Встречаются также и другие общерусские суффиксы: *-ов-* / *-эв-* (*односторонковый*, *се-*

мишёлковый, широколиственный, двоелищевый); **-ат-** (скоропсытый, старокороватый, возможно, двуполовинчатый); **-л-** (прямошильный, двоежилый, водопельный); **-к-** (тугодойкая); **-р-** (двужирый — ср. двужилый в том же значении).

Префиксы и постфиксы глагольных сложных основ выражают различного рода лексико-грамматические значения, связанные с пространственной (скулемесить 'сложить, собрать, не придерживаясь определенного порядка' [СВГ, 10: 37]), количественной (посенокосить 'покосить' [СВГ, 8: 4]; поярплещиться 'поспорить' [СВГ, 8: 31]), временной (высенокосить 'завершить сенокос' [СВГ, 1: 99]) модификаций действия, а также с точки зрения различной его интенсивности при достижении результата (нарыболовиться 'порыбачить вдоволь' [СВГ, 5: 67]; размокропогодиться 'о наступлении дождливой погоды' [СВГ, 9: 20]). Немногочисленные словообразовательные суффиксы выражают значение действия по отношению к предмету, явлению или комплексу явлений в морфемном (рукосуйничать — рукосуй, зимогорить — зимогор, возможно, благовостить — благовест) или смешанном (дверядить — два, ряд, размокропогодиться — мокрая погода) словообразовании.

Семантика словообразовательных аффиксов сложных основ может быть выявлена достаточно отчетливо в том случае, если аффикс является актуальным словообразовательным формантом. Вместе с тем в структуре сложных основ диалектных слов обнаруживается достаточное количество словообразовательных морфем предыдущих ступеней деривации: двухжёлтышный — ср. жёлтыш 'желток' [СВГ, 2: 82], однозубечник — ср. зубец, зуб; однониточный — ср. нитка, нить; одностороночный, односторонковый — ср. сторона, сторона; просторукавочка — ср. просторукавка, рукав, рука; прошлогодь[йэ] — ср. прошлый, пройти; пустосмешный — ср. смех, смеяться; семибатеchnый — ср. батка, батя, словоохотный — ср. охота, хотеть; сопленосик — ср. сопля, сопеть; светлолист — ср. светлый, свет; свежевырубка — ср. вырубить, рубить; сломоголовь[йэ] — ср. сломать, ломать и др. Данные аффиксы, оставаясь функционально сильными, бу-

дуг занимать в сложных основах сигнификативно слабую позицию [Яцкевич 1993; Морфемика 2002]. Наиболее слабой она будет для суффиксов, соседствующих с суффиксами, которые нейтрализуют их значение: (*однонито́чный*, *односторо́нковый*), или примыкающих к первому корню сложной основы (*светлоли́ст*).

Наиболее слабую позицию будут иметь основообразующие аффиксы сложной основы, выполняющие основообразующую функцию: *редкобайка*, *редкобай*, *двоеко́лечник*, *двоеко́ляска*, *борново́лок*, *солнцево́рот*, *скуподе́рина*, *твердозада́нник*, *одноконча́нин*, *серопого́дь*[йэ], *тонколе́сь*[йэ], *тем/н/о/груд/ый*, *тем/н/о/кров/ый*, *крас/н/о/ро́ж/ий*, *круп/н/о/воло́т/ый*, *мел/к/о/воло́т/ый*, *позд/н/о/гу́л/ый*, *выс/ок/о/ро́д/н/ый*, *глад/к/о/сло́в/н/ый*, *выс/ок/о/нос/н/ый*, *шир/ок/о/ли́ст/ов/ый*, *уз/к/о/ры́л/еньк/ий*, *благотво́реть*, *скособе́ниться*, *купо́лызнуть*, *доброжа́ловать* и др.

Семантические отношения аффиксов сложной основы с другими морфемами, входящими в ее состав, весьма разнообразны. Они зависят от того, по отношению к какому семантическому центру их следует рассматривать. Уместно разграничивать семантические отношения аффиксов прикорневой зоны одного из двух семантических центров сложного слова (подобно исследованию соотношения главных и второстепенных членов предложения, входящих в *группу подлежащего* и *группу сказуемого*) и аффиксов, относящихся к сочетанию этих центров (подобно исследованию соотношения *грамматической основы* и детерминирующих второстепенных членов предложения). При описании семантических типов аффиксов мы опирались на исследование Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 1993; 2006; Морфемика 2002], где семантические отношения аффиксов в морфемной структуре сложных прилагательных характеризуются отношениями *изосемии* (семантического согласования между ними) и отношениями *неизосемии* (семантического несогласования). В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Отношения корней и аффиксов прикорневых зон изосемичны с точки зрения выражения каждым из них общего значения, связанного с категориально-грамматической принадлежно-

стью корня и аффикса (словообразовательного: *однонит/очный, семибат/ечный, солновос/ход, свежевы/рубка, просторук/авочка*; основообразующего: *тон/коледница, ред/колесица*) или словообразовательной семантикой предыдущей ступени деривации (*пустосме/шный, жвухжёлт/ышный*). По отношению друг к другу аффиксальные морфемы разных семантических центров сложного слова, как правило, находятся в неизосемической гетеросемии: *размокрогодиться, тро[йэ]житочный, дво[йэ]жительный* и др.

2. Аффиксы, относящиеся к обоим семантическим центрам сразу, выполняющим функцию словообразовательного форманта последней ступени деривации, могут быть изосемичны другим морфемам основы (*гладкословный, середнокрестный, высоконосный, широколистовый*), но чаще всего находятся с ними в отношениях семантической разнородности: *пустосмешный, двухжёлтышный, двуполовинчатый, старообрядный, трисменный*. При этом изосемичными с точки зрения выражения общего словообразовательного значения будут компоненты конфиксов: *нарыболовиться* 'полностью удовлетвориться действием': *наестся, напиться, нагуляться; размокрогодиться* 'интенсивно начаться': *расплакаться, разбушеваться; бездоброходный* 'характеризующийся отсутствием чего-либо': *бессовестный, бесполезный* и др.

Таким образом, между аффиксами и другими морфемами основы сложного слова обнаружилось как изосемические, так и неизосемические отношения. Среди изосемических отношений можно выделить отношения: а) синсемии, проявляемые в сочетаниях морфем одной ступени деривации (общего конфикса) (*нарыболовиться*) или между корнями и аффиксами, маркирующими категориально-грамматическую семантику (*тон/коледница*), и б) отношения гипосемии, когда категориальная семантика одной морфемы является видовой по отношению к семантике другой (*солновос/ход*). Из всех видов неизосемических отношений морфем в структуре слова (энантиосемия, транссемия, гетеросемия) нам встретились только случаи

проявления гетеросемических отношений: *размокропогодиться*, *смеходолить*. Это связано с тем, что в процессе создания сложного слова возле каждого семантического центра группируются собственные морфемы-конкретизаторы, сочетание которых дополняет семантику корней сложной основы в самых различных направлениях.

Семантические отношения аффиксов с другими морфемами сложной основы в сочетании с их позицией (контактной или дистантной) существенно влияют на членимость сложной основы. Наименьшую отчетливость будет иметь выделение одноименных контактно расположенных аффиксов сложной основы: *двоекоlech/н/ик*, *дироверч/ен/к/а*, *однозуб/еч/н/ый*, *односторон/оч/н/ый*, *розночу/[й/э]ва/тый* и др., а также выделение посткорневых суффиксальных элементов в первой семантической зоне сложной основы: *узкополосица*, *редколесица*, *тонколедица* и др.

Литература

Морфемика и словообразование русского языка / Под ред. Л. Г. Яцкевич. Вологда, 2002.

Немченко В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Нижний Новгород, 1994.

Николаев Г. А. Современный русский язык. Словообразование. Учебное пособие. Набережные Челны, 2007.

Николаев Г. А. Теоретические проблемы исторического словообразования (Казанская научная школа) // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. СПб.; Вологда, 2007. С. 7–29.

Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола / Отв. ред. С. И. Богданов. СПб., 2003.

Яцкевич Л. Г. Морфемика современного русского языка. Вологда, 1993.

Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами: Словарь-справочник. Вологда, 2006.

Сокращения

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

E. Kirilova. Affixes' types in the morphemic structure of the composite words' bases and their semantic relations with other morphemes (by the material from "The Dictionary of the Vologda region's dialects")

The main point of this article is focused on the function and the semantics of the affixes in the structure of the composite words' bases of nouns, adjectives and verbs in the Vologda region's dialects. The semantic relations of the composite bases' affixes with the other morphemes in the bases' structure are also considered in this research.

Keywords: the Vologda region's dialects, a composite word, affixes, affixes' semantic relations.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
ФОРМИРОВАНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ
КОГЕРЕНТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
НА БАЗЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ**

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам, связанным с развитием явления параллельного словообразования в русских народных говорах. На примере параллельного словообразования на базе числительных рассматриваются особенности семантического синкретизма производящих слов, от которых параллельно образуются когерентные имена существительные. Определяются семантические модели их образования, характеризуются особенности их словообразовательных парадигм. Цель данной статьи состоит в том, чтобы исследовать явление семантического синкретизма производящих числительных, становящихся базой для образования когерентных производных существительных в русских говорах. Также ставится задача выявления семантических моделей образования когерентных существительных на базе числительных и особенностей формирования их словообразовательных парадигм.

Ключевые слова: русские говоры, параллельное словообразование, словообразование на базе числительных, когерентные производные имена существительные, семантический синкретизм, семантические модели параллельного словообразования, парадигмы когерентных лексем.

Введение

Формирование и развитие лексической и словообразовательной систем русских народных говоров находится в зависимости от сопряженного действия целого ряда разнообразных процессов, в ряду которых достаточно важную роль играют процессы параллельного словообразования. Одним из результатов их действия становится появление в русских говорах значительного количества когерентных лексем, изучение которых представляется

одной из актуальных задач исследования особенностей диалектной словообразовательной системы. При исследовании процессов параллельного словообразования следует учитывать, что данное явление является одним из вариантов развития семантической дивергенции (так же, как характерный для диахронии лексико-семантический способ словообразования и семантическое словообразование по модели, происходящее в рамках синхронии). Следует разделять лексемы, возникшие в результате параллельного словообразования, и словообразовательные омонимы, а также лексемы, возникновение которых опирается на словообразовательную и отраженную полисемию. Под термином «когерентные лексемы» мы, опираясь на наши более ранние работы, понимаем «те производные слова, которые образуются параллельно от одного производящего слова по одной словообразовательной модели, с помощью одного и того же словообразовательного средства, но при этом относятся к различным предметно-логическим сферам и не вступают между собой в отношения семантической деривации» [Колесова, Яцкевич 2012]. Первоначально этот термин был введен в научный обиход Л. Г. Яцкевич и использован ею при описании производных лексем, функционирующих в близкородственных языках, соотносящихся по внутренней форме, но расходящихся при этом по значению [Яцкевич 1976; Яцкевич 1979]. В наших ранних работах, а также в работах Л. Г. Яцкевич неоднократно указывалось, что подобное явление может также наблюдаться при изучении словообразовательной структуры исторических корневых гнезд и при квалификации определенного типа диалектных лексем, который можно выявить при исследовании словообразовательной системы русских говоров [Колесова, Яцкевич 2012; Колесова 2012; Яцкевич 2013; Колесова 2015; Яцкевич 2016; Колесова, Яцкевич 2016]. В этих работах подробно рассматривались причины и источники развития диалектного параллельного словообразования и формирования когерентных диалектных лексем, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе в рамках данной статьи [Колесова 2016; Яцкевич 2016]. В первую очередь в основе этих процессов

лежит явление семантического синкретизма, очень характерное для диалектной лексической системы и неоднократно привлекавшее к себе внимание исследователей [Оссовецкий 1982; Трубачев 2008; Толстая 2008; Яцкевич 2016].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть те виды семантического синкретизма производящих слов, становящихся базой для образования когерентных производных существительных в русских говорах, которые находят свое отражение именно в словообразовании на базе числительных. Также ставится задача определения на их основе семантических моделей образования когерентных существительных на базе числительных и особенностей формирования их словообразовательных парадигм.

Семантический синкретизм при параллельном словообразовании когерентных производных существительных (КПС) на базе различных частей речи имеет свои особенности, которые определяются типом категориальной семантики и спецификой функционирования производящего слова в высказывании [Яцкевич 2004; Колесова 2016]. Особенности параллельного словообразования КПС на базе числительных обусловлены универсальным характером количественных характеристик предметов и их частей, а также событий, времени и пространства. Именно поэтому данные процессы являются очень активными, охватывают практически все существующие в диалектной лексической системе числительные и протекают по универсальным моделям.

Рассмотрим подробнее семантические модели образования когерентных производных существительных, на основе которых формируются их словообразовательные парадигмы (лексические значения лексем в парадигмах приводятся по изданиям [СВГ, 1–12; СРГК, 1–6; СРНГ, 1–38]). Когерентная словообразовательная парадигма (КСП) — это система производных лексем, находящихся на одной ступени словообразовательной производности и образованных с помощью одного и того же словообразовательного средства от одной производящей базы, но имеющих разные лексические значения. Иными словами, это система когерентных лексем. КСП, образованные от разных частей речи, различаются

составом семантических моделей [Колесова, Яцкевич 2016; Колесова 2016].

Количественные признаки имеют универсальный характер и могут относиться к самым разнообразным предметам, не имеющим никакой смысловой или практической связи между собой. Этот факт объясняет продуктивность параллельного словообразования на основе числительных и приводит к образованию нескольких когерентных лексем, у которых характер мотивированности по количественному признаку может быть очень разным. По нашим наблюдениям, числительные, от которых образуются КПС, могут мотивировать в семантической структуре производных существительных следующие компоненты их лексических значений:

- опредмеченное отвлеченное количество;
- количество составных частей сложного предмета;
- количественную характеристику длины предмета;
- количественную характеристику ширины предмета;
- количественную характеристику объема чего-либо;
- количественную характеристику толщины предмета;
- количественную характеристику площади чего-либо;
- количественную характеристику единицы измерения чего-либо;
- количественную характеристику периода времени;
- количественную характеристику субъектов принадлежности предмета;
- образную характеристику предмета по символическим количественным признакам;
- количественную характеристику различной значимости, ценности чего-либо;
- образную характеристику формы предмета, которая уподоблена соответствующей цифре.

На основе этих семантических моделей формируются различные по составу словообразовательные парадигмы КПС, образованных от числительных. Рассмотрим несколько из них.

1. Парадигма КПС с суффиксом *-арец-*

‘количество’ → 1. ‘образная характеристика лица по количественным признакам’
2. ‘количественная характеристика объектов принадлежности’
3. ‘образная характеристика предмета по количественным признакам’

Один → 1А. *один/арец*
‘одинокий, не имеющий семьи мужчина’
1Б. *один/арец*
‘единственный работник в семье’
2А. *один/арец*
‘однолошадный крестьянин’
2Б. *один/арец*
‘один из нескольких владельцев одного надела’
2В. *один/арец*
‘соха с одним сошником’
2Г. *один/арец*
‘одноконный плуг’
3А. *один/арец*
‘единственный бычок, медвежонок и т. п.’
3Б. *один/арец*
‘большой железный сошник у сохи’

2. Парадигма КПС с суффиксом *-ерик-*

‘количество’ → 1. ‘количественная характеристика ширины предмета’
2. ‘количественная характеристика длины предмета’

3. 'количественная характеристика объема предмета'
4. 'количественная характеристика веса предмета'
5. 'количественная характеристика возраста человека или животного'
6. 'количественная характеристика площади'
7. 'количество составных частей сложного предмета'
8. 'образная характеристика предмета по количественным признакам'

- Семь* → *1А. сем/ерик*
 'изба, ширина которой составляет семь аршин'
- 1Б. сем/ерик*
 'плуг, ширина лемеха которого составляет семь дюймов'
- 2А. сем/ерик*
 'бревно длиной в семь аршин'
- 2Б. сем/ерик*
 'сундук под летнюю одежду, длина которого составляет 7 четвертей аршина'
- 3. сем/ерик*
 'короб из бересты или долбленая из целого дерева кадушка примерно на пуд'
- 4. сем/ерик*
 'мельничный жернов весом в 70 пудов'
- 5. сем/ерик*
 'бык семи лет'
- 6. сем/ерик*
 'сеть с размером ячеек по диагонали семь пальцев'
- 7А. сем/ерик*
 'суслон, состоящий из семи снопов'
- 7Б. сем/ерик*
 'вид бороны, имеющей 49 зубьев'

7В. *сем/ерик*
'семигранный каток для обмолота хлеба'
7Г. *сем/ерик*
'семигранный деревянный сруб'
7Д. *сем/ерик*
'пряжа для сетей, скрученная из семи ниток'
7Е. *сем/ерик*
'лапоть, плетеный из семи лык'
7Ж. *сем/ерик*
'созвездие Малой Медведицы'
7З. *сем/ерик*
'бердо, в которое продевается 7 пасм'
7И. *сем/ерик*
'лодка, сделанная из семи досок'
8. *сем/ерик*
'сорт стеариновых или сальных свечей (в фунте 7 штук)'

Пять → 2. *пят/ерик*
'бревно длиной 5 метров'
6. *пят/ерик*
'рыболовная снасть с ячейками 5×5 см'
7А. *пят/ерик*
'пальцы руки, пятерня'
7Б. *пят/ерик*
'пять рублей'
7В. *пят/ерик*
'способ укладки снопов, включающий пять снопов'
8. *пят/ерик*
'разновидность лаптя, изготовлявшийся с помощью особого вида плетения'

3. Парадигма КПС с суффиксом *-овин/а*

‘количество’ → 1. ‘опредмеченное отвлеченное количество’
2. ‘количественная характеристика периода времени’

Сорок → 1. *сорок/овин/а*
‘счетная единица, равная сорока одинаковым предметам’
2. *сорок/овин/а*
‘поминки, устраиваемые через сорок дней с момента смерти’

Заключение

Наблюдения над параллельным словообразованием имен существительных на базе числительных в русских народных говорах позволили выявить ряд закономерностей.

1. Параллельное словообразование когерентных производных существительных опирается в значительной степени на семантический синкретизм производящих слов. Его характер обусловлен спецификой категориальных значений и связан с особенностями валентных свойств той части речи, к которой относится производящее слово.

2. Когерентные производные существительные очень активно образуются на основе числительных, данный процесс носит универсальный характер. В результате семантического анализа мотивационных отношений можно выявить основные семантические модели, по которым происходит это словообразование.

3. Когерентные производные существительные сосуществуют в русских говорах в составе особых словообразовательных парадигм. В основе их образования лежит набор семантических моделей, по которым осуществляется словообразование данного типа диалектных лексем. Парадигмы когерентных существитель-

ных являются открытыми системами. Выявление их лексического состава и типологическое сопоставление их словообразовательного потенциала — актуальная задача изучения диалектного словообразования.

Литература

Колесова И. Е. Динамика исторических корневых гнезд: Процессы дивергенции и конвергенции в историческом корневом гнезде с вершиной lei-: Монография. Вологда, 2012.

Колесова И. Е. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах // Народная речь Вологодского края. Вологда, 2015. С. 189–201.

Колесова И. Е. Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных отсубстантивных существительных в русских говорах // Севернорусские говоры. 2016. № 15. С. 116–126.

Колесова И. Е., Яцкевич Л. Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд // Вестник Череповецкого государственного университета. Т. 2. Череповец, 2012. С. 94–96.

Колесова И. Е., Яцкевич Л. Г. Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных имен существительных в русских народных говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 3(72). С. 65–75.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.

Толстая С. М. Глухой и слепой // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 134–174.

Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В 4 т. Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2008. Т. 3.

Яцкевич Л. Г. Категориальные значения частей речи: Функционально-типологическое исследование: Монография. Вологда, 2004. 158 с.

Яцкевич Л. Г. О типологии внутренней формы слов в русском и белорусском языках // Беларуская мова і мовазнаўства. Вып. 3. Мінск: Выдавецтва БДУ, 1976.

Яцкевич Л. Г. Об адным тыпе міждыялектных і міжмоўных амонімаў // Беларуская лінгвістыка. Вып. 26. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. С. 8–13.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров: Монография. Вологда, 2013. 224 с.

Яцкевич Л. Г. Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем // Вестник Вологодского государственного университета. Серия гуманитарные, общественные и педагогические науки. 2016. № 1. С. 91–97.

Сокращения

КПС — когерентные производные существительные

КСП — когерентная словообразовательная парадигма

СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

I. Kolesova. The semantic models of word-formation paradigms of coherent nouns on the basis of numerals in Russian dialects

This article focuses on the processes of parallel word formation in the Russian national dialects. Discusses the features of the semantic syncretism producing numerals that participate in the parallel coherent word formation of nouns. Defines the semantic models of their formation, are characterized by the features of their derivational paradigms. The purpose of this article is to explore the phenomenon of semantic syncretism producing numerals that become the basis for the formation of coherent derived nouns in Russian dialects. Also, author is identifying the semantic models of word formation of nouns on the basis of numerals and peculiarities of formation of their derivational paradigms.

Keywords: Russian dialects, the parallel word-formation, word formation on the basis of numerals, coherent derived nouns, semantic syncretism, semantic model of a concurrent derivation, the paradigm of coherent lexemes.

ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ОТСУБСТАНТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Префиксально-суффиксальные типы представляют особый интерес при изучении словообразовательной системы смоленских говоров, поскольку, с одной стороны, являются яркой особенностью сферы отсубстантивной деривации по сравнению с отглагольной и отадъективной областями, а с другой, включают большое количество слов с предметной семантикой. В смоленских говорах функционирует 33 префиксально-суффиксальных отсубстантивных словообразовательных типа конкретных существительных, которые включают в общей сложности 270 производных слов. В статье рассматриваются особенности словообразовательного значения производных слов в рамках выделенных типов, а также характеристики их производности по отношению к производящим словам.

Ключевые слова: смоленские говоры, конфикс, словообразовательный тип.

Префиксально-суффиксальные типы отсубстантивной деривации представляют особый интерес при изучении словообразовательной системы смоленских говоров. С одной стороны, они противостоят значительным по размерам сферам диалектной отглагольной и отадъективной деривации, а с другой, выделяют группу лексики с конкретно-предметным значением из общей массы производных диалектных существительных в смоленских говорах, противопоставляя ее названиям натурфактов и лиц. Префиксально-суффиксальные типы формируются на основе конфиксов, которые используются в качестве словообразовательных средств, или формантов [Русская грамматика 2005].

Конфиксы признаются неоднозначными образованиями в теории словообразования и представляют собой явление, имеющее длительную и сложную историю формирования. Известен

факт, что конфикация как способ словообразования не существовала изначально, она «могла возникнуть только на определенной ступени развития языковой абстракции носителей языка» [Гуныко 2012: 4]. Процесс развития конфикации обычно связывается с переразложением отношений внутри суффиксальных словообразовательных типов, которые изначально возникли на базе предложно-падежного мотивирующего сочетания слов. Причины этого процесса достаточно многообразны и традиционно рассматриваются в историческом словообразовании.

Конфиксы представляют значительный интерес для исследования в рамках словообразовательных типов в частной диалектной системе, а именно в смоленских говорах.

В смоленских говорах функционирует 33 префиксально-суффиксальных отсубстантивных словообразовательных типа (СТ) конкретных существительных, которые включают в общей сложности 270 производных слов, что составляет около 5% от общего количества производных существительных со значением «артефакты»: указанной семантикой обладают примерно 5500 слов, по данным «Словаря смоленских говоров» [ССГ]. Не образуют словообразовательных типов, но функционируют в сфере диалектной отсубстантивной деривации 144 слова, из них 96 — единичные образования, а 48 слов объединяются попарно и имеют общий формант, но не образуют типов.

К первой, частотной в смоленских говорах, группе СТ можно отнести типы с формантами *на- -ник*, *под- -ник*, *под- -ок*, *за- -j(e)*, *за- -ок*, *под- -j(e)*, *при- -ок*, *при- -ник* (все они включают от 47 до 10 производных, причем два типа наиболее репрезентативны: формант *на- -ник* встречается в 47 словах, *под- -ник* в 40). Порядок описания типов задается количественными характеристиками каждого типа, по убыванию производных.

Префиксально-суффиксальные СТ в смоленских говорах имеют как мутационное, так и модификационное словообразовательное значение (СЗ), причем мутационное преобладает над модификационным. Мутационное СЗ отмечается во всех СТ (иными словами, ни один префиксально-суффиксальный СТ не об-

служивает сферу сугубо словообразовательной модификации) и формулируется в общем виде как «носитель предметного признака». Стабильное присутствие мутационной словообразовательной семантики объясняется тем, что доминирующим элементом СЗ в типах является семантика бывшего предлога, совпадающего с приставкой, при этом грамматическое значение суффикса также участвует в формировании СЗ, но не всегда является при этом определяющим. Именно пространственное значение бывшего предлога, при обилии иных видов грамматических значений в сфере диалектного отсубстантивного словообразования, является стабильно представленным во всех частотных и многих малочастотных префиксально-суффиксальных СТ смоленских говоров.

Пространственную семантику бывшего предлога, являющуюся доминирующим элементом СЗ многих типов, демонстрируют следующие слова: *надёжник* 'полотно, которым закрывали квашню', *наладо́бник* 'часть рукавицы, прикрывающая ладонь', *подно́жник* 'половик у порога', *подскёрдник* 'площадка для стога', *подгла́вок* 'деревянный настил в изголовье кровати', *подла́вок* 'место под лавкой у двери', *заворо́тье* 'место у ворот на улице', *заво́внье* 'задняя стена овина', *заокóнок* 'ставня', *за́полосок* 'участок земли, расположенный за вспаханным полем', *подполóзье* 'металлическая пластина, предохраняющая полоз от стирания', *подхо́мутье* 'подхомутник', *прикал́иток* 'место у калитки', *прихлё́вок* 'небольшой сарай, пристроенный к хлеву', *припу́нник* 'пристройка к сараю для сена', *пришпу́льник* 'деталь прядки в виде небольшого деревянного круга или колесика, который надевается на рогац вслед за шпуплькой'.

Кроме пространственной словообразовательной семантики в частотных типах разнообразно представлена и другая семантика. В частности, в типе *на-*-*ник* имеет место СЗ, формулируемое на основе одного из грамматических значений предлога *на* как обстоятельственное значение цели: *наблóдник* 'полка для посуды', *налу́стник* 'полотенце, в котором несут угощение (*лу́сту*) пастуху в поле', *напоро́бник* 'хлев для свиней', *напы́льник* 'плащ'. Обсто-

ательственное значение образа действия встречается в существительных *навёлочник* ‘охапка сена, соломы и т. п., взятая вилами за один раз’, *накопильник* ‘небольшой воз сена’ (дополнительный элемент словообразовательной семантики в данном случае состоит также в указании на характер, образ действия, особенности протекания процесса, который мыслится как сопровождающий то, что названо производящим словом в винительном падеже).

Ряд частотных диалектных типов демонстрирует наличие существительных с модификационным СЗ, обозначающих предметы, тождественные или подобные тому, что было названо производящей основой: *подмáточник* ‘матица (*мáтка*)’, *подподбóльник* ‘подол’, *подмáток* ‘матица (*мáтка*)’, *подшáрок* ‘часть потолка между матицами (от *шар* с тем же значением)’, *подсúток* ‘сито’; *заскúлок* и *заскúлье* ‘место в печи, куда выгребают жар (от *скуло́* с тем же значением)’, *затýнок* ‘изгородь’ и др.

В некоторых типах СЗ достаточно разнородно и может быть сформулировано лишь обобщенно; производные существительные в данных случаях называют предметы, характеризующиеся отношением к тому, что было названо производящим словом. Например, в типе с формантом *под- -j(e)* это значение обнаруживается в словах *подзагнётые* ‘место в избе против печи, где стряпают’ (*загнёт*, *загнэта* — ‘шесток русской печи’), *пóдмóстье* ‘навес в амбаре’ (при распространенном в смоленских говорах *мост* ‘пол’), *подплётые* ‘жердь, на которую опираются стропила’ (видимо, слова *плеть*, *плётые*, соотносимые по смыслу для данного производного, исчезли из смоленских говоров, но при этом осталось *плётые* ‘жерди для изгороди’).

Вторую группу, выделяемую на основе частотности репрезентации слов в смоленских говорах, составляют типы с относительно невысокой лексической наполненностью (включают от восьми до трех слов каждый). Сюда относятся СТ с формантами *при- -к(a)*, *о- -ок*, *под- -к(a)*, *за- -к(a)*, *на- -нищ(a)*, *на- -ок*, *по- -j(e)*, *при- -ø*, *за- -ø(u)*, *на- -к(a)*, *над- -ник*, *о- -j(e)*, *по- -ник*, *по- -ок*, *при- -ик*, *на- -к(u)*, *о- -ник*, *па- -ок*, *по- -ин(a)*, *по- -нищ(a)*,

под- -*o(a)*, *под-* -*ень*, *под-* -*ик*, *при-* -*j(e)* (в порядке убывания производных слов в каждом типе).

Во всех названных типах представлен целый набор разных комбинаций деривационных значений. Словообразовательная семантика малых типов очень часто демонстрирует указание на пространственные отношения, заложенные бывшим предлогом в составе форманта: именно она встречается в словах *припру́жка* 'деталь ткацкого стана, с помощью которой укрепляется пришива в неподвижном положении', *приуса́дка* 'приусадебный участок', *прихо́мутка* 'специальная веревка для связывания хомута', *подкало́шка* 'портянка', *подко́ска* 'косынка, которую носили девушки или молодые женщины, завязывая под косой', *подмо́стка* 'брус, на который стелется пол, переводина' (т. е. брус под *мост* 'пол'), *подпе́чка* 'подпечье', *набо́жница* 'вышитое полотенце на иконе', *нагру́дница* 'передник', *насто́льница* 'скатерть', *подо́нье* 'нижний слой сена в стог, копне, скирде', *постре́шье* 'место под стрехой', *пошта́нье* 'подол', *забуко́нки* 'ставни на окнах' (*буко́нка* 'окно'), *зало́кти* 'часть рукава от плеча до локтя в женской рубашке, обычно вышитая', *нако́леска* 'верхний продольный брус в телеге, соединяющий заднюю ось с передней', *надба́нник* 'чердак над баней', *надло́бник* 'край крыши, гребень', *ове́ршье* 'верхушка стога', *огу́зье* 'широкие клинья в мужских полотняных брюках', *оза́дые* 'нижняя часть кросен, которую продевают сквозь бердо', *погрóбник* 'покрывало, которым покрывают лежащего в гробу покойника', *поко́сник* 'лента, которую вплетают в косу', названия предбанников — *приба́йник*, *прила́зник*, *примы́льник*, *оконéчник* 'наконечник', *очéльник* 'выступ в печи для создания тяги', *погрóбница* 'покрывало, которым покрывают лежащего в гробу покойника', *поу́шница* 'платок', *подпе́ча* 'подпечье', *подю́бца* 'нижняя юбка', *подворóтень* 'доска для закладывания щели между воротами и землей', *подхо́мутень* 'подхомутник', *придво́рье* 'подворье', *припе́чье* 'фундамент, на который ставится русская печь'.

В ряде малых типов словообразовательная семантика производных достаточно широка и указывает на общее отношение к то-

му, что названо производящим словом: *заворóтка* ‘поперечная жердь, которой закладывают проход в изгороди’, *закалѳтка* ‘маленькая комнатуха, угол в избе’, *надвóрок* ‘задворки’, *налóбок* ‘крайняя при распиловке доска, выпуклая с одной стороны, горбыль’, *напóлок* ‘планка для пуговиц у мужской косоворотки’, *на́лобок* ‘крайняя часть бревна, остающаяся при распиловке его на доски, горбыль’, *напередок* ‘спинка кровати’, *побóчина* ‘нежирное мясо’, *пожѳлина* ‘сухая жердь для подвязывания чего-либо и огораживания’, *поскóтина* ‘выгон, огороженное пастбище для скота’, *подцепѳльник* ‘ремень, веревка у цепа, к которому прикрепляется бичѳк, т. е. било’, *подшѳтрик* ‘навес у амбара’.

Контрастными в плане СЗ по отношению к предыдущей подгруппе, обладающей достаточно обобщенной словообразовательной семантикой, будут диалектные существительные, называющие предметы, полностью тождественные тем, которые были названы производящими словами, например *приклѳт* ‘пристройка, кладовая’, *при́пол* ‘пола у одежды’, *подвóрок* ‘двор’, *покрóмок* ‘горбушка хлеба’ (от *крóма* ‘горбушка’), *напру́жки* ‘крестообразное приспособление в ткацком стане, предназначенное для распрямления полотна’, от *пруг* с тем же значением, *на́скирдок* ‘небольшой скирд’, *намѳздок* ‘уздечка’ от *муздá* ‘уздечка’, *ожерѳлок* ‘воротник’ при *жерелó* ‘ворот рубашки’, *окрáвок* ‘обрезок’ от *край*, *оцѳрок* ‘чурбан’ (при регулярной в смоленских говорах мене аффрикат /ц//ч/ в *чѳрка* — *цѳрка*). Все эти слова обладают модификационным СЗ тождества.

Особый интерес представляют диалектные СТ, демонстрирующие отклонение от общей закономерности стабильной экспликации предложной пространственной семантики в префиксе. Наглядным примером здесь служит достаточно частотный тип с формантом *за-* *-ник* (к нему относятся десять слов), у которого отмечается разнородная словообразовательная семантика и преобладает значение ‘предмет, предназначенный для нахождения того, что названо мотивирующим словом’: *забóжник* ‘полка с иконами’, *залóжечник* ‘прибитая к стене полочка, планка, за которую закладывали ложки, ножи, вилки’, *засѳдник* ‘деревянный ящик,

ларь для хранения посуды, продуктов (от *суд* 'посуда'). В этом же типе встречаются слова *запéчек* 'деревянное основание печи' (указание на расположение под предметом, названным производящим словом), *закóсник* 'клин, вбиваемый в косу между косьем и косой для закрепления' (обстоятельное значение цели), *залóбник* 'фронтон крестьянского дома, имеющий вид треугольника', от *лоб* с тем же значением (модификационное значение тождества или подобия), *зарука́вник* 'женская рубашка без холщовой подкладки' (общее значение отношения к производящему слову). На фоне указанных отсубстантивов в рамках рассматриваемого типа лишь два существительных демонстрируют сохранение бывшей пространственной семантики предлога: *запíчник* 'место за печкой' и *зауго́льник* 'концы бревен за местом скрепления их на углах'.

Сопоставление диалектной и общерусской словообразовательной семантики у производных существительных с аналогичными формантами позволило обнаружить практически полное несовпадение словообразовательных значений. Во всех диалектных типах с большим и малым количеством производных слов, за исключением единственного типа с формантом *при-* *-j(e)*, объединяющего три слова, появляются новые типы СЗ. Полное совпадение значений, без каких-либо отклонений, отмечается именно в единственном случае у форманта *при-* *-j(e)*. Таким образом, словообразовательная семантика префиксально-суффиксальных отсубстантивных СТ в смоленских говорах значительно шире по сравнению с другими диалектами и литературным языком. Очевидно, данная закономерность объясняется большей наполняемостью типов в смоленских говорах и иным установлением границ синхронной мотивированности в пределах диалектного словообразовательного гнезда.

Функционируют в смоленских говорах и не находят соответствия в общерусском языке следующие нерегулярные форманты:

1) *за-* *-к(a)* (встречается в пяти существительных: *за́вонька* 'место около печи, отделенное перегородкой или занавеской', *заворóтка* 'поперечная жердь, которой закладывают проход в из-

городи', *за́гвоздка* 'чека у повозки, телеги', *закалѝтка* 'маленькая комната, угол в избе', *запѝчка* 'место, промежуток между печкой и стеной');

2) *на-* *-ок* (пять слов: *надвѝрок* 'задворки', *налѝбок* 'крайняя при распиловке доска, выпуклая с одной стороны; горбыль', *намѝздок* 'уздечка', *напѝлок* 'короткая рукоятка на косовище для правой руки', *наполок* 'полок в бане');

3) *при-* *-ѝ* (пять слов: *приклѝт* 'пристройка, кладовая', *припол* 'пола одежды', *присѝн* 'сарай для сена', *присѝх* 'сошник', *пристѝн* 'пристройка, кладовая');

4) *на-* *-к(а)* (четыре слова: *навѝлка* 'охапка сена, соломы и т. п., взятая вилами за один раз', *на̀колеска* 'верхний продольный брус в телеге, соединяющий заднюю ось с передней', *на̀крестка* 'боковые отводы в санях-розвальнях', *нахлѝпка* 'старая мужская шляпа');

5) *при-* *-ик* (четыре слова: *прибѝйник* 'предбанник', *придвѝрик* 'пристройка к дому', *прилѝзник* 'предбанник', *примѝльник* 'предбанник');

6) *на-* *-к(и)* (три слова: *надвѝрки* 'передняя часть двора', *нап̀рѝжки* 'крестообразное приспособление в ткацком стане, предназначенное для распрямления полотна', *на̀п̀ряжки* 'крестообразное приспособление для разматывания ниток, пряжи');

7) *по-* *-ниц(а)* (три слова: *пог̀рѝбница* 'покрывало, которым покрывают лежащего в гробу покойника', *понѝбница* 'часть ткацкого станка', *поу̀шница* 'платок');

8) *под-* *-ѝ(а)* (три слова: *подпѝча* 'подпечье', *подрѝга* 'жердь, которой укрепляли сено в стогу, на возу', *подг̀ѝбца* 'нижняя юбка').

Таким образом, специфическими диалектными являются восемь формантов, которые функционируют в общей сложности в 32 производных диалектных существительных.

Производящие основы, встречающиеся в словообразовательных типах, являются как непроизводными, так и производными, как известными литературному языку и другим говорам, так и собственно диалектными.

Свободное сочетание префикса и суффикса с производными / непроизводными общерусскими и такими же диалектными производящими основами встречается у единственного типа с формантом *под-* -ник.

Ограничения в сочетаемости форманта и производящей основы наблюдаются у мотивированных существительных во всех остальных типах. Испытывают незначительные ограничения в сочетаемости и свободно соединяются с производными / непроизводными общерусскими и непроизводными диалектными основами форманты *на-* -ник, *за-* -*j(e)*; сочетается с производными / непроизводными общерусскими и производными диалектными основами формант *под-* -ок; с производными / непроизводными диалектными и непроизводными общерусскими — формант *при-* -ик. Таким образом, в этих четырех типах комбинаторика сочетаемости представлена достаточно полно.

Более существенные ограничения в сочетаемости мотивирующей основы и форманта наблюдаются в следующих случаях. Сочетание с непроизводными основами, как общерусскими, так и диалектными, распространено в количественном отношении наиболее широко и представлено в 18 типах с формантами *за-* -*ø*, *за-* -*к(а)*, *за-* -ник, *за-* -ок, *на-* -*к(а)*, *на-* -*к(и)*, *на-* -ниц(*а*), *на-* -ок, *над-* -ник, *о-* -*j(e)*, *о-* -ник, *о-* -ок, *по-* -ок, *под-* -*j(e)*, *под-* -*к(а)*, *при-* -ок, *при-* -ник, *при-* -*к(а)*. Сочетаются лишь с общерусскими непроизводными основами, выступающими в роли производящих, форманты *на-* -ок, *по-* -*j(e)*, *по-* -ин(*а*), *по-* -ник, *по-* -ниц(*а*), *под-* -*ø(а)*, *под-* -ень, *при-* -*ø*, *при-* -*j(e)*. Узкая сочетаемость с непроизводными общерусскими и производными диалектными основами наблюдается в СТ с формантом *под-* -ик.

В ходе исследования не было обнаружено ни одного типа с сугубо диалектной принадлежностью форманта и производящей основы, независимо от характера ее производности.

Морфонологические явления в сфере отсубстантивной префиксально-суффиксальной диалектной деривации в смоленских говорах достаточно типичны и повторяют аналогичные явления суффиксальной деривации в говорах и в литературном языке (за

исключением чередований групп согласных и наращений), что объясняется схожим набором суффиксов в языковых системах. Полностью свободны от морфонологических явлений диалектные типы с формантами *на- -к(а)*, *па- -ок*, *по- -ник*.

Результаты исследования СТ префиксально-суффиксальных отсубстантивных существительных можно представить обобщенно в виде таблицы.

Таблица 1. Словообразовательные типы префиксально-суффиксальных отсубстантивных существительных

Формант	Совпадение с общерусским языком	Модификационное СЗ	Мутационное СЗ	Производное	Непроизводное	Общерусское	Диалектное	Всего слов
<i>на- -ник</i>	+/-	-	+	+	+	+	+	47
<i>под- -ник</i>	+/-	+	+	+	+	+	+	40
<i>под- -ок</i>	+/-	+	+	+	+	+	+	15
<i>за- -j(e)</i>	+/-	+	+	+	+	+	+	12
<i>за- -ок</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	12
<i>под- -j(e)</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	11
<i>при- -ок</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	11
<i>за- -ник</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	10
<i>при- -ник</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	10
<i>при- -к(а)</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	8
<i>о- -ок</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	7
<i>под- -к(а)</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	7
<i>за- -к(а)</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	5
<i>на- -ниц(а)</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	5
<i>на- -ок</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	5
<i>по- -j(e)</i>	+/-	+	+	-	+	+	-	5
<i>при- -o</i>	+/-	+	+	-	+	+	-	5
<i>за- -o(i)</i>	-	-	+	-	+	+	+	4
<i>на- -к(а)</i>	-	-	+	-	+	+	+	4
<i>над- -ник</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	4
<i>о- -j(e)</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	4
<i>по- -ник</i>	+/-	+	+	-	+	+	-	4
<i>по- -ок</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	4
<i>при- -ик</i>	-	-	+	+	+	+	+	4
<i>на- -к(и)</i>	-	-	+	-	+	+	+	3
<i>о- -ник</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	3
<i>па- -ок</i>	+/-	+	+	-	+	+	+	3
<i>по- -ин(а)</i>	+/-	-	+	-	+	+	-	3
<i>по- -ниц(а)</i>	-	-	+	-	+	+	-	3

Продолжение на следующей странице

Таблица 1. Словообразовательные типы префиксально-суффиксальных отсубстантивных существительных

Формант	Совпадение с общерусским языком	Модификационное СЗ	Мутационное СЗ	Производное	Непроизводное	Общерусское	Диалектное	Всего слов
<i>под- -o(a)</i>	-	-	+	-	+	+	-	3
<i>под- -ень</i>	+/-	-	+	-	+	+	+	3
<i>под- -ик</i>	+/-	-	+	+	+	+	+	3
<i>при- -j(e)</i>	+	-	+	-	+	+	-	3

Литература

Гулько О. Г. Формирование и развитие субстантивной конфикации в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

Русская грамматика: научные труды. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 2005.

Сокращения

Ефремова — *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

СЗ — словообразовательное значение

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

СТ — словообразовательный тип

E. Lunkova. Word-formational Types of the Dialect Words with Prefixes and Suffixes Derived from Nouns in the Smolensk Dialect

Word-formational types with suffixes and prefixes are interesting for the research purpose in the Smolensk dialect because they have special features as noun-derived words in contrast to verb- and adjective-derived words, from the one side, and include great number of derived nouns with “thing”-meaning in contrast to nature and personal names, from the other side. There are 33 word-formational types with prefixes and suffixes nouns retaining “thing”-meaning in the Smolensk dialect, they include 270 motivated words in general. The article is devoted to the peculiarities of derivational meaning of these words as well as their characteristics compare to the motivated nouns. Keywords: Smolensk dialect, confix, word-formational type.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРОЯВЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКА В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы с адъективной семантикой, формирующие две словообразовательные категории — становления и проявления признака, определяются критерии разграничения этих категорий. Выявляется роль мотивирующего контекста в этом процессе, в частности, наличие в нем слов-маркеров, помогающих дифференцировать омонимичные образования и исключить присоединение производных глаголов других словообразовательных категорий.

Ключевые слова: тверские говоры, словообразовательные категории, слова-маркеры, адъективные основы глаголов.

Общность словообразовательного значения при различии формантов определяет принадлежность словообразовательных типов к одной словообразовательной категории. Однако словообразовательное значение по своей онтологической природе не ограничено связью только с деривационными структурами: оно лежит в фундаменте целой ономаσιологической категории и может быть выражено средствами других уровней языка — лексико-синтаксическими, на чем и основывается его толкование. Например, значение проявления признака определяется не только основной формулой толкования «быть каким», но и целым синонимическим уточняющим рядом — *казаться, представлять-ся, выглядеть*.

Анализ диалектного материала позволяет проследить тесную связь системы словообразования с «несловообразовательными» средствами выражения словообразовательного значения: «Ономаσιологический подход в конечном итоге, если он доведен до своего логического конца, стирает грани между уровнями языка, показывая, как средства разных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных

значений. Это взаимодействие принимает форму собственно взаимодействия или компенсации» [Гак 1985: 5–15]. Разные словообразовательные значения по-разному соотносятся с лексико-синтаксическими средствами выражения: чем больше последних, тем меньше используются деривационные средства [Новикова 2013: 467–475]. Мутационные глагольные значения, к которым относятся значения проявления и становления признака, легко перифразируются лексико-синтаксическими средствами: *разжидеть* ‘стать жидким’: *Начинка разжыдела, а потом задубинела*. Ост. Городец [Селигер 6: 23] — *сделаться жидким, более жидким, приобрести / принимать жидкую структуру* и т. д. Практически любое свойство, обозначенное качественным прилагательным, может быть представлено как находящееся в процессе становления, проявления признака. Но регулярное выражение этих значений возможно только лексико-синтаксическими средствами, тогда как словообразовательные средства используются лишь для некоторых свойств.

Используя современные диалектные словари, в которых зафиксирована тверская лексика, мы обнаружили всего 42 производных со значением становления признака и 23 — со значением проявления признака. При анализе дериватов с данными типами значений следует учитывать их возможную омонимию. Критерием разграничения подобных производных является мотивирующий контекст словарной статьи. Значение становления признака обычно маркируется фазовыми показателями (начал, продолжил, закончил) или обстоятельствами со значением степени, причины, времени, образа действия: *обленеть* ‘стать ленивым, облениться’: *Ребята обленели, всё им некогда, не допросишься*. Ост. Пачково; *Ана теперь аблянела, а раньше ткачиха была хорошая*. Андреап. Любино, а также Ост. Кравотынь, Орлово, Свапуще [Селигер 4: 171]; *охлаодать* ‘стать очень холодной (о воде)’: *Всё от безделья и пьянства, от него. Вот тонут, а вада сейчас как ахаладала*. Пен. Наумово [Селигер 4: 300]; *получишть* ‘перестать болеть’: *А врач был хороший, тут мне как-то сердце и получишело*. Ост. Сосницы; *Я бегом аспирын, и получишело мне*. Не

похудело хоть, и то хорошо. Тороп. Дуброво; *Немножко получило ей; давление было 180 на 100.* Тороп. Волок; *Привезли меня в больницу, ввели магнезию — получило мне.* Там же; *пригрустнуть* ‘загрустить’: *Пригрустнула она со скуки.* Дем. Трунево [Селигер 5: 109]. Значение проявления признака маркируется обстоятельствами со значением места: *прислащивать* ‘иметь сладковатый вкус’: *Мясо у медведя ничем не пахнет, а немножко прислащивает.* Тороп. Наговье [Селигер 5: 140]; *крепаться* ‘силиться, стараться’: *На стул не влезть — крепуюсь, крепуюсь, а тяжело.* Андреап. Бологово [Селигер 3: 132]; *млеть* ‘испытывать слабость, вялость’ *Мне тяжело и мляво, млею я, на солнце выйти не могу.* Тороп. Грядцы; *Сердце млеет, готовить не могу, ничего не могу.* Андреап. Дорофеево [Селигер 3: 283].

Если маркирующий контекст отсутствует, то разграничение значений становления или проявления признака бывает затруднительным, поскольку глаголы реализуют их недифференцированно. В последнем примере у глагола *млеть* есть еще одно значение — ‘вянуть’, которое имеет контекст без маркирующих показателей: *Когда растение увядает, млеет говорят.* Андреап. Бологово; *Млеют — это вянут, в том году у меня свекла вся смлела.* Там же [Селигер 3: 283]. В таких случаях дополнительным средством разграничения анализируемых словообразовательных значений является семантика производящих слов, т. е. прилагательных. Глаголы с основами, обозначающими визуально воспринимаемый признак [Улуханов 1977: 133–135], могут выражать оба вида значений — становления и проявления признака: *понижеть* ‘стать ниже, опустившись; просесть, осесть (о строении)’: *Понижело мое крыльцо, не споткнись.* Тороп. Галибицы [Селигер 5: 22]; *обвостриться* ‘стать острым, начать выступать на поверхности’: *У парасенка хрибетная кость абвастрилась.* Пен. Горка [Селигер 4: 158]; *обстареться* ‘износиться, прийти в подержанное состояние’: *Ано уже старое [мебель], абстарелось.* Ост. Волговерховье [Селигер 4: 198]; *мутить* ‘становиться мутным’: *После крещения вода закрасится, потом начинает мутить на святки.* Ост. Лежнево [Селигер 3: 315]; *пухлеть* ‘становиться гуще, мягче (о шер-

сти): *Бьют шерсть и прядут, к осени шерсть пухлеть станет.* Дем. Красота [Селигер 5: 215]. В приведенных примерах глаголы с основами, обозначающими визуально воспринимаемый признак, выражают значение становления признака. Словообразовательная категория становления признака включает производные глаголы с адъективной основой и формантами *-е(ть)*, *-е(ть)ся*, *-и(ть)ся*, *-а(ть)*, *-а(ть)ся*, *-ну(ть)*.

Глаголы со словообразовательным значением проявления признака могут также иметь производящие основы, обозначающие визуально воспринимаемый признак. Например, *леститься* 'ласкаться': *Я отнесла его [зайчонка] брату, а он просит молока, лестится.* Андреап. Шарыгино [Селигер 3: 207]; *мокрить* 'дождить': *Потом выстоялась погода, стало мокрить.* Андреап. Бологово [Селигер 3: 288]; *прикосить* 'скосить слегка (глаза)': *Глазы прикосишь, глядишь ей в карты.* Ост. Городец [Селигер 5: 121]; *обшелудиветь* 'покрыться коростой, нарывами' *Рука была абалевши, обшелудивила баялочками.* Ост. Белка [Селигер 4: 203]; *опустовать* 'остаться незасеянным, неиспользованным': *Каласков по полю по счету было, вот и сгуляли паля впустую, апуставали все.* Ост. Алексеевское [Селигер 4: 251]; *осерьёзнить* 'стать взрослым, серьёзным': *Сашка-то парень хороший, хоть и мал ищё, а рана асерьёзнил.* Фир. Жабны [Селигер 4: 255]; *отжидеть* 'стать жидким': *А каша атжидела сегодня.* Тороп. Речане [Селигер 4: 274]. Словообразовательная категория проявления признака включает производные глаголы с адъективной основой и формантами *-е(ть)*, *-и(ть)*, *-а(ть)*, *-а(ть)ся*, *-ива(ть)*, *-ова(ть)*.

При отсутствии маркирующих показателей глаголы с основами, обозначающими не визуально воспринимаемый признак, выражают, как правило, словообразовательное значение становления признака: *пообленеть* 'стать ленивым, облениться': *Я пообленела — рухоль тискаю: может, пригодится.* Ост. Бельково [Селигер 5: 25]; *примудриться* 'научиться, приспособиться': *Примудрились наши власти жить хорошо гораз, а о простых людях не думают.* Ост. Дубровка; *Наши руководители, идолы, всё для себя делают, но мы уже примудрились жить.* Там же [Селигер 5:

129]; *обесстыжить* ‘обнаглеть, потерять совесть’: *Обесстыжил, не хочет учиться*. Дем. Славицы; *обесстыжиться* ‘то же, что обесстыжить’: *А то ана абястыжится, целый день спать будет*. Ост. Городец [Селигер 4: 163]; *облегчать* ‘похудеть’: *Не в деревне живши, не облегчаешь*. Тороп. Уварово [Селигер 4: 171]; *коленеть* ‘замерзать’: *Я босая, а земля коленеет*. Андреап. Бологово [Селигер 3: 72]; *оглуметь* ‘поглупеть’: *Ты чаго как аглумел? Малчишь, глумной, всё малчит*. Андреап. Любино [Селигер 4: 209]; *оживиться* ‘улучшиться, исправиться (о погоде)’: *Няделя как оживилась, а то всё дождь*. Ост. Жар [Селигер 4: 224]; *оживляться* ‘становиться живым, оживать’: *Гаварят, если пахаранить, то оживляешься тама*. Фир. Мартюшино; *Каней купали, волос в озере астаётся и оживляется*. Пен. М. Переволока [Селигер 4: 225]; *охлаодеть* ‘замерзнуть’: *Скажите, что ахаладели, гуляя, сейчас затаплю*. Пен. М. Переволока [Селигер 4: 300].

Но из этого правила есть исключения. В нашем материале мы зафиксировали одно из значений глагола *мутить* ‘мерещиться, видеться, слышаться’, который, имея основу по представленным контекстам, выражающую невизуально воспринимаемое свойство, имеет словообразовательное значение проявления признака: *Молодые были, ходили слухать, так мутило кому что*. Дем. Лаврово; *Пришли девки на кресты и говорят: мутит и чертит, и наслышься мне гармонь*. Там же; *Раньше мутило, виделось, а то и нас мутило, виделось*. Ост. Жуково; *А один раз — помело в окно высунуто. И не одной мне мутит-то*. Ост. Городец; *Говорили, что в Бороденке мутит: выходят люди с кладбища на суховье*. Ост. Коковкино; *Вот из Песок шли, говорили, мутит; там болото было; в деревне возле Марковых мутило, слышно было*. Ост. Пачково; *Мутило раньше, приведенья там были*. Ост. Рвеницы; *В бане нас мутило, навидится, [мы] не гадали, баишник там живет*. Ост. Сосново [Селигер 3: 315].

Рассматривая типы глаголов со значением становления и проявления признака, следует учитывать их возможную омонимию с глаголами наделения признаком. Критерием разграничения этих значений является в основном мотивирующий контекст

и семантика производящих основ, которая у глаголов со значением наделения признаком, как правило, выражает конкретное свойство. Например, *крупнить* ‘укрупнять’: *А потом нас окрупнили — тогда колхозы крупнили.* Дем. Ходыриха [Селигер 3: 148]; *отверезить* ‘отрезвить, привести пьяного в трезвое состояние’: *Отверезить его надо, совсем опьянел.* Бежецкий, Краснохолмский [ОСГКО: 166]; *отонить* ‘напрясть тонко пряжу’: *Пряжу на прясть очень тонко, да так отонить, чтобы шерсть не испортить.* Осташковский [ОСГКО: 167]; *пустовать* ‘истощать, делать неплодородной (землю)’: *Лён — он сильно пустует землю. По нашим пескам он вытянет всю землю.* Ост. Мосеевцы [Селигер 5: 210]; *присластить* ‘добавить сахару, сделать слаще’: *Зальем нарезанные блинчики горячим молоком, маслица туда — получается картофельная каша, её можно присластить.* Пен. Наговье; *Присластись* ‘ягодинку, бывало, а щас килограмм кладут.’ Ост. Турская; *Шептала раньше была, ягода несладка, так маленько песочком присластить.* Ост. Коковкино [Селигер 5: 140]; *приобщать* ‘признавать, подпускать к себе’: *А если змей змею не приобщает, у ней кушен человек.* Ост. Городец [Селигер 5: 130].

Но есть примеры глаголов со словообразовательным значением наделения признаком и с невизуальной корневой семантикой, тогда основная нагрузка в разграничении анализируемых типов словообразовательных значений ложится на контекст. Например, *обвиноватить* ‘наговорить на кого-н., обвинить’: *Сам на крапивы сел, а меня обвиноватил.* Ост. Городец [Селигер 4: 158]; *просвятить* ‘очиститься водами реки (об озере)’: *Волга тут раньше текла, наше озеро тоже было просвячено.* Ост. Иванова Гора [Селигер 5: 175]; *оттеплить* ‘утеплить что-н.’: *Абкладали завалину, чтоб обтиплить.* Дем. Н. Скребель [Селигер 4: 199]; *оголодить* ‘оставить без продуктов, еды’: *Теперь эти рябьята всё вытаскали, так и агаладили нас.* Ост. Белка [Селигер 4: 211].

И. С. Улуханов считает, что значение проявления признака по отношению к значению становления является вторичным [Русская грамматика 1980: 345]. Анализ диалектного материала позволяет согласиться с этим утверждением, поскольку количествен-

ное соотношение глаголов со значением становления и проявления признака и характер реализации их семантики в контекстах свидетельствуют об этом. Часто разграничение этих двух словообразовательных значений зависит только от контекста, и появление в нем маркирующего показателя — слова с временной семантикой — меняет значение проявления признака на значение его становления. Поэтому деление производных глаголов с адъективной семантикой на две словообразовательные категории часто достаточно затруднительно, но объективно показывает важную роль мотивирующего контекста в выявлении типов словообразовательного значения в диалектном словообразовании.

Литература

Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 5–15.

Новикова Л. Н. Производное слово в вербальном пространстве диалектов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 467–475.

Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. С. 133–135.

Сокращения

ОСГКО — Опыт словаря говоров Калининской области / Сост. Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Калинин: Калининский государственный педагогический институт, 1972.

Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–6. СПб.; Тверь: Изд-во СПбГУ; Тверской ун-т, 2003–2014. (издание продолжается).

Географические сокращения

Андреап. — Андреапольский район Тверской области

Дем. — Демянский район Новгородской области

Ост. — Осташковский район Тверской области

Пен. — Пеновский район Тверской области

Тороп. — Торопецкий район Тверской области

Фир. — Фировский район Тверской области

L. Novikova. The Derivational Categories of the Formation and Manifestation of a Feature in Tver Dialects

This article discusses the adjectival semantics of verbs, which form the two derivational category-formation and characteristic manifestations, defines the criteria to distinguish between these categories. Identifies the context motivating role in this process, in particular, the presence of words-markers to help differentiate the homonymous education and exclude joining derived verbs other word categories.

Keywords: Tver dialects, word-formation category, words are adjectival verb basics, markers.

ОСОБЕННОСТИ СИТУАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Аннотация. В статье дан обзор основных типов метонимической многозначности диалектных глаголов на материале СРНГ и СВГ. Характеризуется своеобразие данного грамматического разряда слов, содержание которых семантически модулирует в зависимости от состава актантов в различных тематических и концептуальных ситуациях. На контекстуальные изменения лексических и грамматических значений диалектного глагола влияют также координаты речевых ситуаций, которые в устной речи гораздо подвижнее, чем в письменной. Рассматривается неоднородность лексикографического описания ситуативной метонимии диалектных глаголов.

Ключевые слова: диалектный глагол, устная речь, ситуативная метонимия, тематическая схема семантической модуляции, концептуальная схема семантической модуляции.

1. Введение

В русских народных говорах, в силу устной формы их бытования, широко распространена метонимическая многозначность слов. Источником этого типа многозначности является исходный семантический синкретизм архаичных по происхождению диалектных слов, лексические значения которых отличаются тематизмом и тесной связью с контекстом и ситуацией употребления [Яцкевич 2016а]. Установлено, что у разных частей речи семантическая типология метонимической многозначности имеет свою специфику [Яцкевич 2016а; 2016б; 2016в], что проявляется в различии тематических и концептуальных схем их полисемии [Зализняк 2013: 40–43]. Кроме этого, было выявлено, что состав компонентов тематических и концептуальных схем у слов разных номинативных классов одной части речи также различается [Яцкевич 2016а; 2016б].

В данной статье рассматриваются семантический синкретизм и особенности метонимической многозначности диалектных глаголов физического воздействия. Своеобразие метонимической многозначности слов данной части речи обусловлено тем, что в пропозициональном содержании высказывания предикат, обозначенный глаголом, занимает центральное положение. В силу этого его содержание семантически видоизменяется, модулирует, в зависимости от состава актантов и их соотношения друг с другом в различных тематических и концептуальных ситуациях. Таким образом, пропозициональная смежность предиката и актантов может приводить к метонимическим переходам в значении глагола. На изменения семантики диалектного глагола влияют также координаты речевых ситуаций, которые в устной речи гораздо подвижнее, чем в письменной.

Семантическая подвижность лексических и лексико-грамматических значений глаголов в устной речи неоднократно привлекала внимание лингвистов и исследовалась в различных аспектах. В силу этого данная особенность глаголов получила различное терминологическое обозначение. Так, С. П. Лопушанская, рассматривая изменения семантической структуры русских беспредставочных глаголов движения, отнесла их к процессам *семантической модуляции* [Лопушанская 1998]. Исследователи, которые обратили внимание на необычайную семантическую подвижность определенного типа глаголов в устной речи, объясняют это их свойство *семантической опустошенностью*, которая позволяет им играть роль *субститутов*, заменяющих полнозначные глаголы [Арзуманова 1979; Капанадзе, Красильникова 1975; Яцкевич 1980; 2013]. По нашим наблюдениям, круг диалектных глаголов, для которых характерно такое употребление, довольно широк. Однако, на наш взгляд, такой подход не вскрывает причины и механизм семантической модуляции значений подобных глаголов, а лишь рассматривает их следствие. В типологических исследованиях для описания семантической подвижности лексических значений глаголов используют понятие *семантических переходов* и их *концептуальных схем* [Зализняк Ан-

на 2006; 2013]. Для описания актантной неоднозначности значений глаголов в грамматической типологии получили распространение термины *актантная деривация* [Плунгян 2003; Летучий 2013] и *лабильные глаголы* [Летучий 2013: 13]. «Лабильным называется глагол, который может выступать и как переходный, и как непереходный без каких-либо формальных изменений [Летучий 2013: 14]. А. Б. Летучий предлагает разграничивать лабильность и актантную деривацию: «Лабильность скорее проявляет не свойства немаркированной актантной деривации, а свойства полисемии, механизма связи семантически близких ситуаций» [Летучий 2013: 198].

Следует также отметить, что семантически подвижными могут быть не только лексические, но и грамматические и лексикограмматические значения глаголов, в частности в аспектуальной, актантной и персональной сферах. Так, для обозначения видовой неоднозначности глаголов, которые в русских грамматиках называют двувидовыми (*молвить*, *казнить*), мы использовали термин *грамматическая мутация* [Яцкевич 1987; 1992]. Такая же интерпретация использовалась для характеристики темпоральной неоднозначности глаголов совершенного вида (*Завтра приду к вам. — Никак не приду к вам*) и для варьирования субъектных и бессубъектных значений у глаголов типа *пахнуть* (*Сено пахнет мятой. — Пахнет мятой*) [Там же].

В данной статье рассматриваются основные типы метонимической многозначности диалектных глаголов физического воздействия на материале «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Словаря вологодских говоров» (СВГ) и картотеки говора деревни Квасюнино Шекснинского района Вологодской области (КСДК).

Глаголы физического воздействия — древний и до настоящего времени продуктивный разряд глагольной лексики. В силу своей архаичности, которая проявляется в особенностях синкретичной семантики, предполагающей сочетаемость этих глаголов с различными актантами, данные лексемы наиболее подвержены развитию различных типов ситуативной метонимической

многозначности. По нашим наблюдениям над материалами СРНГ и СВГ, семантическая парадигма значений, возможных у данного типа глаголов при их семантической модуляции в различных тематических и концептуальных ситуациях, включает большое количество позиций. Приведем наиболее продуктивные в диалектной сфере значения и укажем примеры глаголов, развивающих эти значения в различных ситуациях:

— ‘бить, колотить, ударить, побить’: *бить, дёргать, зыбать, колотить, лечкать, лецать, локчить, ломысать, лопнуть, лупить, молотить, пазгать, хлестать* и др.;

— ‘производить различные производственные процессы’: ‘молотить’ (*бить, колотить, зыбать*), ‘косить, жать’ (*бить, сечь, валить*), ‘изготавливать продукты питания’ (*колотить тесто, масло, шишки; бить, махать масло; катать булки; колотить капусту, рыбу*), ‘шить’ (*кропать, рубить, стегать*) и др.;

— ‘выстрелить’: *лобызнуть, лопнуть, полыснуть* и др.;

— ‘перемещать или перемещаться в пространстве’: *валить, дёрнуть, драпать, зыбать, ломануть, лупить, лупануть, метать, пазгать, переть, рвать, хлестать* и др.;

— ‘разделять на части, разъединять’: *бить, драть, зыбать, карзать, колотить, ломать, пазгать, рвать, резать* и др.;

— ‘разрушать, уничтожать’: *бить, валить, зыбать, карзать, ломать, разить, рвать, резать* и др.;

— ‘наказывать’: *бить, драть, драить, зыбать, карзать, колотить, лупить, пазгать, сечь, стегать, трясти, хлестать* и др.;

— ‘убивать’: *бить, кокать, колоть, колотить, резать* и др.;

— ‘работать, что-либо делать’: *валандаться, валить, гнуть, зыбать, корпаться, ломить, ломысать, лупить, махать, пазгать, резать, хлестать* и др.;

— ‘трясти, дрожать’: *бить, валандать, зыбать, колотить, трясти* и др.;

— ‘пачкать, грязнить’: *бадать, барабать, валандать* и др.;

— ‘украсть’: *спереть, стащить, упереть, утащить* и др.;

— ‘есть, пить’: *баздырить, зыбать, лечкать, лупить, молотить, молотить, пазгать* и др.;

- ‘смотреть, видеть’: *лунать, лунить, хлопать* и др.;
- ‘искать’: *шарить, стегать, сочить, пазгать* и др.;
- ‘понять’: *рассечь, раздолбать, разлупить, разрубить, расколоть* и др.;
- ‘беспокоить(ся), волновать(ся)’: *трястись, колотиться, дёргать(ся), зыбаться* и др.;
- ‘жить, существовать с большими трудностями’: *биться, зыбаться, колотиться* и др.;
- ‘издавать звуки, кричать, петь, говорить’: *бакать, долбить, дрыгать, зыбать; карзать, колотить, лецать, ломышать, ляпать, молоть, молотить, пазгать, резать, рубить, стучать* и др.;
- ‘издавать сильный, резкий запах’: *бить, переть, разить, резать, хлестать* и др.;
- ‘быстро расти’: *драть, пазгать, переть* и др.

Продуктивность семантического варьирования глаголов физического воздействия уже привлекала лингвистов [Арзуманова 1979; Красовская 2013; Яцкевич 1980; 2013]. Однако особенности ситуативной метонимии данных лексем специально не исследовались. Далее рассматриваются основные типы ситуативной метонимии указанного класса глаголов с учетом лексико-грамматических особенностей данной части речи.

1. Тематическая метонимическая модуляция

Причины семантической продуктивности глаголов физического воздействия объясняются их семантическим синкретизмом, который обнаруживается в их способности употребляться в различных ситуациях и при этом изменять свое лексическое значение в зависимости от темы высказывания. Это приводит к возникновению у них большого количества метонимических значений, причем состав их не ограничен, т. к. в новых ситуациях употребления глаголы физического воздействия могут приобретать новые значения. Вместе с тем типология этих значений имеет свои ограничения. Метонимическая модуляция значений данных глаголов осуществляется по нескольким тематическим мо-

делям, которые и будут рассмотрены ниже. При этом возникает необходимость учитывать лексико-грамматический характер актантов в обозначенных ситуациях и транзитивность — интранзитивность глаголов.

1.1. Транзитивные действия с переменными неодушевленными прямыми объектами

Рассмотрим развитие метонимических значений у глаголов, обозначающих различные производственные процессы, последовательно обозначив у них разные темы сообщения (и соответственно — объекты физического воздействия).

Глагол *бить* имеет продуктивную тематическую модуляцию исходного значения 'ударять, колотить': *коса*: 'отбивать молотком лезвие косы на наковальне' Костр.; *лён*: 'мять лен, приготавливая льняное волокно' Калуж.; 'молотить лен' *По хуторам лён саждали, ... летом били, ямы такие делали.* Брян.; *солома*: 'молотить солому, выбивая из нее оставшиеся зерна' Смол.; *шишки* 'сбивать при помощи специальных приспособлений (шишки с кедров)' *Это все пошли шишки бить.* Кемер., Томск. *Семьями бить шишки ходим в лес-то.* Ср. Урал. [СРНГ 2: 300–302].

Значение 'раздроблять, разбивать' у глагола *бить* также метонимически модулирует в различных тематических ситуациях: *земля*: 'делить землю на индивидуальные участки' *И доси не бьют землю. — Что? — Не разделяют, говорю, а пахать скоро.* Нижне-Дон.; *навоз*: 'разбрасывать навоз по полосе вилами перед пахотой' *Сегодня весь день навоз били.* Костр., Яросл., Влад., Тул.; *сено*: 'разбрасывать сено для просушки' *Позавтракаем да и копны бить пора.* Костр. [СРНГ 2: 300–302].

В различных производственных ситуациях также продуктивно развиваются метонимические варианты у глагола *бить* с общим значением 'изготавливать что-либо, делать особым образом': *мука*: 'сбивать мутовкой муку, замешивая тесто' Казан.; *печь*: 'делать глинобитную печь' *Бьют из глины печь, мало из кирпичей скидывают.* Кемер., Томск., Перм.; *проруби*: 'пешнями прорубать во льду проруби' *Бьём проруби да сети ставим.* Уральск.; *семя*

‘бить масло из семени льна, конопли’ *Поедем завтра бить семя. Наша очередь.* Ворон.; **сырец**: ‘формировать сырцовые кирпичи’ Тул. [СРНГ 2: 300–302].

Подобные тематические модели метонимической многозначности наблюдаются и у других глаголов физического воздействия. Например, основное значение глагола **драть** ‘отрывать, вырывать, соскребывать, отделять, срезать что-либо’ в СРНГ толкуется с учетом его метонимического варьирования в зависимости от объекта действия: **дуб**: ‘снимать ивовую кору’ Арх., Новосиб.; **лес**: ‘расчищать участок земли из-под леса для пашни’ *Лес драли. Потом землю пахали.* Твер.; **мох**: ‘рвать, собирать мох’ Арх., Перм., Волог., Костр., Калуж.; **ракушки**: ‘добывать ракушки, грести их при помощи ловушки (драги)’ Азов.; **яйца**: ‘забирать яйца из птичьих гнезд’ *Когда-то ж вместе драли яйца, а теперь он ученый.* Краснодар. [СРНГ 8: 174–175].

Глагол **драть** в значении ‘пахать целину’ имеет следующие объекты действия: **целина**: *Драть целину.* Твер.; **болото**: *Покуда болото драл, две сохи сломал.* Калуж., Перм.; **новина**: *Пахать лесную новину, росчисть.* Вост.; **залог**: *К Миколке отсеиваются с вешним. Потом дерут залог.* Иркут., Том., Кемер. [СРНГ 8: 174–175].

Глагол **ломать** в общем значении ‘срывать, отрывать’ также подвергается тематической модуляции в зависимости от меняющегося объекта действия: **веники** ‘срывать ветки берез для веников’ Пск., Твер., Новг., Ленингр., Яросл., КАССР; **грибы** ‘срывать, собирать грибы’ Пск., Твер., Новг., Арх., Костр., Вят., Перм. Этот глагол, как и другие глаголы физического воздействия, используется для обозначения различных производственных процессов: **лён**: ‘теребить лен’ Мар. АССР; **пни**: ‘корчевать’; **пашня, целина, новь**: ‘вспахивать, поднимать целину’; **хлеб, овес, просо** и т. п. ‘перепаживать поле с посевами яровых’ Ряз., Тамб., Костр. [СРНГ 17: 117].

Глагол **метать** с общим значением ‘бросать’ получает следующие значения в зависимости от меняющегося объекта действия: **деньги** ‘дарить деньги невесте перед свадьбой’ Пск.; **горшки** ‘ловко, быстро ставить в печь’ Смол.; **рыба** ‘ловить рыбу сетью’ *Ушли*

рыбу (сеть) метать на Купецкое. КАССР; артикул 'выполнять воинские упражнения' [СРНГ 18: 135]; одежда и ее части 'шить, подшивать' *Мечу боковые швы, надо бы примерить юбку* [КСГК].

1.2. Транзитивные действия с переменными одушевленными прямыми объектами

Глагол *метать* может обозначать действия, направленные как на различные неодушевленные, так и на различные одушевленные объекты. При этом изменяется глагольное значение. Ср.: *метать* 'бросать' *метать нож* и 'оставлять без присмотра, без попечения, бросать' *Они мечут коней на широком дворе, непривязанных, неприказанных*. Арх., Печора, Калуж.; *метать детей*, то есть подбрасывать, качать: 'нянчить' Вят. [СРНГ 18: 135].

1.3. Транзитивные действия с тематически переменными субъектами

У глаголов физического воздействия наблюдается метонимическая модуляция значений, когда обозначенные ими действия совершают различные субъекты.

Колоть: корова: 'бодать' *Лошадь бьёт, а корова колет*. Ставроп., Кубан., Краснодар., Горьк.; **насекомые:** 'жалить' *Ох как пчелы колёт крепко*. Том. [СРНГ 14: 189].

Полоскать: пламя 'сильно гореть, полыхать' *Пламя стало полоскать на крыше*. Смол.; **вода, вино** и др. **жидкость** 'сильно литься, хлестать' *Пробили чан, и вино полощет прямо на пол*. Том.; **ветер** 'сильно, с порывами дуть' *С полночи стал ветер полоскать*. Том.; **пароход** 'быстро идти (о пароходе)' Тобол. [СРНГ 29: 118].

Толкать: бык, телок: 'бодать' *Телок начал толкать [ребенка]*. Ряз.; **мошка, комары:** 'собираться в большом количестве и вить в воздухе' *Комары толкут — примета к ясной погоде*. Ярослав. [СРНГ 44: 186].

Тематическую модуляцию мы наблюдаем и у многих других глаголов физического воздействия: *колотить, лямать, ляснуть, молотить, молоть* и др.

2. Актантная метонимическая модуляция

Если в первом разделе была рассмотрена ситуативная метонимия глаголов в условиях меняющейся темы высказывания, то в данном разделе предполагается описать метонимические переходы в содержании глаголов в условиях одной и той же общей тематической ситуации. В этом случае актантная метонимическая модуляция значения глагола предполагает такой семантический синкретизм, при котором обозначенное глаголом действие может характеризовать разные актанты той же самой тематической ситуации. Возникает несколько вариантов подобной семантической подвижности значений у глаголов физического воздействия.

2.1. Транзитивное действие → интранзитивное рефлексивное действие

В различных контекстах употребления в смежных ситуациях у глаголов происходят следующие актантные преобразования: перех. [S' → O'] → неперех. [S'' = O'], т. е. объект первого действия становится субъектом второго действия. В говорах этот тип семантической модуляции широко распространен:

мякнуть (1) перех. 'ударить, стукнуть' *Сейчас вот, как мякну, так будешь знать, как драться.* В-У; (2) неперех. 'получить удар, ушиб' *Как каждый раз мякнешь головой о матицу, так и задумаешь переделать.* Верх. [СВГ 5: 15];

зыбать (1) перех. 'трясти, колебать, расшатывать' *Не зыбай доску-то, упадёшь.* Новг., Волог.; (2) неперех. 'качаться, раскачиваться' Новг., Волог.; (3) неперех. 'трястись, дрожать, сотрясаться' *Смотри, как зыбает пол-то — видно, перекладыны подгнили.* Костр., Яросл. [СРНГ 12: 28];

кокнуть (1) перех. 'ударить, стукнуть кого-, что-либо' *Не кокни горшок-от мутовкой. Потиише меси.* [КСДК]; (2) неперех. 'лопнуть, треснуть' *Стакан-от кокнул! Ишь вода потекла.* [КСДК]; *Барыня, эво, кокнул (горшок), лопнул!* Петерб. [СРНГ 14: 87];

лопать 'бить, колотить кого-, что-либо' *Яйца, стёкла, посуду лопают.* Волог., Перм., Яросл., Вят., Моск. и 'треснув, разламы-

ваться, разбиваться' *Другой раз они сами лопают, стаканы.* Арх., Новг., Пск., Тул., Том. [СРНГ 17: 136].

Как видно из приведенных примеров, метонимия здесь приводит к семантической актантной деривации, т. е. к образованию соотносительных значений у глаголов с перегруппировкой субъектно-объектной структуры высказывания: 'ударить' — 'получить удар, удариться', 'трясти' — 'колебаться, дрожать', 'бить, колотить' — 'разбиваться, разламываться'. В современном русском языке подобная актантная деривация обычно маркируется постфиксом *-ся/-сь* и является морфологически выраженной. Это характерно и для говоров, поэтому все рассмотренные глаголы в интранзитивных значениях имеют также и возвратные формы: *мякнуться*: неперех. 'получить удар, ушиб' *Голову-то закружало — я и мякнулась боком о печь.* [КСДК]; *зыбаться*: неперех. 'колебаться, дрожать' *Изба-то у них чёрнотрубка, половицццти зыбаются.* Баб., Кокш. *Под ногами земля зыбалась.* Сок. [СВГ 2: 215]; *лопаться*: неперех. 'разбиваться, разламываться' *Дорога ноне плохая. Бутылки-те, поди, лопаться будут от такой тряски.* [КСГК].

Таким образом, семантический синкретизм метонимического типа у слов *мякнуть*, *лопать*, *кокнуть*, *зыбать* и у других подобных глаголов является отражением более архаичного состояния славянской глагольной системы.

2.2. Транзитивное действие → интранзитивное действие с опущенным предполагаемым объектом

В устной речи часто появляются конструкции, в которых исходно переходный глагол становится непереходным в силу эллипсиса — пропуска предполагаемого объекта, что приводит к кумуляции содержания обозначаемой ситуации в глаголе и появлению у него интранзитивного значения. Ср.:

дёргать перех. *Рыба дёргает удочку* → *дёргать* неперех. 'клевать (о рыбе)' *Как забросишь (удочку), так и начинает дёргать.* Курск. *Вечером стало хорошо дёргать.* Тул. [СРНГ 8: 9];

резать перех. ‘отделять от целого чем-либо острым’ *Резать полотно.* → *резать* неперех. ‘покупать материю’ *Так-то уж не ткнут никто, избаловались, всё режут.* Ряз. [СРНГ 35: 31].

2.3. Транзитивное действие → интранзитивное интенсивное действие

Для глаголов физического воздействия в устной речи характерен такой тип метонимической модуляции, при которой они утрачивают исходную переходность и становятся непереходными, обозначая интенсивное действие, замкнутое в субъекте. Так, глаголы *бить*, *дёргать*, кроме многочисленных транзитивных значений метонимического характера, рассмотренных выше, имеют также и интранзитивные метонимические значения, обозначая интенсивное действие, замкнутое в субъекте: *бить* ‘проявляться с большой силой; бушевать, свирепствовать (о метели, морозе и т. д.)’ *Метель била.* Калуж., Арх. Саратов. [СРНГ 2: 300]; *дёрнуть* ‘сильно ударить’, ‘быстро побежать’, ‘сильно пойти в рост (о растениях)’ *Как дёрнула трава.* [СРНГ 8: 9]; *зыбать* ‘петь громко, во все горло’ [СРНГ 12: 28]; *ломать* ‘сильно дуть (о ветре)’ [СРНГ 17: 117]. У подобных глаголов, кроме актантной, наблюдается также концептуальная модуляция (см. раздел 4).

2.4. Субъектное действие → бессубъектное действие

Субъектная — бессубъектная метонимическая модуляция действия характерна для значений многих глаголов физического воздействия. Потенциально она возможна практически у всех глаголов данного номинативного класса. Например: глагол *ломать* в значении ‘разбивать ледяной покров на реке, озере’ употребляется в говорах не только в личном, но и в безличном значении: а) *С восточной стороны Буен ветер повеваёт, Волгу-матушку ломает.* б) *Ломает озеро.* [СРНГ 17: 117]. Подобная же семантическая модуляция наблюдается также у глаголов *полоскать* и *полыхать*: а) личн. ‘сильно гореть, полыхать’ *Пламя стало полоскать на крыше.* Смол., Курск.; *У, какое пламя полыхает!* Вят., Сиб.; б) безл. ‘охватывать что-либо пламенем, пожирать ог-

нем' Пск., Твер. *Начало полысать лес, страсть!* Вят. [СРНГ 29: 118, 178].

Чаще всего переход от субъектного действия к бессубъектно-му действию связан с изменением лексического значения глагола: **драть**: а) личн. 'отрывать, вырывать, отделять'; б) *дерёт, драло* безл. 'о рвоте' Влад., Урал. [СРНГ 8: 175]; **ботать**: а) неперех. 'делать движения из стороны в сторону или взад-вперед чем-либо, находящимся на весу' *Не ботай, не ботай ногами-то*. Верх.; б) перех., безл. 'колыхать, покачивать' *Ячень-то, погли-ка, как ботает на ветре*. Арх.; *Жали серпиком, тебя ботает, до чего доходим-се. Во все стороны ботает, цёлу упряжку жать*. Хар. [СВГ 1: 40].

3. Аспектуальная метонимическая модуляция

Семантическим синкретизмом характеризуются также дву-видовые глаголы, которые имеют мутационную парадигму вида [Яцкевич 1987; 1992; 2013] и способны употребляться в разных контекстах как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида.

У ряда производных глаголов несовершенного вида в определенных ситуациях встречается использование их в значении совершенного вида, что объясняется частичным сохранением у них архаичного состояния, когда грамматическая категория вида была еще не сформирована. Приведем ряд примеров:

разиться — несов. 'сражаться' *Будем биться и разиться, Супостата усмирять*. Смол. сов. 'броситься, кинуться на кого-либо с целью ударить, поразить' *Он разился на него с ножом. Порато хмельной пришёл*. Арх. [СРНГ 33: 348];

ломать — несовершенного вида, но встречается и употребление в значении совершенного вида: *Пошла сено давать: одну руку ломала, другую парализовало*. Ср. Урал. [СРНГ 17: 117];

колотить употребляется как глагол несовершенного вида в многочисленных значениях и только в одном зафиксированном контексте — как глагол совершенного вида: 'убить' *Потом вы невесту привезли, колотили. Стали жарить да есть*. Ленингр. [СРНГ 14: 180];

кокишить в большинстве значений фиксируется значение несовершенного вида, и только в значениях 'разбить' Ленингр. и 'прибить' Новг. — совершенный вид [СРНГ 14: 108].

У производных префиксальных глаголов, наоборот, обычным является употребление в значении совершенного вида и только в ограниченном контексте — в значении несовершенного вида. Так, следующие глаголы имеют мутационную парадигму вида:

опихать сов. 'очистить зерно от шелухи толчением' *Как овёс созрёт, его надо опихать.* Кир. и несов. 'очищать зерно от шелухи' *Я сама раньше зерно в ступе училась опихать.* Межд.; *опихать* несов. 'есть с аппетитом, уплетать' *Видишь, как она опихает, а тот ничего не жвачит.* [СВГ 8: 60] и сов. 'съесть с аппетитом' *Что ни дашь ему — всё опихает, да ещё и попросит добавки!* [КСГК];

откутать несов. 'открывать' *Сейчас говорят, что двери открывать и закрывать надо, а раньше откутать и закутать* [СВГ 8: 92] и сов. 'открыть' *Шкаф откутай скорей!* [СВГ 8: 92].

Следует отметить, что представленный выше аспектуальный синкретизм диалектных лексем — явление архаичное. Оно отражает прошлое состояние категории аспектуальности славянского глагола.

4. Концептуальная метонимическая модуляция

У глаголов физического воздействия аксиологическая оценка действия может изменяться в зависимости от его цели и конечного результата. Таким образом, изменяется концептуальная направленность значения глагола. Это возможно при наличии концептуальной смежности разных значений одного слова в концептосфере. На данное явление обратила внимание Анна А. Зализняк, описывая суть своей теории «семантических переходов» [Зализняк Анна 2013]. Данный тип метонимической модуляции мы описывали ранее на материале диалектных прилагательных [Яцкевич 2016б]. Различия концептуальной модуляции у глагола и прилагательного заключаются в следующем: если у прилагательных изменяется основание оценки признака, ими обозна-

ченного, то у глаголов изменяется оценка действия по его цели и конечному результату. Так, глаголы физического воздействия могут быть глаголами созидания и иметь нейтральную или положительную аксиологическую оценку (см. примеры выше п. 1.1., 2.3). Эти же глаголы могут обозначать деструктивные действия, приводящие в результате к повреждению, разрушению и даже к уничтожению объекта действия. Тогда у них появляется отрицательная оценка результата действия. Таким образом, при концептуальной метонимической модуляции у диалектных глаголов возможно развитие таких значений, которые занимают различные позиции на аксиологической шкале оценок. Для примера можно сравнить нейтральные лексические значения со значениями, имеющими фоновые семы отрицательной оценки, у глаголов *бить*, *валить*, *колотить*:

а) нейтральная оценка действия: *бить* 'ударять, колотить: **ко-са**: 'отбивать молотком лезвие косы на наковальне' Костр.; **лён**: 'мять лен, приготавливая льняное волокно' Калуж.; 'молотить лен' *По хуторам лён садили, ... летом били, ямы такие делали.* Брян.; **солома**: 'молотить солому, выбивая из нее оставшиеся зерна' Смол.; **шишки** 'сбивать при помощи специальных приспособлений (шишки с кедров)' *Это все пошли шишки бить.* Кемер., Томск. *Семьями бить шишки ходим в лес-то.* Ср. Урал. [СРНГ 2: 300–302]; *валить* 'расчищать и жечь лес под пашню' *Надо бы завтра валить идти.* Олон.; 'косить' *Топко валить-то.* Арх. [СРНГ 4: 27]; *колотить* 'бить, ударять', 'молотить', 'сбивать масло', 'замешивать тесто' [СРНГ 14: 180];

б) отрицательная оценка действия: *бить* 'разрушать, уничтожать': 'приводить в негодность, портить' *...скот нещадно бьёт хлеб...* Тул.; *Червь бьёт капусту.* [СРНГ 2: 300–302]; *валить* 'поражать какой-либо болезнью, губить во множестве' *Падеж валит скотину.* Вят. [СРНГ 4: 27]; *колотить* 'сплетничать, судачить' *Старые старухи! Ваше дело на улице ходить да про снох колотить.* Костром. [СРНГ 14: 180].

Выводы

Диалектные глаголы физического воздействия обладают семантическим синкретизмом, унаследованным от более древнего состояния славянской глагольной системы. Данное архаичное свойство указанных диалектных лексем способствует развитию у них ситуативной метонимии. По нашим наблюдениям над материалами диалектных словарей, различаются следующие типы глагольной метонимической многозначности: тематическая, актантная, аспектуальная и концептуальная модуляции значений.

Тематическая модуляция значений диалектных глаголов очень разнообразна и определяется экстралингвистическими факторами: изменением обозначаемой ситуации, сферы бытования глаголов, меняющейся темой высказывания. Однако эта модуляция происходит по определенным моделям, которые зависят от лексико-грамматического характера актантов в обозначенных ситуациях и транзитивности / интранзитивности действия.

Актантная метонимическая модуляция значения глагола предполагает такой семантический синкретизм, при котором обозначенное глаголом действие может характеризовать разные актанты той же самой тематической ситуации. В статье рассмотрено несколько вариантов подобной семантической подвижности значений у глаголов физического воздействия.

Аспектуальная метонимическая модуляция значений характерна для двувидовых глаголов. Их семантический синкретизм проявляется в способности употребляться в разных контекстах как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида.

Концептуальная метонимическая модуляция значений глаголов физического воздействия связана с изменением аксиологической оценки действия в зависимости от его цели и конечного результата — созидательного или разрушительного. Таким образом, изменяется концептуальная направленность значения глагола.

Выявленные типы глагольной метонимии в диалектных словарях представлены по-разному. Тематическая метонимическая модуляция значений глаголов в одних случаях описывается как разные лексические значения, а в других подается в иллюстративной части, где указаны типичные словосочетания с данной лексемой. Актантная и аспектуальная метонимические модуляции значений глаголов, как правило, отражаются в толковании лексических значений и в грамматических пометах, правда, иногда последовательно по разным причинам. Концептуальная метонимическая модуляция значений глаголов приводит к значительным изменениям их лексических значений, поэтому последовательно отражается в толкованиях значений. Фоновые семы отрицательной оценки, как правило, не указываются в толковании, за редкими исключениями.

Таким образом, исследование лексической типологии диалектного слова создает предпосылки для постановки новых научных проблем в сфере диалектной лексикографии.

Литература

Арзуманова Н. Г. Способы выражения экспрессии в контексте (на материале глаголов со значением «бить, ударять») в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1979. С. 63–69.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.

Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Об актуализации морфемной членимости слов в речи (употребление префиксальных глаголов в устной речи) // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 114–140.

Красовская Н. А. Глаголы с семантикой удара как смысловой центр лексико-семантического поля глаголов физического воздействия (на материале тульских говоров) // Жизнь языка. Жизнь в языке: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щедулина (Липецк, 13 марта 2013 года). Ч. 1. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2013. С. 143–149.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянских культур, 2013. 384 с.

Лопушанская С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград: ВГУ, 1998.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2003. 384 с.

Яцкевич Л. Г. О семантической продуктивности глаголов физического воздействия в просторечной и диалектной сферах // Рэгіянальныя традыцы і ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклору. Гомель, 1980. С. 29–30.

Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). Минск, 1987. 128 с.

Яцкевич Л. Г. Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 111–122.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда: ВГПУ, 2013.

Яцкевич Л. Г. Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем // Вестник Вологодского государственного университета. Серия гуманитарные, общественные и педагогические науки. 2016а. № 1. С. 91–97.

Яцкевич Л. Г. Типы ситуативной метонимии диалектных имен прилагательных // Севернорусские говоры. Вып. 15. СПб., 2016б. С. 157–169.

Яцкевич Л. Г., Колесова И. Е. Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных имен существительных в русских народных говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2016в. № 3. С. 65–74.

Сокращения

КСГК — Картотека словаря говора деревни Квасюнино (личный архив автора).

СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–40. М.: Наука, 1974–2016. (издание продолжается).

L. Yatskevich. Peculiarities of situational metonymy of dialect verbs

Author gives an overview of the main types of metonymic polysemy of dialect verbs on the base of the Dictionary of Russian Dialects and Vologda Dialect Dictionary. The peculiarities of this grammatical category of words and their content, which semantically modulates depending on the actants in different thematic and conceptual situations, are described. The coordinates of speech situations, which are much more flexible in a spoken language than in a written one, also influence contextual changes in the lexical and grammatical meanings of dialect verbs. The heterogeneity of the lexicographic description of situational metonymy of dialect verbs is also considered.

Keywords: dialect verb, spoken language, situational metonymy, thematic and conceptual schemes of semantic modulation.

ДИАЛЕКТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е. В. Колосько

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАТЕРИАЛАХ СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ*

Аннотация. В статье рассматривается лексика из архивных материалов, вошедшая в «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) как диалектная, зафиксированная на территории Санкт-Петербургской губернии. На примерах из СРНГ показывается тесная словообразовательная и семантическая связь петербургских диалектизмов с интердиалектной лексикой и диалектными словами, зафиксированными с середины XIX в. до начала XX в. на сопредельных Санкт-Петербургской губернии территориях. В статье также рассматриваются уникальные словоформы и значения, отмеченные на территории Санкт-Петербургской губернии.

Ключевые слова: диалектная лексикография, диалектная лексика, диалектное словообразование, семантика, Санкт-Петербургская губерния.

При работе над «Словарем русских народных говоров» использовались изданные к середине XX в. словари и фундаментальные работы по этнографии и лингвистике. Для выборки диалектных слов также привлекались многочисленные архивные ма-

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ («Сводная диалектная и региональная лексикография; теория и практика»), проект № 16-04-00150.

териалы, где сохранились записи историков, лингвистов, этнографов, писателей, ученых-естествоиспытателей и увлеченных изучением жизни российского народа любителей, членов Русского географического общества. Словарные и архивные данные послужили источником сведений по диалектной лексике, зафиксированной на территории Санкт-Петербургской губернии. К сожалению, не существует диалектного словаря этого региона, подобного словарям А. О. Подвысоцкого [Подвысоцкий 1885], Г. И. Куликовского [Куликовский 1898] или В. Н. Добровольского [Добровольский 1914]. Эти авторы описывали лексику наречий русского языка, имеющих яркие фонетические и лексические особенности. Столичные же регионы, такие как Московская и Петербургская губернии, являлись языковыми центрами, где, как считалось, доминирующие позиции занимала речь среднего образованного класса. Тем не менее, в словаре В. И. Даля (1863 г.) мы уже видим подробные географические пометы: Петерб., Птрб. — Петербургское, слово петербургское; Птрб. — Гдв. слово Гдовского уезда; Птрб. — Луж., Птрб. — Новолад., Птрб. — Шлисс., Птрб. — Ямб. Слова петербургского ареала фиксируют «Ботанический словарь Н. И. Анненкова» [Анненков 1878] и «Словарь наименований птиц России» М. А. Мензбира [Мензбир 1897]. Большое количество диалектных слов содержится в архивных материалах, хранящихся в Российской Академии наук и Русском географическом обществе.

Первое упоминание о лексике Петербургской губернии (именно Петербургской, а не Санкт-Петербургской) в рукописных архивных материалах датируется 1848 г. Это год начала реализации программы Российской Академии наук по сбору лексических данных в различных регионах России. Благодаря активной собирательской работе в уездах губернии был получен уникальный лингвистический материал. Исследователями были охвачены все уезды: Гдовский, Лужский, Новоладожский, Петергофский, Царскосельский, Шлиссельбургский и Ямбургский. В программе по собиранию сведений в Петербургской губернии участвовали: П. И. Срезневский (Царскосельск.), Н. В. Срезневская

(Луж., Ямб.), П. А. Иваницкая (Ямбург.), В. И. Чернышов (Петерб., Лужск., Гдов., Петергоф., Ямбург., Новолодож.), И. П. Корнилов (Ладож., Петерб.), С. К. Булич (Луж., Гдов.) и др. Кроме сведений по лексике, отражающей крестьянский быт и сельскохозяйственную работу, собирались сведения по фольклору и специальной ремесленной лексике. Таким образом, в СРНГ представлены диалектизмы различных тематических групп и относящиеся к различным стилям. По тематическому составу субстантивную диалектную лексику, собранную в Петербургских уездах, можно разделить на лексико-семантические группы: наименования людей, животных, птиц и растений, наименования реалий, связанных с крестьянским бытом и сельским хозяйством, наименования православных праздников и обрядов, наименования детских игр и молодежных развлечений.

Наименования птиц и растений в СРНГ сопровождаются латинскими названиями видов: *барабáнщик* ‘самец птицы *Lagopus Lagopus L.*, сем. фазанов; белая куропатка’ Петерб., Мензбир [СРНГ 2: 199]; *фйфшишка* ‘птица из семейства ржанок’ Петерб., 1895; *барáн* ‘гриб, растение *Sparassis rubra Fr.*, сем. гимениальных’ Петерб., Анненков [СРНГ 2: 105]; *урóчная* ‘растение *Carlina vulgaris L.*, сем. сложноцветных; колючник обыкновенный’ Петерб., Анненков [СРНГ 48: 13]; *блавáтка* ‘Растение *Centaurea cyanus L.*, сем. сложноцветных; василек синий’ Петерб., Даль [СРНГ 2: 304]. Без латыни представлены метафорические народные названия, такие, как *слепунки́* ‘ягоды морошки’ Петерб., 1905–1921. Петрогр. [СРНГ 38: 269].

В СРНГ представлены многочисленные наименования, связанные с бытом и ведением сельского хозяйства, с промыслами, которые были распространены во времена существования Санкт-Петербургской губернии. Например, *дóлгая* ‘род полотна с продольными полосами синего и белого цвета’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 8: 105], этим же словом в том же Лужском уезде называли рыболовный снаряд из березовых прутьев, обтянутых мочалом. Зафиксированы наименования характерных для петербургских уездов реалий крестьянского быта: *дранíна* ‘овсяная мука

с отрубями' Ладож. Петерб., Кедров, 1865 [СРНГ 8: 172]; *дўтник* 'пресная ржаная лепешка, облитая сверху раствором гороховой муки' Ладож. Петерб., 1865 [СРНГ 8: 274]; *загўмки* 'часть крестьянской усадьбы, где располагаются гумна, скотный двор и т. д.' Царск. Петерб., 1848–1850 [СРНГ 10: 37]; *середовік* 'средний по величине предмет из хозяйственной утвари' *Горшок середовик*. Ладож. Петерб., 1899 [СРНГ 37: 206]; *смонўлка* 'верхняя часть мялки' Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 39: 39]; *усвіст* 'кольцо из прутьев или веревки, надеваемой на весло и одновременно цепляемое за кочеток, колышек в борту лодки' Петерб., 1911 [СРНГ 48: 44]; *фўрстка* 'маленькое вышитое полотенце, в которое заворачивают образа' Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 49: 195]. Нередко в материалах по Петербургской губернии встречаются подробные авторские описания сельскохозяйственных орудий, понятий: *смыг* 'борона из елового бревна с сучьями' *Срубают ель и, не обрубая на ней главных ветвей, разрубают ствол на несколько частей и каждую часть пополам. Потом прутьями связывают вместе эти стволы так, чтобы ветви были обращены книзу, и борона готова*. Луж. Петерб., Срезневская, 1907 [СРНГ 39: 69]; *суковьё* 'хлеб, выращенный на подсеке' *В августе сеют по сукам рожь, которая родится замечательно хорошо по такой свежей почве. На следующий год сеют овес или жито. Все это время такая пашня называется суками, а хлеб с нее суковьем*. Луж. Петерб., Срезневский, 1850 [СРНГ 42: 206].

Материалы по говорам Петербургской губернии дают современным лингвистам и этнографам уникальные описания народных обрядов: *сухрѣст, сухрѣстки* 'перекресток' *Повсюду здесь существует обычай после чьей-нибудь смерти сжигать постель покойника на ближайшем от деревни сухресте*. Луж. Петерб., Срезневская, 1850; *Делают на сухрестках круг, припадут к земле, слушают* (при гадании). Гдов. Петерб., 1893 [СРНГ 43: 29]; *достойно* 'обряд обручения или рукобитья, совершаемый в доме невесты и оканчивающийся тем, что священник читает молитву «Достойно есть»'. Ладож. Петерб., Кедров, 1865 [СРНГ 8: 148]. О принятых в петербургских уездах правилах общественного поведения

говорят такие диалектизмы, как *жадѡбный* ‘приветливое слово, особенно употребительное при просьбе’ Петерб. Петерб., Захаров, Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 9: 59]; *утрѡвка* ‘жена брата; невестка’ *Если две невестки в доме, то одна другую называет утровкой.* Петергоф. Петерб., 1896. Ямб. Петерб. Гдов. Петрогр. [СРНГ 48: 209].

Петербургские данные содержат диалектные существительные, глаголы, прилагательные, наречия, междометия, частицы. Например, частица *жень* усиливает, подчеркивает, выделяет предшествующее слово: *Я жень тебе говорил.* Луж. Петерб., Срезневская [СРНГ 9: 129]; наречия *тáмоде* ‘там’ Петерб., 1848–1850 [СРНГ 43: 257] и *тáмпотко* ‘там’ Ямб. Петерб. Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 43: 261]; *Славочка Господи!* ‘возглас, выражающий удовлетворение по поводу какого-л. события, слава Богу’ Петергоф. Петерб., 1901–1905, ‘одно из любимых восклицаний у баб’ Луж. Петерб., Срезневская [СРНГ 38: 218].

Диалектная лексика Санкт-Петербургской губернии, помещенная в СРНГ, органично входит в состав единой лексической системы русских говоров. В словарных статьях, описывающих широкий ареал интердиалектных, граничащих с просторечными, слов, как правило, присутствует указание на петербургский регион. Например, в статьях на слова *домовина* ‘гроб’ [СРНГ 8: 119], *стрекава* ‘крапива’ [СРНГ 41: 307], *супрядка* ‘молодежная вечеринка, посиделки, где девушки прядут пряжу и развлекаются’ [СРНГ 42: 268], *фатѣра* ‘квартира’ [СРНГ 49: 73], *скать* ‘свивать, скручивать (нити, пряжи); сучить (шерсть)’ [СРНГ 37: 396] и др. среди большого перечня географических помет свое место в ареале северо-западных говоров занимает помета «Петербургское». Одно из важных достоинств петербургских материалов заключается в том, что многие диалектные слова были впервые зафиксированы в говорах Санкт-Петербургской губернии. Например, слово *спорынья* в значении ‘успех, удача в каком-л. деле’ впервые отмечено в Царскосельском уезде в 1848 г. [СРНГ 40: 236], и только потом во Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Симбирской и др. губерниях. К сожалению, составители СРНГ не

всегда могли точно определить дату фиксации и давали приблизительное время — середина XIX в. или отсылку к «Слов. карт. ИРЯЗ». Ряд слов впервые упомянут в академических словарях, в работах В. Бурнашева или в словаре В. И. Даля без указания места фиксации, и помета «Петерб.» является первой, иногда единственной, территориальной пометой. Например, в статье на слово *замолóтчик* в значении 'крестьянин, обрабатывающий на молотье у другого за то, что пользовался его ригой, или за долг' Бурнашев (без указ. места) и Новолад. Петерб., 1896 [СРНГ 16: 254]; *увíстнуть* 'свистом указать собаке зверя (на охоте)' Слов. Акад. 1847 и Петерб., 1911 [СРНГ 48: 44]; *беднítься* 'притворяться бедным' Слов. Акад. 1847 и Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 2: 175]; *сторожáтый* 'сторож' Даль (без указ. места). А далее приводится единственная цитата из Гильфердинга с пометой «Петерб.»: *Сажай в кажную тележку живой товар, По семи человек, по восьмому провожатому, По девятому да сторожатому* [СРНГ 41: 238].

Принадлежность петербургских говоров именно к севернорусским говорам подтверждается ареалами многих севернорусских диалектных слов. Так, гнездо диалектных слов с корнем *скамёл- / скамл-*: *скамéленка, скамéлечка, скамéлька, скамля́* отмечено в Новгородской, Олонецкой, Архангельской и Петербургской губерниях [СРНГ 37: 383–384]. Существительное *та́йбола* в переносном значении 'невежда' Ладож. Петерб., 1865 [СРНГ 43: 220] имеет в своем основании значение 'густой, дремучий, труднопроходимый лес', которое зафиксировано в севернорусских говорах: архангельских, новгородских, вологодских. Закономерно, что большое количество диалектных слов отмечены в Петербургской губернии, а также в Псковской, Новгородской, Вологодской и Тверской губерниях. Жители этих соседних губерний постоянно общались друг с другом, переезжали на новое место жительства, устраивались на работу, заключали брачные союзы. Диалектная лексика именно этих территорий имеет множество общих словарных гнезд, мотивационно связанных значений, производных слов: *сикотáва* 'крикливый, бранчливый человек' Ладож. Петерб., 1865 [СРНГ 37: 302] образовано от диалектного глагола

сикотáть ‘бранить, ругаться’ Пск., Осташк. Твер., 1855. Петерб. [СРНГ 37: 302]. Коррелируют между собой значения диалектизма *счась* ‘счастье, удача’ Пск., Осташк. Твер., 1855 и ‘участь, судьба’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 43: 86].

Отчетливо проявляются лексические связи лексики Санкт-петербургской губернии и со смоленскими говорами. Однокоренные слова из говоров, окружающих петербургские, дополняя друг друга, зачастую составляют целостное гнездо слов, распространенных только в этой диалектной микросистеме: *ухúтывать*, *несов.*; *ухúтать*, *сов.*; *перех.* 1. Одевать теплее кого-л. *Ухутай реббенка*. Пск., Смол., 1917. 2. Утеплять что-л., готовясь к зиме. *Надо к зиме хату ухутывать*. Пск., Смол., 1917; *ухúхать*, *сов.*, *перех.* Окутать. Луж. Петерб., 1871; *ухúхтать*, *сов.*, *перех.* Закутать, обернуть. Пореч. Смол., Добровольский, 1914 [СРНГ 48: 309].

Работа по сбору диалектных данных проводилась собирателями с большой тщательностью. Благодаря этому в петербургских материалах словаря представлены диалектизмы различных видов. Фонематические варианты диалектных слов, такие как *басары́га*, вариант слов *басалы́га* и *басамы́га*, имеющих два основных значения ‘суетливый, беспокойный человек’ и ‘шалун, озорник’. Существительное *басары́га* в Ладожском уезде имело также два значения ‘суетливый человек’ и ‘резвый мальчик’ Ладож. Петерб., 1865 [СРНГ 2: 128]. Словоформы, демонстрирующие процессы выпадения, вставки и замены звуков: *бэз* ‘бездна’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 2: 180]; *стрóгность* ‘строгость’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 42: 14]; *слукáться* ‘случаться, происходить’ Гдов. Петерб., Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 38: 312]; *стра́хно* ‘страшно’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 41: 291]. Словообразовательные диалектизмы: *ды́мко* ‘дымно’ Петерб., 1871 [СРНГ 8: 293]; *стя́мзить* ‘украсть что-л., стянуть’ Петерб., 1911 [СРНГ 42: 128]; *северелíнный* ‘северный’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 37: 101]. Отмечены и акцентологические варианты диалектных слов: *сызнóва* ‘снова, еще раз, вновь’ Петерб., 1910 [СРНГ 43: 128]. Некоторые петербургские слова демонстрируют уникальные модели словообразования: *экогда* и *эколи* ‘есть когда’ [СРНГ 8: 335]; *экому* ‘есть

кому' *Теперь мне негодя* (неблагоприятное время) *идти*, а *после будет екогда*. Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 8: 335]; *белоха* 'покойник' *Некоторые смельчаки окручаются* (одеваются) *белохами, т. е. покойниками*. Луж. Петерб., Срезневская [СРНГ 2: 225]. Помимо единичных лексем в СРНГ представлены и диалектные устойчивые словосочетания, например, такие как *неуборная беда* 'очень много (о большом урожае)' [СРНГ 2: 173], *невывлазная беда* 'очень грязно' [СРНГ 2: 173], *душа дрыгает* 'сердце бьется' [СРНГ 8: 221], отмеченные в Лужском уезде исследователем Н. В. Срезневской.

Интересно, что среди диалектных слов, зафиксированных в петербургских говорах, имеется большое количество уникальных, неизвестных другим говорам словоформ. Они не отмечены и словарями, представляющими подробное описание лексических подсистем соседних губерний: Псковской, Новгородской, Вологодской и др. Уникальные словообразовательные диалектизмы: *безмозгáтый* 'несообразительный' *Да и народ-то наш какой-то безмозгáтый*. Лодейноп. Петерб., 1895 [СРНГ 2: 193]; *блáжа* 'баловница' Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 2: 310]; *схлопотиться* 'поссориться, поругаться' Гдов. Петерб., Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 43: 61]; *схóдец* 'беглый раскольник' Петерб., 1892 [СРНГ 43: 66]. Собственно диалектная петербургская лексика с оригинальными основами: *твя́ние* 'о чавкающих, чмокающих звуках, производимых ногами при ходьбе по болоту' Петерб., 1871 [СРНГ 43: 332]; *ха́рыть* 'смеяться' Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 49: 346]. В СРНГ приводится целое оригинальное гнездо диалектных слов, их вариантов и производных форм, отмеченных в одном петербургском говоре: *стекля́га* и *стекля́ха* 'муравей', *стекля́жник* 'муравейник', 'муравей', *стекля́жье гнездо* и *стекля́шье гнездо* 'муравейник' Луж. Петерб., 1971 [СРНГ 41: 122–123]. Среди уникальных диалектных петербургских слов немало экспрессивов, свойственных живой разговорной речи: *закуро́пать* 'зашить плохо, кое-как' *Ну уж и закуропала, нечего сказать!* Петергоф. Петерб., Слов. Акад. 1901 [СРНГ 10: 180]; *ха́лизнуть* 'ударить кого-л.' *Как я его хализнул по морде*. Ямб. Петерб., 1937–1938 [СРНГ 49: 259].

Собиратели диалектной лексики по Санкт-Петербургской губернии не обладали методикой современных полевых диалектологических исследований. При описании словоформ они редко указывали словообразовательные связи и мотивационные отношения, зачастую мы имеем запись только слова и его значения без цитаты или пояснения. Поэтому часть диалектизмов, потерявших для современных носителей русского языка прозрачность внутренней формы, остается неясной по способу словообразования. Собираение сведений, вероятно, главным образом велось способом записывания живой разговорной речи. В таком случае неизбежна лакунарность, когда фиксируются только попавшиеся в речи информантов слова. В результате иногда словообразовательная и мотивационная основа некоторых слов нечетко просматривается, несмотря на определенность значений. Например: *ба́лчужный* ‘дерзкий, возмутительный’ Новолад. Петерб., 1865 [СРНГ 2: 88]; *смотоло́кий* ‘неумный, глупый’ Луж. Петерб., 1871 [СРНГ 39: 48]; *таи* ‘связка шкурок каракуля’ Петерб., 1905–1921 [СРНГ 43: 218]; *синтиньтёр* и *синьтиньтёр* ‘ткань турецкий атлас’ Ладож. Петерб., 1865 [СРНГ 37: 336] — отмеченное в СРНГ *синтетюревый* ‘из толстой шерсти, шерстяной’ Кабан. Бурят. АССР, 1967 [СРНГ 37: 336] близко по фонемному составу, но не проясняет петербургское слово.

В заключение необходимо уточнить, что в данной статье мало затронута тема развития значений диалектных слов. Основное внимание уделяется месту петербургских говоров в общей системе русских говоров, словообразовательным особенностям петербургских материалов. Результаты исследования диалектной лексики, представленной в СРНГ с пометой «Петербург.», показали, что диалектные данные всецело подтверждают принадлежность говоров Санкт-Петербургской губернии к северо-западным говорам. В то же время в СРНГ отмечены многие уникальные петербургские диалектные словоформы. Словообразовательные и мотивационные связи многих из них раскрываются благодаря родственным словам из соседних регионов, а также последующим фиксациям в Ленинградской области. Но некоторые из диалект-

ных слов утратили прозрачность внутренней формы, т. к. остались окказиональными, возможно, из-за недостаточной в свое время проработки диалектного материала и прерывистости (в силу исторических событий) традиции планомерных полевых исследований. Тем более ценными являются уникальные данные по Петербургской губернии, собранные в сводном «Словаре русских народных говоров». Необходимо отметить также, что многие петербургские словоформы относятся к зоне слияния лексики, широко распространенной во многих диалектах России, и просторечной лексики. Особого рассмотрения требует специальная профессиональная лексика ремесленников, рыбаков, заготовителей дров, извозчиков и других, обслуживающих большой город, людей. Особенно интересна бытовая, часто эмоционально насыщенная лексика мещанского и крестьянского слоя жителей Санкт-Петербурга. Обращает на себя внимание и представленная в СРНГ фольклорная лексика, зафиксированная на территории Санкт-Петербургской губернии. Эти темы требуют отдельного рассмотрения.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- Анненков — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I–II. СПб., 1843–1844.
- Даль — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка / Набрано и напечатано со второго издания 1880–1882 гг. Т. I–IV. М., 1956.
- Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Кедров — *Кедров Н.* Народный взгляд на уход за рогатым скотом в Новгородском крае. Этнографический очерк // Новгородск. сб. Вып. III. 1865. С. 1–32. (В тексте толкования местных слов).
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

- Мензбир — *Мензбир М. А.* Птицы России. М., 1897.
Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
Слов. карт. ИРЯЗ — словарная картотека Института русского языка АН.
СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

Сокращения географических названий

- Гдов. — Гдовский уезд Санкт-Петербургской губернии
Луж. — Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии
Новолодож. — Новолодожский уезд Санкт-Петербургской губернии
Осташков. — Осташковское
Петерб. — Петербургское
Петергоф. — Петергофский уезд Санкт-Петербургской губернии
Петрогр. — Петроградское
Пск. — Псковское
Смол. — Смоленское
Твер. — Тверское
Царскосельск. — Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии
Ямб. — Ямбургский уезд Санкт-Петербургской губернии

E. Kolosko. Dialect vocabulary of St. Petersburg Province in materials of the Dictionary of Russian folk dialects

The article discusses the vocabulary of archival material included in the Dictionary of Russian folk dialects as a dialect, recorded in St. Petersburg province. Examples from the Vocabulary shows a close word-formation and semantic relationship of the St. Petersburg dialect with interdialectal vocabulary and dialect words, recorded in the mid XIX century to early XX century St. Petersburg in the neighboring province areas. The article also discusses the unique St. Petersburg word forms and meanings.

Keywords: dialectal lexicography, dialectal vocabulary, dialectal word-formation, semantics.

ОТРЫВОК РУССКО-ГОЛЛАНДСКОГО СЛОВАРЯ XVII ВЕКА ИЗ ПСКОВА

Аннотация. Отрывок русско-голландского словаря на буквы Б–Е помещен в энциклопедической рукописи XVII века, РНБ, Соловецкое собр., № 924/1034. В статье дается характеристика данного словаря, а также приводятся параллели к словарным статьям по другим словарным источникам XVII – начала XVIII вв.

Ключевые слова: историческая лексикография, историческая лексикология, словарь-разговорник, русские народные говоры.

Пособия и словари для изучения русского языка иностранцами в XVI–XVII вв. в последнее время не раз привлекали к себе внимание исследователей. Считается, что их составляли иностранцы, в основном купцы и путешественники, прибывающие в Россию, а также русские, которые с ними общались¹.

В настоящее время в истории русской средневековой лексикографии известно несколько памятников, созданных в жанре словаря-разговорника. Разговорник определяется как «пособие для изучения иностранного языка, содержащее образцы бесед на разные обиходные темы» [БАС 22: 268]. Список таких памятников приводится в некоторых работах по исторической лексикографии [Мжельская 2010: 100–101; Fałowski 2012: 96; Чернышева 2014: 157–159].

Приведем этот список в порядке хронологии памятников:

1. Речь тонкословия греческого, русско-греческий разговорник XV–XVI вв. [Vasmer 1922];
2. Словари «Се грецкой язык» и «Се татрский язык» и «Толкования языка половецкого» в рукописях XV–XVI вв. [Ковтун 1963: 321–326, 384–385, 395–397];
3. Русско-немецкий словарь-словник Томаса Шрове, XVI в. [Einn Russisch Buch 1992–1997];

---

¹ Различный фактологический материал о пребывании иностранцев (и в частности голландцев) в России в XVI–XVII вв. и об изучении ими русского языка представлен в разнообразных работах. См.: [Кордт 1902; Савич 1978; Пушкирев 2004; Нидерланды 2003; Голландцы 2004; Велувенкамп 2006; Опарина 2007].

4. Анонимный русско-немецкий разговорник, XVI в. [Ein Rusch Boeck 1994];

5. Русско-английский и англо-русский словари Марка Ридлея, конец XVI в. [A Dictionaire of the Vulgar Russe Tongue 1987];

6. Парижский словарь московитов, 1586 г. [Парижский словарь московитов 2002];

7. Нидерландско-русский и англо-русский разговорники, XVII в. [Алексеев 1968: 107–114];

8. Нижненемецко-русский словарь и разговорник Тенниса Фенне, 1607 г. [Tönnies Fenne's 1961–1986];

9. Англо-русский словарь Ричарда Джеймса, 1619 г. [Ларин 1959];

10. Немецко-русский разговорник Генриха Невенбурга, 1629 г. [Günther 1999];

11. Копенгагенский разговорник, XVII в. [Sørensen 1962];

12. Нижненемецко-русский разговорник Йоханнеса фон Хеймера, 1696 г. [Günther 1963, Günther 2002];

13. Тронхеймский русско-немецкий разговорник, конец XVII в. [The Trondheim russian-german MS vocabulary 1972];

14. Отрывок немецко-русского словаря, XVII в. [A German-Russian Vocabulary Fragment 1974];

15. Венский немецко-русский словарь, XVII–XVIII вв. [Teutscher und Reussischer Dictionarium 1984].

К жанру разговорников также можно добавить:

16. Русско-карельский словарь, XVII в. [Мещерский 1961; Муллонен, Панченко 2013];

17. Неизданный русско-шведский разговорник Никифора Кошкина, втор. пол. XVII в. [СККДР: 464].

18. Русско-скандинавский разговорник середины XVIII в. [Алимова 1976].

Также к этому списку можно отнести различные учебные пособия (лексиконы, грамматики) и записи иностранцев, побывавших в России.

19. Разговорник на русском, латинском и немецком языках в грамматике Лудольфа, 1696 г. [Лудольф 1937];

20. Записки о Московии Сигизмунда Герберштейна [Rerum Moscoviticarum 1556];

21. Записи русских слов в описании путешествия Адама Олеария [Olearius 1656];

22. Записи русских слов в описании путешествия Иогана Арнольда Бранда в Москву, 1673 г. [Günther 1965].

Нам удалось обнаружить еще один небольшой памятник, относящийся к указанному жанру. Он помещен в энциклопедическом сборнике, находящемся в собрании библиотеки Соловецкого монастыря. Шифр рукописи — РНБ, Соловецкое собр., № 924/1034. В научной литературе сборник упоминался в связи с другой рукописью — энциклопедическим сборником новгородского митрополита Исидора (РНБ, Соловецкое собр., № 860/970) [Крушельницкая 2006]. Сборник Исидора стал протографом для сборников РНБ, Сол. 924/1034 и РНБ, ОСПК, Q.XVII.305.

Обратимся к первой из указанных рукописей. Е. В. Крушельницкая указала, что Сол. 924/1034 сохраняет структуру протографа и нумерацию глав, а также имеет добавочные статьи в середине и в конце [Крушельницкая 2006: 391].

Приведем уточненное описание: сборник в 8-ку, 584 л.+(чистый лист после л. 175, три чистых листа после л. 222, чистый лист после л. 525) (используем нумерацию карандашом в середине нижнего поля), мелкая скоропись. Переплет — доски в коже с тиснением и двумя застежками, обрез «впразелень». На внутренней стороне верхней крышки переплета имеются наклейки библиотеки Соловецкого монастыря. Филиграни основной части рукописи: двуручный кувшинчик, типа № 819 (1629 г.) или № 489 (1631 г.), № 490 (1630, 1631, 1636–37 гг) по альбому филиграней XVII века [Дианова, Костюхина 1980]. Филигрань бумаги во вставленной части — рог изобилия на щите под короной, внизу буквы NCH, наиболее близка к № 1347 (1585, 1605–06, 1606 гг.) по альбому Брике [Briquet 1907]. Размер бумаги 152 мм x 98 мм.

Имеются несколько нумераций тетрадей:

л. 1–5. Оглавление. Без нумерации.

л. 6–85. а–і тетради.

л. 86–154. Вставка. Без нумерации.

- л. 155–175+три чистых листа. ai–gi тетради.
- л. 176–222+чистый лист. a–s тетради.
- л. 223–525+чистый лист. a–le тетради.
- л. 526–582. a–z тетради.
- л. 583–584. Чистые.

Сборник имеет два комплекса дополнительных статей по отношению к Сол. 860/970. Первый комплекс статей имеется на листах 86–154, не имеет нумерации тетрадей. В оглавлении, которое совпадает с Сол. 860/970, эти статьи не указаны. Эти тетради вставлены в середину статьи с названиями месяцев. Таким образом, статья с названиями месяцев начинается на л. 85об., а продолжается на л. 155. Другая часть добавочных статей помещена в конце сборника на л. 491–582. Статьи на л. 491–525об. написаны таким же почерком, что и предыдущие, имеют такую же нумерацию тетрадей, ту же филигрань бумаги. Статьи на л. 526–582 имеют собственную нумерацию тетрадей (всего 3 тетрадей), написаны на такой же бумаге, почерк в целом сходен с предыдущим почерком. Почерк рукописи небрежный, написание многих скорописных букв, например «ъ» и «ь», «а» и «е», «о» и «ь», «в» и «д», часто смешивается.

В первой вставке идут статьи, посвященные различным вопросам грамматики, переписки книг, составления красок, изображений на иконах, а также приведен отрывок словаря. Вероятно, переписчик был не только книжником, но и имел отношение к иконописному ремеслу и оформлению книг. В добавочных статьях в конце представлены тексты Иосифа Волоцкого (л. 491–525об.) и житийные тексты (л. 526–582).

Листы 150–154об. в первой вставке занимает словарь, написанный тем же скорописным почерком, что и предыдущие статьи. Словарь не имеет заглавия и начинается статьями на букву Б, обрываются статьи на букве Е. Словарные статьи даны в два столбца в алфавитном порядке с учетом только первой буквы русского слова. Слева приводится русское слово, справа — написанное кириллицей голландское слово. Подача словарного материала в два столбца, когда каждая словарная статья располагается на отдельной строке, была в целом нехарактерна для сло-

варной традиции азбуковников и предшествующих им словарных работ (хотя есть исключения, см., например, список Первого азбуковника, РНБ, собр. Погодина № 1340, список «Речей жидовского языка», РНБ, собр. Погодина № 1655), и наоборот, характерна для поздних лексиконов конца XVII–XVIII в. В некоторых местах в середине страницы можно видеть букву, на которую начинаются русские слова: Б (л. 150, 150об.), В (л. 151об., 152), Г (л. 152об.), Д (л. 153об., 154об.), Е (л. 154об.). Буквы эти отмечают не только начало соответствующего раздела, но и встречаются внутри раздела в середине листа. Подобное расположение указывает на то, что данный список является копией с другого, где такие буквы должны были стоять вверху листа, выполняя функцию колонтитулов. Можно отметить также группировки словарных статей (напр.: 3. *борода голая*; 4. *борода с волобсемъ*; 5. *брюхо*; 6. *берцо*; 72. *верше^е чернои*; 73. *верше^е черчатои*; 74. *вершекъ силе^и*; 75. *вершекъ бълои*; 76. *вашь вершекъ*; 145. *даи*; 146. *даи емъ*; 147. *даи мнъ*; 148. *даи пит*; 149. *даи мнъ гьсть*; 150. *даи емъ пити*; 151. *даи []*; 152. *даи бга ради*).

Всего в словаре 176 словарных статей, на букву Б (50 статей), В (49 статей), Г (38 статей), Д (37 статей), Е (2 статьи). Фразовая часть представлена формами:

Прил. + сущ. 3. *борода голая*; 33. *блюдо словя^иное*; 43. *богато^и члкъ*; 45. *богата же^ищина*; 72. *верше^е чернои*; 73. *верше^е черчатои*; 74. *вершекъ силе^и*; 75. *вершекъ бълои*; 82. *варь смолянои*; 120. *гвоздие желъное*; 134. *говажъя кожа*.

Сущ. + предл. + сущ. 4. *борода с волобсемъ*.

Глаг. + зависимые слова. 34. *бъди здравъ*; 35. *бью челомъ*; 50. *бити челом*; 54. *вонъ поди*; 92. *вылижи в судне*; 124. *гдъ ты родилса*; 126. *гулят вамъ*; 146. *даи емъ*; 147. *даи мнъ*; 148. *даи пит*; 149. *даи мнъ гьсть*; 150. *даи емъ пити*; 151. *даи []*; 152. *даи бга ради*.

Идиомы. 29. *богыня помѣ^и*; 112. *горазно та^и*; 113. *гсдъ цръ*; 115. *годе та^и*; 154. *добро ино*; 160. *добра ночь*; 161. *добрыи день*.

Притяжательное местоим. + сущ., которые, возможно, являются, частью незаконченной фразы. 60. *вамъ двѣа*; 76. *вашь вершекъ*.

В словарной части выделяются парные статьи (различные глагольные формы, ед. и мн. ч. существительных).

В словаре имеются следы правки, которую, вероятно, переписчик сделал сразу, чтобы подправить написания некоторых букв. См. статьи: 60. *вамъ двѣа*; 93. *воистиннѣ*; 127. *гѣляли*; 139. *дѣбѣ*; 145. *даи*; 153. *дом'ра*.

Из-за того что переписчик неровно располагал слова в строке, в некоторых местах получились пропуски и неверное соответствие русских и голландских слов (см. статьи 62–66, 125–136, 147–157). Также в словаре есть несколько статей, к которым не удалось подобрать соответствующих голландских слов. Возможно, это также объясняется пропусками и неверными соответствиями слов в статьях (57. *вино дарѣ*; 68. *вѣкша, гаурѣанѣ*; 120. *горкица, говста^д*, (возможно это голл. hoofdstad «столица»); 121. *блуд голово*; 158. *даенѣ е^дде*). В словаре присутствуют написания в голландской части, которые следует признать ошибочными. Косвенно это может указывать на то, что переписчик не знал голландского языка. См. статьи: 6. *берцо, .бене* — должно быть *been*; 19. *братѣ гroudерѣ* — должно быть *broeder*; 35. *бью челомѣ, икѣ берѣ ю* — должно быть *ick bed u*; 75. *вашѣ вершекѣ, ю кедѣ* — должно быть *u keer*; 85. *востритѣ, слипне* — должно быть *slijpen*.

Уменьшительные формы существительных с помощью суффикса *-ken* указывают на южно-нидерландское происхождение форм [Миронов 1977: 139].

14. бѣлка,	ѣ ^н коре ^н кенѣ	(eenkorenken)
23. бочюрка	тоныкенѣ	(tonneken)
91. воришко,	бѣ ^н кенѣ,	(boefken)

Малое количество словарного материала в русской части не дает основания точно определить место происхождения словаря. Однако, основываясь на статье 159. *даенѣ*, можно предположить, что словарь был составлен на территории распространения псковских говоров. По данным Словаря русских народных говоров, слово «даенѣ» встречается только в псковских говорах (Даенѣ, нареч. То же, что даве. Даенѣ солнышко постоянно да и спряталось. Новорж. Пск., 1957. [СРНГ 7: 262]). В Псков-

ском областном слове имеется статья «Давене», где приводится форма «даень» (ДАВЕНЕ и ДАВЕНЬ, нареч. То же, что давеча. ... даень: Аш., Кр., Оп., Печ., Порх., Пушк., Сер., Слан. [ПОС 8: 111]).

В словаре представлены тематические группы лексики, характерные и для других словарей-разговорников, указанных выше². Это неживая природа (51. *вода, воторь*; 100. *громъ до^н-дерь*; 137. *дождь, рягинь*); растения и деревья (2. *береса, .берканъ бом*; 107. *горохъ, уртенъ*; 138. *дъбъ, аикѣ^н бомъ*; 139. *древо бомъ*); животные, насекомые (11. *боранъ, сханъ*; 14. *бълка, е^нкорѣ^нкенъ*; 25. *бобрь, беверь*; 66. *волкъ, воловь*; 67. *выдра, ѡтерь*; 68. *въкша, гаурянь*; 79. *вошь, люжь*; 80. *вишы, люжень*); физические характеристики человека (3. *борода голая, .ки^нитъ*; 4. *борода с волобемъ, .бартъ*; 5. *брюхо, .боикъ*; 6. *берцо, .бене*; 52. *волосы, гаренъ*; 53. *возгри, бе снотелъ*; 65. *волось гар*; 101. *голова, гоѡтъ*; 102. *горло, кяль*; 103. *гъбы, люпенъ*; 104. *голосъ, йстямъ*; 105. *гъсно, няришъ*; 106. *говно, стронтъ*; 110. *гръди, быртель*), родственные связи (19. *братъ гроудерь*; 22. *батка, вадерь*; 76. *выбладокъ, гъре^нкинъ*; 172. *до^ч дъхтъ*); возраст (9. *баба, аут ѡръ*; 141. *дъвица магетъ*; 142. *дъвочка, меихенъ*; 143. *дътина, юнгъ*), профессии и социальные отношения (37. *бочечникъ кюперъ*; 89. *воръ, бъѡ*; 90. *воришко, бъ^н-кенъ*; 115. *гость, копъманъ*; 173. *дръгъ вринитъ*), товары для продажи (2. *береса, .берканъ бом*; 7. *бъмага, .папер*; 8. *бархатъ, .фровель*; 10. *бастръ, .бастертъ*; 27. *бълавка, спилъ*; 28. *булавки, спѣ^нденъ*; 66. [верёвки] *корденъ*; 72. *верше^н черной свар кепъ*; 73. *верше^н черчатой, ро кепъ*; 74. *вершекъ силе^н, блау кепъ*; 75. *вершекъ бъллои, витъ кепъ*; 76. *вашь вершекъ, ю кедъ*; 119. *гвоздие желъзное спиръкенъ*; 133. *говажья кожа, ѡс велъ*),

² О группах лексики в разговорниках см. замечание М. П. Алексева: «В известных нам русско-иноязычных словарях и разговорниках XVI–XVII вв., составившихся иностранцами для изучения русского языка, принят был более или менее традиционный порядок расположения этих смысловых групп: сначала перечислялись слова, относящиеся к религии, затем — к временам года, духовным и светским властям, родству, общественному положению, термины мер и весов, обозначения произведений природы, слова, относящиеся к домостроительству, письму, одежде, оружию, музыкальным инструментам, денежной системе и т. д.» [Алексеев 1968: 90–91].

время и дни недели (84. *вечерь, авонтъ*; 86. *воскрѣсеньѣ, со^ндахъ*; 127. *год, арь*; 161. *день, дахъ*).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Исследуемый словарь представляет собой отрывок, возможно, краткий, русско-голландского словаря-разговорника, который был составлен русским в начале XVII в., возможно, во Пскове. Этот вывод основывается на том, что иностранцу не нужно было писать голландские слова транскрипцией. Датировка словаря основывается на филигранях бумаги вставной части сборника.

В публикации представлен текст словаря с указанием в скобках слов голландского языка, которые отражены в русской транскрипции. Такое указание можно считать достаточно условным, т. к. орфографическая норма еще не была закреплена в XVII в. для голландского языка³. Также представлены фотографии л. 151–155 рукописи РНБ, Соловецкое собр., № 924/1034.

л. 150

Б		
1. Бо ^г	го ^г	(godt)
2. береса,	.берканъ бо ^м	(berkanbom)
3. борода голая,	.ки ^н тъ,	(kint)
4. борода с воло ^б емъ,	.бартъ,	(baard)
5. брюхо,	.бойкъ,	(buik)
6. берцо,	.бене	(been)
7. бѣмага,	.паперъ,	(papier)
8. бархатъ,	.фровель,	(fluweel)
9. баба,	ау ^г ѳрѣ,	(oud frou, vrouw)
10. бастръ,	.бастеръ,	(basterd)
11. боранъ,	схапъ,	(schaap)
12. бываль,	гевестъ	(geweest)
л. 150об.		
13. боле,	меръ,	(meer)
14. бѣлка,	ѣ ^н коре ^н кенъ	(eenkorenken)
15. болше,	гротеръ,	(grooter)
16. бревна,	гауть,	(hout)
17. борже,	гасть,	(haast)
18. <u>было.</u>	гевестъ,	(geweest)

³ Благодарю С. В. Иванова за ценные замечания о материалах словаря.

19. братъ	гроудеръ,	(broeder)
20. баня,	ба ^т стовъ,	(badstof)
21. бочка,	тонъ	(ton)
22. батка,	вадеръ,	(vader)
23. бочюрка	тоныкенъ	(tonneken)
Б		
24. батогъ,	стогъ,	(stok)
25. бобръ,	беверь,	(bever)
26. бѣло,	вить,	(wit)
27. бзлавка,	спиль,	(speld)
28. булавки,	спе ^д енъ,	(spelden)
29. богия помо ^у ,	го ^л верде ^р ю	(god verder u)
30. биль	гесланъ	(geslaan)
л. 151		
31. блюдо,	схю ^б тель,	(schotel)
32. бити,	слагенъ,	(slagen)
33. блюдо оловя ^н ное; потель,	потель,	(potel)
34. бзди здравъ,	го ^т сяге ^н ю,	(god segen u, gesondtheijt u)
35. бью челомъ,	икъ беръ ю,	(ick bed u)
36. бздетъ,	ворденъ,	(zal worden)
37. бочечникъ	кюперъ,	(kuiper)
38. брзсъ,	слипстенъ,	(sleepsteen?)
39. богатырь,	стя ^р кс [?] ма ^н ,	(sterks man?)
40. бежать,	лопень,	(loopen)
41. богатъ,	рижь,	(ryk, rijk)
42. бежи,	лопъ,	(loop)
43. богато ^т члкъ,	рикъ манъ	(rijk man)
44. беи,	слегъ,	(slag)
45. богата же ^н щина	рикъ фора,	(rijke vrouw)
46. бересто,	беркенъ,	(berken)
47. болень	кранкъ	(krank)
48. бросить,	варпячи,	(warp?)
л. 151об.		
49. броси	варпъ,	(warp)
50. бити чело ^м ,	биденъ,	(bidden)

	Б,	
51. вода,	вотерь,	(water)
52. волосы,	гарень,	(haren)
53. во ³ гри,	бе снотель,	(be snottel?)
54. вонь поди,	де ^p ши ^t га ^h ,	(der uit gaan)
55. вопити,	рѣпенъ,	(roepen)
56. вопи,	рѣпъ,	(roep)
57. вино	даръ,	
58. во ³ ми,	немтъ,	(nemt?)
59. вась,	ваи,	(u)
60. вамъ двѣца,	ю ^t маге ^h ?	(ut maagd)
61. выни,	немтъ ѡи ^t	(nemt uit)
62. вышеи,		
63. вылей	гитъ ши ^t ,	(giet uit)
64. влей	ги ^t инъ,	(giet in)
65. волосъ	га ^p ,	(haar)
66. [верёвки]	корденъ	(koorden)
л. 152		
67. волкъ,	волооъ,	(wolf)
68. выдра,	ѡтеръ	(otter)
69. вѣкша,	гау ^p оянъ,	
70. воскъ,	васкъ	(wasch, wask)
	В	
71. во ³ мъ,	и ^k са ^t нюме ^h ,	(ick zal nemen)
72. верше ^k черной	сва ^p кепъ,	(swart keep)
73. верше ^k черчатои,	ро кепъ.	(roodt keep)
74. вершекъ силе ^h ,	блау кепъ,	(blauw keep)
75. вершекъ бѣлои,	вить кепъ,	(wit keep)
76. вашъ вершекъ,	ю кедъ,	(u keep)
77. выбладокъ,	гѣре ^h кинть,	(hoerenkind)
78. вылижи,	ликъ ши ^t ,	(lik uit)
79. все,	о ⁿ тималь,	(allemaal)
80. вошь,	люжь,	(luijs)
81. вшы,	люженъ,	(luizen)
82. варъ смоляной,	не ^h пекъ	(pek)
83. всякаго,	ва ^h алшь	(van alles)

84. вчерась, л. 152об.	гестеренъ,	(gisteren)
85. вечеръ,	авонтъ,	(avond)
86. востритъ,	сли ^и пе,	(slijpen)
87. воскр ^с еньѣ,	со ^и дахъ,	(sondagh)
88. вари ^т ,	кокөнъ,	(koken)
89. воняеть,	стинкинъ,	(stinken)
90. воръ,	бѣ ^о	(boef)
91. воришко,	бѣ ^о кенъ,	(boefken)
92. вылижи в су ^л не,	ликъ ме и ^и ня ^р шъ	(lik mij in naers)
93. воистиннѣ,	секеръ	(seker)
94. вѣ ^н никъ,	бесемъ	(bezem)
95. вески,	вехтъ,	(weight?)
96. вести,	вегенъ,	(wegen)
97. всеѣ,	а ^т гаръ,	(al haar)
98. вида ^т ,	гезахтъ,	(gezacht)
99. вѣ ^с тъ,	теинъ, Г,	(tjding)
100. господъ,	гѣ ^р ръ	(heer)
101. громъ л. 153	до ^и деръ,	(donder)
102. голова,	гоѣтъ,	(hoofd)
103. горло,	кяль,	(keel)
104. гѣ ^б ы,	люпенъ,	(lippen)
105. голосъ,	йстямъ,	(stem)
106. гѣ ^с но,	ня ^р шъ,	(naers)
107. говно,	стронтъ,	(stront)
108. горохъ,	уртенъ,	(erwten)
109. горшекъ,	по ^т	(pot)
110. горяче,	гѣ ^р ръ,	(heet, zeer warm)
111. грѣ ^д и,	быртель,	(borsten)
112. гора ³ но та ^к ,	ти весл [?] so	(hij wel so)
113. гѣ ^с дъ цѣ ^р ь	ге ^р кеися ^р ,	(heer keizer)
114. голѣ ^б о,	дювъ,	(duiv)
115. годе та ^к	ик вил нет so	(ick wil net so)
116. гость,	копъманъ,	(koopman)

117. годе,	ик ви ^л не ^т ,	(ick wil net)
118. гости,	копъволоксъ	(koopvolks)
119. горо ^л ,	стать,	(stad, stadt)
л. 153об.		

Г

120. гво ³ дие желѣсноє спи ^р кень		(spijken)
121. горкица,	говста ^л ,	(hoofdstad «столица»)
122. блу ^л голово,		
123. гдѣ	варь,	(waar)
124. гдѣ ты родилсѧ	вар ге геборен,	(waar je geboren)
125. грѣхъ,	сон'тъ,	(zonde)
126. гуля ^т вамъ	ва ^л деланъ	(wandelen)
127. гѣляли,	ва ^л дел.нъ,	(wandelen)
128. го ^л ,	арь,	(jaar)
129. горить,	брантъ,	(brand)
130. горѣти,	бранденъ	(branden)
131. говоритъ,	сприкень,	(spreken)
132. говори,	спри ^к тъ,	(sprekt)
133. говорилъ,	гесприкень,	(gespreeken)
134. говажѧ кожа,	о ^с вель,	(oss vel)
135. [грести]	рѣенъ,	(roejen)
136. греби.	руить	(roejt)
137. глава,	кѣшите ^л ,	(kapitel)

Д

138. Дож ^л ,	рягинъ	(regen)
139. дѣбъ,	аике ^н ъ бомъ	(eiken boom)
л. 154		
140. древо	бомъ,	(boom)
141. дрова,	гоуть,	(hout)
142. дѣвица	магетъ,	(maghet)
143. дѣвочка,	меихенъ,	(meijsien)
144. дѣтина,	юнгѣ,	(jongen)
145. даи	геѣтъ,	(geeft)
146. даи емѣ	геѣтъ гемъ	(geeft hem)
147. даи мнѣ,	геѣтъ ми	(geeft me)

148. даи пи ^т	геѡтъ дри ^и ки ^и ,	(geeft drinken)
149. даи мнѣ ѣсть,	геѡтъ ми етенъ	(geeft me eten)
150. даи емѹ пити	геѡтъ гем дринкен	(geeft hem drinken)
151. даи []	геѡтъ брюенъ,	(geeft ?)
152. даи бга ради	геѡтъ го ^л виль,	(geeft god wil)
153. дом'ра	лутенъ,	(luten)
154. добро ино,	гѣ ^т велъ,	(goet, wel)
155. дорого,	диръ,	(duir)
156. дати,	гевенъ,	(geven)
157. денги,	гелтъ,	(gelt)
158.	гелтъ,	(gelt)
л. 154об.		

Д

159. даенъ	е ^и де,	
160. добра ночь,	гоуде ^и на ^х тъ	(goedenacht)
161. добрыи день,	гѣден да ^х	(goedendag)
162. день,	дахъ,	(dag)
163. дымъ,	рокъ,	(rook)
164. думать,	денкенъ	(denken)
165. далече,	вартъ,	(vard)
166. дале,	вардеръ,	(varder)
167. дѣти	бласенъ,	(blazen)
168. дѣи,	блазь,	(blase?)
169. дѣрно,	кватъ,	(kwaad)
170. дѣракъ,	стоутъ,	(stout)
171. дѣрить,	стоутенъ	(stouten)
172. доска	бярдь,	(bord?)
173. до ^ч	дѣхтъ	(dochter?)
174. дрѣгъ	вринить,	(vrind)

Е

175. естъ	истъ	(is)
176. емѹ	гемъ	(hem)

||

Комментарии

Для сравнения приводятся слова из словарей XVII–нач. XVIII в. Также приводится соответствующее слово в современном голландском языке.

Ал. — Алексеев 1968 (указание листа и номера строки нидерландско-русского словаря); Бр. — Брюс 1717; Н. — Honselaar 2010; G. — Günther 2002; В. — Bruins 1714.

1. «godt, богъ.» Ал. 398об. 13–14; «б(о)гъ *godt*» G. 2r/13, 8v/14, 13v/33, 15v/12, 18r/13; «Богослуженіе. Godsdiens. m. en v.» Бр. 10; совр. голл. «бог *god*» Н. 76.

2. См. 46. Возможно прочтение «беркенъ». «Berkeboomen, березы» В. 18; совр. голл. «берёза *berk; berkenhout*» Н. 58.

3. G. 89 — «kin, подбородок»; «Подбородокъ. — Onderkin. v.» Бр. 156; совр. голл. «подбородок *kin*» Н. 930.

4. «борода *de baart*» G. 4v/47; «Борода. Vaard. m.» Бр. 12; «*baerden hebben*, имеют бороду» В. 6; «*baerden*, бороды» В. 46; совр. голл. «борода *baard*» Н. 84.

5. «*borsdt*, брюхо» Ал. 399–15; «Брюхо. *Vuijk. m.*» Бр. 14; «*buik*» В. 10, 32; совр. голл. «*buik*» Н. 92.

6. «Berцо. *Shenkel. m. en v. Scheen. m. en v.*» Бр. 7; «Нога. — *Been. o. en v.*» Бр. 129; совр. голл. «нога *been*» Н. 739, «кость *been*» Н. 530.

7. «пампир, бумага» Ал. 398–10, «*en pak ramper*, стопа бумаги» Ал. 401об.–6–7, «*ramper бумага*» Ал. 401об.–7; «бумагои (I.Sg) *papier*» G. 7v/36; «Бумага. *Papier. o.*» Бр. 15; «*papier бумага*» В. 7; совр. голл. «*papier*» Н. 95.

8. «бархатъ *fluweel*» G. 10r/17, 14v/11, 14v/9; «Бархатъ. *Fluweel. o.*» Бр. 4; «*fluweel бархат*» В. 68; совр. голл. «*fluweel*» Н. 42.

9. Совр. голл. «старый *oud*» Н. 1299; «*frou*, женка» Ал. 399об.–5–6; «жена *vrou*» G. 9r/6, 17r/35, 18r/19; «Жена. — *Vrouw. v.*» Бр. 55; «*vrouw*» В. ill. 6–7; совр. голл. «*vrouw*» Н. 35.

10. «*baster* бастръ» Ал. 403–6; совр. голл. «*бастр basterdsuiker*» Н. 43.

11. «*skapt*, овца; *weg*, боран; *lam*, ягня» Ал. 399об.–10–12; «боранъ *lamm*» G. 4v/14; «овца *schaep*» G. 4v/13; «Баранъ. — *Hamel.*

т. Баранъ. — Schaар. о.» Бр. 4; «schaer баран» В. 75; совр. голл. «баран gam» Н. 41, «овца schaар» Н. 780.

12. «daer hy mede geweest was, в которых он бывал» В. 22

13. «больше *meer, hooger*» G. 6r/23, 28, 7v/6, 10, 11v/32, 12v/21; совр. голл. «более meer» Н. 80.

14. «inkhorens, белки» В. 9; совр. голл. «eekhoorn» Н. 55.

15. «grodt, велик» Ал. 399–12–13; «grooter больше» В. 2; «zoo groot больше» В. 39; совр. голл. «бóльший groter» Н. 82, «большóй groot» Н. 82.

16. «березово дерево *barcken hout*» G. 5v/6, «дубово дерево *eijchen houdt*» G. 5v/5, «елово дерево *fuijren hout*» G. 5v/7; «Дерево, имя всякому дереву. — Hout. о.» Бр. 44; «Бревно. Balk. т.» Бр. 14; «balken» В. 42; совр. голл. «бревно balk» Н. 88, «дерево hout» Н. 278.

17. Совр. голл. «спешить haasten» Н. 1285, «спешка haast» Н. 1285.

18. Прич. прош. вр. от глаг. «zijn быть». «здесь был *hier geweest*» G. 6v/6, «гдѣ ты былъ *waer bent/heft ghij geweest*» G. 14r/1, 15v/14, 16, 8r/32, «мы далеко были *wij hebben ver gnoeg gewest*» G. 8r/20.

19. «братъ *broeder*» G. 4v/24; «broeder брат» В. 50; совр. голл. «брат broeder» Н. 87.

20. «Баня. — *Badstoof. v.*» Бр. 4; совр. голл. «баня badhuis, bad» Н. 40, «паровая баня stoombad» Н. 40.

21. «tonne, бочка» Ал. 403–2; «бочка *tonn*» G. 3r/19; «Бочка. — Ton v.» Бр. 13; «vat» В. 69; «in een ton met buspoeder, в бочку с порохом» В. 5; совр. голл. «бочка vat, ton, fust» Н. 85.

22. «от(е)цъ *vader*» G. 2r/14, 4v/22; «Отечество. — *Vaterschap. v. en o.*» Бр. 140; «vader отец» В. 11; совр. голл. «бацька vader, vadertje» Н. 44, «отец vader, vadertje» Н. 832.

23. «vaetje боченок» В. 84; совр. голл. «тонна ton» Н. 1365.

24. «батога (G.Sg.) *stok*» G. 17v/27; «Батогъ, хлысть, также и мѣра въ двѣ сажени дліною. *Roede. v.*» Бр. 5; «stokken батогами» В. 44; «met ein stokje палкою» В. 44; совр. голл. «батог stok» Н. 44.

25. «Бобръ. *Bever. m.*» Бр. 10; «Bever, бобр.» В. 24; совр. голл. «бобр bever» Н. 75.

26. Краткая форма прил. ср. р. «Бѣлѣная кѣсть. Witquast. v.» Бр. 8; «die witte mos белый мох» В. 8; «de witte Arent Белый Орел» В. 13; «witten dock белый платок» В. 63; совр. голл. «белый wit» Н. 56.

27. «Булавка. Speld. v.» Бр. 15; совр. голл. «булавка knopspeld, speld» Н. 95.

28. См. 27.

29. «wadt doe ghÿ help godt» Ал. 403об.–13–14; В. 62 «Godt Beware U да сохранит тебя бог» В. 62, 67; совр. голл. «Бог в помощь/помочь! God helpe u!» Н. 76, «с божьей помощью met God hulp» Н. 78.

30. Прош. вр. от «бить slaan». «бить gesselen» G. 4r/7.

31. «fadt блюдо» Ал. 400об.–12, «ѡат, блюдо» Ал. 404–14; «блюдо schotel» G. 8v/5; «Блюдо. Schotel. m.» Бр. 10; «schotel блюдо» В. 18; совр. голл. «блюдо schotel» Н. 75.

32. См. 44. «slaen бьют» В. 44; совр. голл. «бить slaan; een slag geven» Н. 68.

33. Ср. 109. Совр. голл. «горшок pot» Н. 240.

34. «Golt (sic!) segen хлеб да сол» Ал. 404–7–8; «здоровье (A.Sg.) gezondheid» G. 8v/2, «проздоровье op de gezondheid» G. 8v/13; совр. голл. «да пребудет с вами благословение Господне God zegen u» Н. 71.

35. См. 50. См. также употребление «ick» в 71. «ick, я» G. 15v/1; «ick gaen я пошол» G. 14v/6; «ick will liever wat uijt seijlen, я хочу лутче парусомъ бѣгать» G. 6v/13; «челом бью тебѣ ik bedank V» G. 16v/10, 17v/12; совр. голл. «молить bidden» Н. 628, «бить челом hist. diep buigen» Н. 1503.

36. Буд. вр. от «быть zijn».

37. Совр. голл. «бочар kuiper» Н. 85.

38. Совр. голл. «брус balk» Н. 91, «брусочек wetsteen; staaf, stuk» Н. 91, «полоз sleepstuk» Н. 962, «тянуть slepen» Н. 1402.

39. Совр. голл. «сильный sterk» Н. 1225.

40. «loopen бегать» В. 15; совр. голл. «бежать hardlopen» Н. 47.

41. См. также 43, 45. «Богатъ, также государство. Rijk.. о.» Бр. 10; «visryk богат» В. 16; «ryke Kloosters богатые монастыри» В. 42; совр. голл. «богатый rijk» Н. 76.

42. См. 40. Повел. накл. от «бежать loopen». Форма повел. накл. «бежи» характерна для юго-восточной диалектной зоны, а также для говоров Вологодской группы, псковских говоров и смежных с ними селигеро-торжковских говоров [Захарова, Орлова 1970: 105, 114, 149, 152].

43. См. также 41, 45. «Человѣкъ. — Mensch. m.» Бр. 251; совр. голл. «человек man» Н. 1503.

44. См. 32. Повел. накл. от «бить slagen».

45. См. также 41, 43. «женшину(!) vrou» G. 18r/10; «Женщїна. — Vrouwmensch. o.» Бр. 56; совр. голл. «женщина vrouw» Н. 339.

46. См. 2. Совр. голл. «берѣста berkenschors» Н. 58.

47. Совр. голл. «безумный krankzinnig» Н. 54.

48. «Брось, кїнь. Smaк, werp. m.» Бр. 14; «Брось, кїнь. Gooi. m. en v.» Бр. 14; «Бросокъ, пометокъ. Worp. m.» Бр. 14; «werpen бросаютъ» В. 9; «worgen, бросать» В. 26; совр. голл. «бросить werpen» Н. 90.

49. См. 48. Повел. накл.

50. См. 35. «челом бью тебѣ ik bedank V» G. 16v/10, 17v/12; совр. голл. «молить bidden» Н. 628, «бить челом hist. diep buigen» Н. 1503.

51. «water, вода» Ал. 399об.-1, «ватрѣ. вода» Ал. 404-9; «воды (G.Sg) waeter» G. 8v/16; «Вода, понеїже суды ходятъ. — Vaarwater.» Бр. 25; «water вода» В. 33; совр. голл. «вода water» Н. 145.

52. «har, власы» Ал. 399об.-3; «волосы het haar» G. 4v/46; «haer» В. 6; совр. голл. «волос haar» Н. 156.

53. Совр. голл. «сопля snot, snottebel» Н. 1274.

54. «ком мирѣ, поди сюды» Ал. 398-13, «gadt nyedt. ком, поди скорее» Ал. 401-2-3, «gad nydt, поди» Ал. 402-15, «gadt fon de rocken, поди вонѣ» Ал. 402об.-3-4, «гат шляпѣ. поди спать» Ал. 404об.-2; совр. голл. «вон! er uit!» Н. 158, «идти lopen, gaan» Н. 425.

55. «uitgeroepen кричитъ» В. 55; совр. голл. «кричать roepen» Н. 540.

56. См. 55. Повел. накл. от «кричать roepen».

57. «wÿnn вино» Ал. 403–5, «Rodt wÿn, красное вино» Ал. 403–7–8; «Віно. — Wijñ. m.» Бр. 23; «wÿn, вино» В. 5; совр. голл. «вино wijñ» Н. 133.

58. См. также 71. Повел накл. от «взять nemen». «возми tolkeyn» Ал. 401об.–1, «Ik bedeyñn nemedt geldt возми пожалуйи» Ал. 401об.–2–3; «neemt» G. 8v; «взять *neemen*» G. 14r/18, «возми с собою *neemt mede*» G. 11v/24; совр. голл. «взять nemen» Н. 129.

59. «ваи» должно читаться как «вау», с заменой буквы «и» на «у». «Вау» должно транскрибировать название буквы «v», которая смешивалась с «u».

60. См. также 142. «Дѣвица. — Maagd. o.» Бр. 43; совр. голл. «девица *maagd; meisje*» Н. 267.

61. Совр. голл. «вынуть *nemen uit*» Н. 197.

62. Совр. голл. «пить *drinken; zuipen*» Н. 907.

63. Совр. голл. «вылить *gieten uit*» Н. 195.

64. Совр. голл. «вливать *ingieten*» Н. 140.

65. См. 52.

66. Совр. голл. «верёвка *koord*» Н. 115.

67. «волкъ *wolf(f)*» G. 4v/7, 8r/25; совр. голл. «волк *wolf*» Н. 155.

68. Совр. голл. «выдра *otter*» Н. 188.

69. См. также 14. «Зарубка, или зарѣска, также и блокъ, или вѣкша карабельная шеснатцатая доля аршіна голандскаго. — *Talie. v.*» Бр. 63; совр. голл. «векша *eekhorn, eekhorntje*» Н. 112.

70. «воску (G.Sp) *was*» G. 8r/18; «Воскъ. — *Wasch. Wass. o.*» Бр. 28; «*waskaer*» В. 26; совр. голл. «воск *was*» Н. 162.

71. См. 58. Буд. вр. от «взять nemen». «*daer na de prijs is sal ik neemen, по том цену я возму*» G. 12r/39; совр. голл. «взять nemen» Н. 129.

72–76. «Rodt, черчатое; *suardt* черное» Ал. 402.–2–3, «blaw, синее» Ал. 402–4; «черной (G.Sg.f) *swart*» G. 13v/5, «красно *roodt*» G. 3r/30, «сине *blauw*» G. 3r/35; «Зарубка. — *Keer. v.*» Бр. 63; совр. голл. «зарубка *keer*» Н. 391, «чёрный *zwart*» Н. 1507–1508, «красный *rood*» Н. 535, «голубой *blauw*» Н. 236, «белый *wit*» Н. 56.

77. «гур нинть блядин *syn*» Ал. 401–5–6, «*horkÿndt*» Ал. 401–7; «Выблядокъ. — *Bastaard. m. en v.*» Бр. 30; совр. голл. «блядский *hoeren-*» Н. 75, «ребёнок *kind*» Н. 1155.

78. «лизать *lecken*» G. 10v/16; совр. голл. «вылизать *uitlikken*» Н. 195, «лизать *likken*» Н. 571.

79. Совр. голл. «весь *allemaal*» Н. 121.

80. См. также 81. «Вошь. — *Luijs. m en o.*» Бр. 28; совр. голл. «вошь *luis*» Н. 167.

81. См. 80. «вши (N.Pl.) *luijsen*» G. 10v/14.

82. Первая часть «нен» неясна, возможно, «*een*». Совр. голл. «вар *pek, pik*» Н. 105, «смоляной *hars-; teer-; pek-*» Н. 1254.

83. «всѣх *van alles*» G. 12v/26; совр. голл. «всякого *van alles*» Н. 178.

84. «вчера *gistern*» G. 2v/5, 12r/11; совр. голл. «вчера *gisteren*» Н. 181.

85. «*auendt*, вечеръ» Ал. 399–5–6; «вечер *avond*» G. 2v/12, 9r/10; «Вечеръ. — *Avond. m.*» Бр. 19; совр. голл. «вечер *avond*» Н. 122.

86. Положение выносной «н» находится в середине слова «сли^нпе», но должно читаться как «слип^не». Совр. голл. «острить *slijpen*» Н. 823.

87. «сондах» Ал. 397об.–5; «воскресенье *sondagh*» G. 3v/5, «воскресенье *sondaegs*» G. 11v/35; совр. голл. «воскресенье *zondag*» Н. 162.

88. «Поварня. — *Keuken. v.*» Бр. 153; совр. голл. «варить *koken*» Н. 106.

89. Совр. голл. «вонять *stinken*» Н. 158.

90. «*shelmt*, вор» G. 13r; «Воровство. — *Boevejagt. o.*» Бр. 27, «Плуть. — *Boef. m.*» Бр. 153, «Плуть, воръ. — *Rabouw. m.*» Бр. 153; совр. голл. «гаврик *boef, boefje*» Н. 215, «злодей *boef*» Н. 414, «мошеник (*spits*)*boef*» Н. 638, «негодяй *boef*» Н. 703, «преступник *boef*» Н. 1016, «разбойник *boef, boefje*» Н. 1110.

91. См. 90. Совр. голл. «озорник *boefje*» Н. 789, «плутишка *boefje*» Н. 915.

92. См. 78, 106. «Задніца. — *Aers. m.*» Бр. 59; совр. голл. «задний проход *aars*» Н. 1084.

93. Совр. голл. «верно *zeker*» Н. 116.

94. «Вѣнікъ. — *Bezem. m.*» Бр. 17; совр. голл. «веник *bezem*» Н. 114.

95. Совр. голл. «вес, *gewicht*» Н. 119, «гира *gewicht*» Н. 226.

96. Имеется в виду значение «весить, взвешивать». Совр. голл. «взвесить *wegen*» Н. 125.
97. Совр. голл. «весь *al*» Н. 121. «её *haar*».
98. Пр. вр. от «видеть *zien*» Н. 131.
99. Совр. голл. «весть *tijding*» Н.120.
100. См. также 113. «г(о)с(по)д(и)нь мой *mijn heer*» G. 6v/1, 9, 30 и далее; совр. голл. «господь *Heer*» Н. 242.
101. «*donder*, громъ» Ал. 399–1; «громъ *donder*» G. 2v/27; «Громъ. — *Donder. m.*» Бр. 40; совр. голл. «гром *donder*» Н. 249.
102. «*hoeff*, глава» Ал. 399–14; «голова *het hoofd*» G. 4v/42; совр. голл. «голова *hoofd*» Н. 234.
103. «ву *keel*, в горле» В. 80; совр. голл. «горло *keel*» Н. 239.
104. «Губа, уста. — *Lip. o.*» Бр. 41; совр. голл. «губа *lip*» Н. 253.
105. «Голосъ. — *Stem.*» Бр. 37; «*stem* голос» В. 15; совр. голл. «голос *stem*» Н. 235.
106. См. 92. «Задніца. — *Aers. m.*» Бр. 59; совр. голл. «задний проход *aars*» Н. 1084.
107. «Говно, пометъ. — *Stront. v.*» Бр. 36; совр. голл. «говно *stront*» Н. 232.
108. «Горошіна. — *Erwt. v.*» Бр. 38; совр. голл. «горох *erwt*» Н. 240.
109. См. 33. «Горшокъ. — *Pot. v.*» Бр. 39; совр. голл. «горшок *pot*» Н. 240.
110. «*гит* тепло» Ал. 398–12, «*hydt*, тепло» Ал. 399–8; совр. голл. «горячий *heet*» Н.241.
111. «Грудь, перси. — *Borst. m. en o.*» Бр. 41; «*de borst* грудью» В. 10; совр. голл. «грудь *borsten*» Н. 251.
112. Совр. голл. «хорошо *wel-*» Н. 1480, «так *zo*» Н. 1332.
113. См. также 100. «[*konnyk*] *konnyk* Воер, царь; *g* *Geraff*, князь;» Ал. 399об.–13–14; «ц(а)рь *keijser*» G. 3v/24; «*Czaer* царь» В. 14; совр. голл. «царь *keizer; heer*» Н. 1491.
114. Возможно чтение как «голубо», так и «голубь». Исходя из голландского слова, предполагаем вариант «голубь». «голубь *duijve*» G. 4v/3; «Голубь. — *Doffer. m.*» Бр. 37, «Голубь. — *Duijf. o.*» Бр. 37; совр. голл. «голубь *duif*» Н. 236.

115. См. 112. Возможно, «нет» — неверная транскрипция «het это». Совр. голл. «хотеть willen» Н. 1481, «ровно как net» Н. 1170, «так zo» Н. 1332.

116. «товар *coormanschapen*» G. 9r/21; «купить *koopren*» G. 6v/15, 13v/3, 14r/12; «Коорман, купец» В. 75; совр. голл. «купец *koopman*» Н. 551, «торговец *koopman*» Н. 1367.

117. См. 115.

118. См. 116. Совр. голл. «народ *volk*» Н. 682.

119. «городъ *de stadt*» G. 4r/1, «городъ *een stadt*» G. 17v/28; «Городъ. — Stad. о.» Бр. 38; «Stadt, город» В. 6; совр. голл. «город *stad*» Н. 240.

120. «Гвоздь желѣзныи. *Spijker. m.*» Бр. 34, «Гвоздь желѣзный же. *Nagel. m.*» Бр. 34; совр. голл. «гвоздь *spijker*» Н. 220.

121. Написание «горкица», возможно, испорченное «горлица» или «горница». Транскрипция «говста^h» сходна со «столица *hoofdstad*» Н. 1306. См. голова и город. Ср. также «горницы (G.Sg.) *stoof*» G. 7v/12.

122. Возможно, здесь перестановка, должно быть «голово блу^h». Один из вариантов прочтения: «голубо *blauw*».

123. «гдѣ *waer*» G. 8r/32, 9r/1, 13r/1, 15v/16; совр. голл. «где *waar*» Н. 220.

124. Совр. голл. «родиться *geboren worden*» Н. 1171.

125. «Грѣхъ. — *Zonde. о.*» Бр. 40; совр. голл. «грех *zonde*» Н. 247.

126. Местоимение «вам» в голландской транскрипции пропущено. «wandeln» G. 7r; совр. голл. «гулять *wandelen*» Н. 254.

127. См. 126. «ва^hдел.нъ», одну букву не прочесть. «ходить *wandelen*» G. 11r/39; совр. голл. «гулять *wandelen*» Н. 254.

128. «в прошлом годе *vorleden jaer*» G. 12v/21; «Годъ. — *Jaar. о.*» Бр. 37; «in den jare в году» В. 2; совр. голл. «год *jaar*» Н. 233.

129. См. 130.

130. «горить *brandt*» G. 9v/27; совр. голл. «гореть *branden*» Н. 238.

131. Здесь и в других местах не ясно из-за смешения на письме *ъ* и *ь*, какая форма имеется в виду. Скорее всего «говорить». «говорит (Inf.) *spreken*» G. 13r/12; «Разговоръ. — *Gespreek. о.*» Бр. 182; совр. голл. «говорить *spreken*» Н. 232.

132. См. 131. Повел накл. от «говорить spreken». «sprekt nyedt не говори» Ал. 402об.-1-2.

133. См. 131. Прош. вр. «говорить spreken».

134. «een osse быкъ» G. 6r/32, «ворванны кожи (A.Pl.) *robbe vellen*» G. 14r/24; «vel кожа» В. 88; совр. голл. «воловий ossen-» Н. 156, «кожа vel» Н. 499.

135. «goejen грести» В. 78; совр. голл. «грести goeien» Н. 246.

136. См. 135. «Роѳе, греби» Ал. 402об.-6-7.

137. «Глава въ кнѳгъ. — Capitel. Kapittel.» Бр. 34, «Глава. — Кор. м.» Бр. 34, «Глава. — Hoofd. о.» Бр. 34; «коерел, глава» В. 19 «Hoofstuk» В; совр. голл. «глава *kapittel*» Н. 226.

138. «regn, дождь» Ал. 399-6; «дождь *reegen*» G. 2v/25; «Дождь. — Regen. м.» Бр. 46; «regen дождь» В. 3; совр. голл. «дождь *regen*» Н. 297.

139. «баем, дерево» Ал. 399об.-4-5; «дубово дерево *eijchen houdt*» G. 5v/5; «Дерево. — Boom м.» Бр. 49; «uit eike boomen gemaekt делались прежде из дубового дерева» В. 56, «Akerboomen, дубовые деревья» В. 80; совр. голл. «дуб *eik*» Н. 319, «дерево boom» Н. 278.

140. См. также 16, 139. «баем, дерево» Ал. 399об.-4-5; «дерево *de boom*» G. 18r/14; «Дерево, имя всякому дереву. — Hout. о.» Бр. 44, «Бревно. Balk. м.» Бр. 14; «boom, дерево (о растущем дереве)» В. 37; совр. голл. «дерево boom» Н. 278.

141. См. также 16, 137. «березово дерево *barcken hout*» G. 5v/6, «дубово дерево *eijchen houdt*» G. 5v/5, «елово дерево *fuijren hout*» G. 5v/7; «Дерево, имя всякому дереву. — Hout. о.» Бр. 44, «Бревно. Balk. м.» Бр. 14; «om hout за дровами» В. 73; совр. голл. «дрова hout» Н. 317.

142. См. также 60. «meijsien, девушка» G. 8v; «Мяисинь девица» Ал. 398-8-10, «maisken, дѳвица» Ал. 399об.-7; «Дѳвица. — Maagd. о.» Бр. 43; совр. голл. «девица *maagd; meisje*» Н. 267.

143. См. также 142. «девушка *meijsien*» G. 8v/5; совр. голл. «девочка *meisje*» Н. 267.

144. «кнѳхть, парень» Ал. 398-8-9, «knecht, отрок» Ал. 399об.-6; «Subst. молодой *jongmann*» G. 4v/34; «Дѳтина молодой. — Quant.

м.» Бр. 45, «Дѣтина малои. — Borst, кнаар. м.» Бр. 45; «jongen, молодой парень» В. 47; совр. голл. «молодец jongen» Н. 629.

145–152. «Ick даи; bedeyn geff my, пожалуи» Ал. 402–13–14; «этьень, исти» Ал. л. 398–14, «drenk ber, пей пиво» Ал. 403–4; «(Imp.) дај *geeft*» G. 12v/29, «пить *drincken*» G. 11v/7, 14r/30, 14v/1, «едят (3.P.Pl.) *eten*» G. 18r/26; «drinken, выпить» В. 54; совр. голл. «дать *geven*» Н. 261, «есть *eten*» Н. 332, «пить *drinken*» Н. 907, «ради бога *om godswil*» Н. 76, «ради Бога! *om Gods wil!*» Н. 1106.

153. Совр. голл. «дудочка *fluitje*» Н. 319.

154. «godt, добро» Ал. 4018; «добро I. Subst. *goet*» G. 18r/19, 18r/23, «добро II. Partikel der Einwilligung *wel*» G. 13r/24; совр. голл. «добро *goed*» Н. 291, «ладно *goed*» Н. 558.

155. «дорог (prad., Kf.m.) *duijr* (Preis)» G. 15v/35; совр. голл. «дорогой *duur*» Н. 308.

156. См. 145. «гѣвъ гельть» Ал. 398–5; «дам *sal geeven*» G. 6r/22; совр. голл. «дать *geven*» Н. 261.

157–158. См. 156. «хельть» Ал. 398–4; «гѣвъ гельть;» Ал. 398–5; «goldt, золото;» Ал. 400–6; «деньги (Nom.) *gelt*» G. 9r/24, 12r/18; «Денги. — Geld. о.» Бр. 44; совр. голл. «деньги *geld*» Н. 277.

159. «Даень, нареч. То же, что даве. *Даень солнышко постояло да и спрятолось*. Новорж. Пск., 1957.» [СРНГ 7: 264]. По данным ПОС слово встречается в Аш., Кр., Оп., Печ., Порх., Пушк., Сер., Слан. районах [ПОС 8: 111]. Транскрипция «е^нде» возможно обозначает «*een dag*».

160. «доброи вечер (Grufform) *goeten avont*» G. 9r/10, 16v/26; совр. голл. «доброй ночи! *goedenacht!*» Н. 744.

161. Совр. голл. «добрый день *goedendag*» Н. 276.

162. «dacs день;» Ал. 399–4; «день *daeh*» G. 2v/18, «ден *dag*» G. 18r/7; «День. — Dag. м.» Бр. 44; совр. голл. «день *dag*» Н. 276.

163. «Дымъ. — Rook. м.» Бр. 52; «rook дым» В. 6; совр. голл. «дым *rook*» Н. 325.

164. «думать *denken*» G. 12v/39; «denken, думать» В. 60; совр. голл. «думать (na)*denken*» Н. 320.

165. «далеко Adv. *ver*» G. 8r/20, 16r/34; «Далеко. — Verre.» Бр. 42; совр. голл. «далёкий *ver*» Н. 258.

166. См. 165.

167. Совр. голл. «дуть blazen» Н. 322.
168. См. 167. Повел. накл. к «дуть blazen».
169. Совр. голл. «дурной kwaad» Н. 321.
170. «Дуракъ. — Nar. m.» Бр. 50; совр. голл. «непослушный stout» Н. 719, «неслух stouterd» Н. 727, «озорник stouterd» Н. 789, «проказник stouterd» Н. 1060, «смелый stout» Н. 1251, «шалун stouterd» Н. 1522.
171. Совр. голл. «побаловаться (even) stout doen; (even) stoien» Н. 918.
172. «Доска, и тарѣлка деревянная. — Bord. о.» Бр. 48, «Доска. — Plank. v.» Бр. 48, «Доска. — Deel, plank. о.» Бр. 48, «Доска изъ какова нѣсть металла, мѣдная, серебряная. — Plaat. о.» Бр. 48, «Доска, на нейже ножи вострять, съ посыпомъ песка. — Slypbord. о.» Бр. 48, «Доска шахматная. Dambord. о.» Бр. 48; совр. голл. «доска bord» Н. 309.
173. «дочь *dochter*» G. 4v/27; совр. голл. «дочь *dochter*» Н. 314.
174. «другъ *vrin(d)t*» G. 4v/31, 9r/13, 16r/17; «Доброй другъ. — Kaar, vrind. m. en v.» Бр. 46; совр. голл. «друг *vriend*» Н. 317.
175. 3 л. ед. ч. Совр. голл. «есть *is*» Н. 332.
176. 3 л. ед. ч. личн. местоимения. «*Verbalrektion hem*» G. 16r/32.

Сокращения источников

Алексеев 1968 — Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике XVI–XVII века: Исследования, тексты, комментарии. Л., 1968.

Алимова 1976 — Алимова Т. А. Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII–XIX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. Т. 31: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. С. 390–392.

БАС — Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. Т. 1–23. М.; СПб.: Наука, 2004–2014. (издание продолжается).

Брюс 1717 — *Брюс Я. В.* Книга лексикон или Собрание речей по Алфавиту с Российского на Голландский язык. Напечатана повелением царского величества в Санктпитебурхе лета господня 1717 году, апреля в 1 день.

Велувенкамп 2006 — *Велувенкамп Я. В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006.

Голландцы 2004 — Голландцы и бельгийцы в России XVII–XIX вв. СПб., 2004.

Дианова, Костюхина 1080 — Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980.

Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Ковтун 1963 — *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи Средневековья, М.; Л., 1963.

Кордт 1902 — *Кордт В. А.* Очерк отношений московского государства с республикой соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 116. СПб., 1902. С. III–СССVII.

Крушельницкая 2006 — *Крушельницкая Е. В.* Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: Опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века // История в рукописях и рукописи в истории. Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / Сост. и науч. ред. Г. П. Енин. СПб., 2006. С. 379–398.

Ларин 1959 — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. (то же: *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 175–508).

Лудольф 1937 — *Лудольф Г. В.* Русская грамматика, Оксфорд 1696 / переизд., перев., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937. (то же: *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 509–658).

Мещерский 1961 — *Мещерский Н. А.* Русско-карельские записи XVII – начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание.

К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л., 1961. С. 16–32).

Мжельская 2003 — *Мжельская О. С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв.: По данным иностранных руководств для изучения русского языка. СПб., 2003.

Мжельская 2010 — *Мжельская О. С.* Из названий товаров на Псковском рынке (XVI–XVII вв.) // Историческая лексикология и лексикография: межвузовский сборник. Вып. 8 / Отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 2010. С. 99–117.

Миронов 1977 — *Миронов С. А.* К вопросу о социальной и функционально-стилистической дифференциации нидерландского литературного языка XVII в. // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

Муллонен, Панченко 2013 — *Муллонен И. И., Панченко О. В.* Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск, 2013.

Нидерланды 2003 — Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003.

Опарина 2007 — *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

Парижский словарь москвитов 2002 — Парижский словарь москвитов 1586 г. / пер., исслед. и коммент. Б. А. Ларина. Рига, 1948 (то же: *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 21–174).

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ / СПбГУ, 1967–2016. (издание продолжается).

Пушкарев 2004 — *Пушкарев Л. Н.* Освоение русского языка иностранцами в конце XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 121–128.

Савич 1978 — *Савич Н. Г.* Из истории русско-немецких культурных связей в XVII в. (Немецко-русский словарь-разговор-

ник Г. Невенбурга 1629 г.) // Исторические записки. 1978. № 102. С. 246–286.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. СПб., 2004.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

Чернышева 2014 — *Чернышева М. И.* Рец.: *Lexicon slavo-ruthenicum, edycja i wstęp Adam Fałowski.* Kraków: Scriptum, 2013. – 773 s. (*Studia Ruthenica Cracoviensia*, 7) // *Rocznik Slawistyczny*. 2014. T. LXIII. P. 157–167.

A Dictionaire of the Vulgar Russe Tongue 1987 — A Dictionaire of the Vulgar Russe Tongue / Attributed to Mark Ridley. Edited from the late sixteenth-century manuscripts and with introduction by Gerald Stone. Köln; Weimar; Wien, 1996.

A German-Russian Vocabulary Fragment 1974 — A German-Russian Vocabulary Fragment (17th Century) from Riksarkivet, Stockhom... / Transcription and comparison with J. A. Comenius: *Janua Linguarum* by S. S. Lunden. Slavisk-Baltisk Institutt Universitetet i Oslo, 1974.

Briquet 1907 — *Briquet C. M.* Les filigranes dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. T. 1–4. Genève, 1907.

Bruins 1714 — *Bruins Cornelis de.* Reizen over Moskovie, door Persie en Indie. Amsterdam, 1714.

Ein Rusch Boeck 1994 — «Ein Rusch Boeck» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert // Hrsg. von A. Fałowski (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen, Neue Folge, Bd. 3(18)). Köln; Weimar; Wien, 1994.

Einn Russisch Buch 1992–1997 — «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w., cz. 1, pod red. A. Fałowskiego i W. Witkowskiego, Kraków, 1992; Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w., cz. 2: Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich, red. A. Fałowski; oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska, Kraków, 1997.

Fałowski 2012 — *Fałowski A.* Словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619 гг. в свете новых диалектных и исторических данных // Язык и метод: русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 1. Kraków, 2012. S. 95–104.

Günther 1963 — *Günther E.* Ein niederländisch-russisches Gesprächsbuch aus dem 17. Jh. // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Vol. 8. Issue 1. P. 485–496.

Günther 1965 — *Günther E.* Russische Wörter und Redewendungen in einer Reisebeschreibung von 1673 // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt – Universität in Berlin. 1965, № 5. S. 757–760.

Günther 1999 — *Günther E.* Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburg von 1629. Frankfurt am Main, 1999 (ср.: Russisches Elementarbuch von Newenburg. 1629, [в:] E. Günther, Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert, Berlin 1964).

Günther 2002 — *Günther E.* Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696 (Berliner slawistische Arbeiten, Bd. 17). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2002.

Honselaar 2010 — *Honselaar W.* Groot Russisch-Nederlands Woordenboek. Amsterdam, 2010.

Olearius 1656 — *Olearius Adam.* Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscovitischen und Persischen Reyse So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft an den Russischen Zaar und König in Persien geschehen. Schließwig, 1656.

Rerum Moscoviticarum 1556 — *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain.* Basiliae, per Ioannem Oporinum, 1556.

Sørensen 1962 — *Sørensen H. Chr.* Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1962.

Teutscher und Reussischer Dictionarium 1984 — *Teutscher und Reussischer Dictionarium.* Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch (Cod. Conv. FF. Minorum Vindobonensis XVI) = Dictionarium Vindobonense, Herausgegeben und eingeleitet von G. Birkfellner. Berlin, 1984.

The Trondheim russian-german MS vocabulary 1972 — *The Trondheim russian-german MS vocabulary. A contribution to 17th-*

century Russian lexicography / ed. Lunden S. S. Oslo; Bergen; Trömso, 1972.

Tönnies Fenne's 1961–1986 — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607, vol. 1: Facsimile Copy. Copenhagen, 1961; vol. 2: Transliteration and Translation, ed. by L. L. Hamerich, R. Jakobson. Copenhagen, 1970; vol. 3: Russian-Low German Glossary, ed. by A. H. van den Baar. Copenhagen, 1985; vol. 4: Mittel-niederdeutsch-neuhochdeutsch Wörterbuch zum Russisch-niederdeutschen Gesprächbuch, ed. by H. J. Gerneetz. Copenhagen, 1986; *Hendriks P., Schaeken J.* Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607: An Electronic Text Edition: <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>.

Vasmer 1922 — *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie (Veröffentlichungen des Baltischen und Slavischen Instituts an der Universität Leipzig, Hrsg. von G. Gerullis und M. Vasmer, Bd. 2). Leipzig, 1922.

Vries 1997 — *Vries J. de.* Nederlands Etymologisch Woordenboek. Leiden, New York, Köln, 1997.

A. Levichkin. A fragment of the russian-netherlandish dictionary of the XVII century from Pskov

A fragment of the russian-netherlandish dictionary with the letters Б-Е is placed in the encyclopaedic manuscript of the XVII century, the National Library of Russia, Solovetskoe sobr., № 924/1034. The article gives a description of the vocabulary, and also gives parallels to dictionary articles on other dictionary sources of the XVII – early XVIII centuries

Keywords: historical lexicography, historical lexicology, dictionary, phrasebook, russian dialects.

гсаха смовсагбнасаааутибипо
кланбис (ованачаньяв Бнсаб
итрапнжкв ивхн ивоидопаораши
ехонбипрнотлаабннвбнбамн;

б

- бб
- врсга
- поррватакад
- поррвасколюскв.
- врвхд
- врвцо
- взмата
- вархатв
- ваба
- вастерв
- воринв
- вгидакв

- то
- всрпанв во
- иннпв
- вартпв
- вокив
- вснс
- папсрв
- фродскв
- буфрв
- вастерпв
- хатв
- тадеств

вокс.
вблина.
болше.
оредна,
воробе,
вбло,
братъ
ваня,
вочна,
ватна,
бучерна,
ватотъ, в
во врь,
вбло,
владна,
вчлавни,
вотияпоио,
вхв

мкрв.
и пореиенъ
триткрв.
таупъ,
тагпъ,
Тидсипъ,
троучерв,
ваптодъ,
птомъ
вчсерв,
Тонаисенъ,
(птомъ,
вксрв.
дикъ,
(пикъ,
(пксенъ,
тодресъ
Тегланъ

врги
випирсѣо,

ѣ.

вда,
вдохы.
вотри,
вокъпреи,
вопити,
вопи,
вино
воли,
вагъ,
важъвѣца,
вѣни,
вѣпск,
вѣлси
вѣлси
вохосѣ

варпѣ,
вѣдѣтѣ.

вотпсрѣ.
Тарсѣ,
вснотѣхъ,
дсѣита,
рѣтсѣ,
рѣтѣ,
дѣрѣ,
нѣхтѣ,
дѣи,
ѣмѣтѣ
нѣхтѣѣи
тиѣѣѣ,
тиѣнѣ,
та,
корѣнѣ.

воливъ.
вцара,
вблща,
воливъ,
воливъ. в
всрш^нсрнн
дсршсрталом,
дсршсрвнхс,
всршсрн^нвлок,
вощвсршсрн^н.
вывлсршсрн^н,
вылсршсрн^н,
вс,
вошс,
вощ,
варс(сршсрн^н),
дсршсрн^н,
всршсрн^н.

воливъ,
всршсрн^н,
тау^ндсршсрн^н,
вагх^н
й^нсршсрн^н.
сршсрн^н,
рошсрн^н,
всршсрн^н,
всршсрн^н,
сршсрн^н,
тсршсрн^н,
лишсрн^н,
а^ншсрн^н,
хсршсрн^н,
хсршсрн^н,
сршсрн^н,
ва^ншсрн^н,
тсршсрн^н.

дечуръ,
востритъ,
дошргенъ,
дари,
вондасъ,
воръ,
ворышо,
вѣхъиъиъиъиъ,
воуфкииъ,
вѣнхъиъ,
дснн,
вс(тн),
дсбъ,
вхдъ,
вѣптъ,

тогтдъ,
трома

адонптъ,
^н
литтс,
^н
сѣахъ,
нонхъ,
птимиинъ,
^д
вѣ,
^д
вѣнхъ,
^н
хнѣвасиъиъиъ,
сѣрѣв
тсусѣв
всхптъ,
всѣмъ,
атаръ,
тсусѣхптъ,
тснхъ.

твръ
^н
сѣдсрѣв,

Жохова.
 торло,
 тѣты,
 тжогь,
 тзсно,
 тоано,
 торохъ,
 торжасъ,
 торага,
 трети,
 тора^{II}нопта,
 тубцрб,
 тихво,
 тоста^{II},
 топтв,
 тора,
 топти,
 торо^{II}

жоатъ,
 пяхъ,
 лѣпанъ,
 йстажъ,
 кашъ,
 (спронтъ,
 уртскъ,
 по
 тбръ,
 ваиртскъ,
 пиде^{II}зо
 те исидя,
 ебав,
 ипайн^{II}зо
 копмакъ,
 ипайн^{II},
 копвохогъ,
 (таптв,

Н. С. Ганцовская, Т. В. Горлова

СЕВЕРНОРУССКИЕ ЧЕРТЫ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ С НАМЕЧАЮЩЕЙСЯ ПЕРЕХОДНОСТЬЮ (на материале топонимикона г. Нерехты)

Аннотация. На примере говоров Нерехтского района Костромской области рассмотрен процесс перехода севернорусских говоров в среднерусские. В настоящее время нерехтские говоры, отражающие признаки, с одной стороны, говоров Вологодско-Вятской группы, с другой — Владимирско-Поволжской, представляют собой сплав севернорусских и среднерусских черт.

Представленные в статье доводы должны подтвердить севернорусский, что равносильно понятию «общерусский», в дальнейшем ставший достоянием литературного языка, тип лексики рассматриваемых говоров. Одним из источников определения лингвогеографического статуса нерехтской зоны стал топонимикон города Нерехты, который сложился на протяжении нескольких столетий на базе ландшафтных наименований местности, а также микропонимии близлежащих сельских поселений.

Ключевые слова: севернорусские говоры, костромские говоры, город Нерехта, лингвогеография, топонимия, микропонимия.

Современные севернорусские говоры, воспринимая и накапливая южнорусские черты, имеют тенденцию перехода в среднерусские. Этот постоянно действующий динамический процесс коснулся и костромских говоров, в особенности их юго-западной

окраины на границе с Ярославской и Ивановской областями. Речь идет о говорах Нерехтского района Костромской области и соседних с ней территорий на землях наиболее старых славянских поселений центра европейской России, части Костромского Поволжья. Это первичные русские говоры, возникшие на бывших пост-мерянских территориях до XIV в. в результате экспансии новгородских насельников и последовавшего более мощного потока пришельцев из ростово-суздальских земель [Археология... 1997; Образование севернорусского наречия 1970; Рябинин 1986; Очерки исторической географии 2001]. В этнодиалектном плане рассматриваемые говоры представляют собой единую зону, расположенную главным образом в пределах бывшей Костромской губернии, но на сегодняшний день ее периферийные ареалы охватывают правобережье Волги в Некрасовском районе Ярославской области и территории вблизи Фурманова (Середнее) — Приволжска (Яковлевского) — Плёса — Наволок. Говоры этой зоны, которую мы условно назовем нерехтской, частично соответствующей по своим очертаниям VIII лексической зоне на Лингвистических картах Г. Г. Мельниченко [Мельниченко 1974], в настоящее время представляют собой сплав севернорусских и средне-русских черт, отражающий признаки, с одной стороны, говоров Вологодско-Вятской группы, с другой — Владимирско-Поволжской. В. И. Даль относил костромские говоры к «владимирскому наречию» [Даль 1978: XLIV], но при этом настойчиво подчеркивал в костромских говорах, в том числе и нерехтских, «главную отлику» севернорусских говоров от южнорусских — оканье. Безусловно, если опираться на главные, структурно и типологически значимые отличительные черты говора, — а в области вокализма это позиция первого предударного слога после твердых согласных, — нерехтские говоры исторически и по сей день надо считать севернорусскими. Интонационную же структуру «нерехтского» слова, чуждую слову в говорах Русского Севера, но характерную для говоров владимирско-поволжских, и редуцированный вокализм других безударных слогов такого же типа надо считать чертами, функционально важными для понимания ста-

туса этих говоров, хотя структурно и типологически не первостепенными. Внимательное прочтение вспомогательных (фонетика, грамматика) и основных (лексических) карт в атласе Г. Г. Мельниченко, посвященном отображению некоторых лексических групп в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в., убеждает в том, что в своей совокупности изоглоссы нерехтской этнодиалектной зоны имеют ареальные связи в основном с центральными и северо-восточными русскими говорами, а с говорами юга и юго-запада России, т. е. акающими говорами, ее связывает только та часть междиалектной прослойки, которая имеется в литературном языке и этих говорах в качестве синонимов [Мельниченко 1974]. Это подтверждает и лингвогеографический анализ лексики Нерехтского района в Ярославском областном словаре [ЯОС], и анализ подобной лексики в Картотеке Костромского областного словаря [ККОС].

В настоящее время, действительно, говоры нерехтской этнодиалектной зоны (по Г. Г. Мельниченко, VIII лексической зоны) [Мельниченко 1974], как и говоры Владимирско-Поволжской группы (прежде всего ивановские), можно признать восточными среднерусскими говорами, но, по данным главным образом вокализма и консонантизма, сравнительно недавнего образования и во многом базирующимися на финно-угорском субстрате, отчасти и по данным грамматики, но не по данным лексики. Здесь можно вспомнить следующие слова авторов академической «Русской диалектологии» 1964 г.: «Следует специально отметить, что лексических явлений, присущих говорам южного наречия и имеющих распространение во всей полосе среднерусских говоров, отметить не удалось» [Русская диалектология 1964: 242]. Отсюда ясно, что тот массив лексики в среднерусских говорах, который можно признать общерусским как для диалектов, так и для литературного языка, является генетически севернорусским. Именно он и обеспечивает континуальность всех говоров русского языка и преемственные связи русских диалектов и литературного языка, а также позволяет географически атрибутировать значительную часть исконно русской лексики лите-

ратурного языка. Тут можно опереться на сведения Н. Н. Пшеничной, построившей политегическую структурно-типологическую классификацию диалектов русского языка на основании данных ДАРЯ, о том, что говоры «северной половины Владимирско-Поволжской группы» (а именно здесь расположены говоры нерехтской этнодиалектной зоны. — Н. Г., Т. Г.), являются севернорусскими [Пшеничная 1996: 171–172]. Таким образом, на основании полного описания по всем языковым уровням говоров нерехтской этноязыковой зоны можно квалифицировать специфику ее языка как языка переходных говоров. С точки зрения ее представленности во всей системе говоров русского языка по параметрам дискретности / континуальности надо констатировать следующее (в первую очередь нас интересует вопрос о типе соотношения рассматриваемого нами диалектного объединения с севернорусскими говорами). На уровне морфологии, синтаксиса — это преимущественная континуальность, на уровне лексики — полная, на уровне фонетики — существенно ограниченная, близкая к дискретности, но по отношению к южнорусским говорам — континуальная. Эти положения носят достаточно общий характер и нуждаются в дальнейшей конкретизации и уточнении. Здесь мы представляем некоторые доводы в области лексики, которые должны подтвердить севернорусский, что равносильно понятию «общерусский», в дальнейшем ставший достоянием литературного языка, тип лексики рассматриваемых говоров.

Одним из источников определения лингвогеографического статуса нерехтской зоны, как мы полагаем, является топонимикон уездного города Нерехты на территории бывшей «низовой Руси», который сложился на протяжении нескольких столетий на базе ландшафтных наименований местности, а также микропонимии близлежащих сельских поселений, что продлило жизнь нарицательной лексике (апеллятивам), заложенным в их основе. Многие из подобных урбанонимов существуют и поныне, главным образом в форме неофициальных наименований, более же полный городской топономастикон выявляется из исторических источников. Большое количество древнейших названий (более

ста) содержится в труде М. Я. Диева «История города Нерехты», созданном в середине XIX в., но наиболее полная публикация которого осуществилась лишь в 2013 г. [Диев 2013]. Для анализа использовались как современное издание работы Диева, так и один из прижизненных списков рукописи, хранящихся в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике [История г. Нерехты].

Из источника были выбраны названия рек и ручьев, улиц, переулков, сел, деревень, починков, площадей, «сторон» и точечных названий церквей и их приделов, монастырей, домов, колодцев, варниц, полян, станов, пустошей, однословные и двух- и иногда трехсловные, славянские, финно-угорские, наиболее часто в сочетании с антропонимами — календарными именами в официальной или народно-разговорной форме. Примеры последних наименований: *Бориса и Глеба площадь*, *Борисоглебская сторона* (район в Нерехте), *Борисоглебская улица*, *Борисоглебский колодезь*, *Борисоглебский собор*, *Борисоглебский соляной колодец*. Интересно, что наряду с преобладающим типом синтаксической связи в них и в сочетаниях двух славянских, иногда тюркских имен по типу согласования, уже имеются и сочетания типа управления, особенно активно употребляющиеся в современных городских названиях: *Бориса и Глеба площадь*, *дом Додоновых-Симоновых*, *сельцо Святого Егория* наряду с *Егорьевским селом* и *Егорьевской горой*; *Кашиников переулок*, *Кашиникова улица*; *Княгинино село* наряду с *Княгининским селом*; *Корсакова улица*; *Сытанов монастырь*, *Сытаново городище*, *Троице-Сергиев монастырь*; *церковь Афанасия и Кирилла*; *церковь Бориса и Глеба с приделом на полатах Иоанна Предтечи*; *церковь Введенская с приделом Тихона*; *церковь Введенская с приделом Космы и Дамиана*; *церковь преподобного Пахомия и Пахомиевская церковь*; *церковь Св. великомученицы Варвары с приделом Вознесения Господня*; *Шадрина улица*. Обращает на себя внимание исключительно севернорусский способ образования топонимов на основе притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов* и *-ин*: *Бортниково* (деревня), *Весково* (название этого села, возможно, мотивировано общеславянским

весь, веска ‘деревня’, в литературном языке устаревшим), *Гробищево* (село), *Кашников* переулочок, *Кибалино* (село), *Колобово* (село), *Пятино* (деревня в версте от Нерехты) и др. И только названия речек (*Гридѣвка, Бачѣвка*) имеют суффикс *-к*, по своему происхождению принадлежащий к деминутивным формативам и мало характерный для «сухопутных» топонимов Нерехты. По мнению А. В. Никонова, топонимы с формантом *-к* преобладают на тех территориях, где украинские и русские названия датируются, как правило, XVI–XVIII вв. [Никонов 1965: 73].

Труд М. Я. Диева «История города Нерехты» включает названия, бытовавшие как до пожара 1789 г., когда сгорело большинство строений Нерехты и «были одни огороды», так и после создания Н. Тихменёвым нового плана Нерехты 1781 г. Хотя по новому плану прежние улицы были совершенно закрыты и им были даны новые имена, но в живой речи нерехтчан остались звучать прежние названия, иногда конкурируя с новыми. Так, долго употреблялось название *Солдатская улица*, по плану *Новинская*, но и новое название оказалось удачным и функционирует вот уже более двухсот лет. Слово рождает определенный позитивный образ, оно ассоциируется с активно употреблявшимися в старорусском быту наименованиями важных реалий, сулящих увеличение благополучия и рождающего радостные чувства, т. е. его значение переходит из области материальной культуры в область духовных ценностей человека. Слово *новина* в костромских и других севернорусских говорах употребительно в двух актуальных для народной профессионально-ремесленной и сельскохозяйственной практики значениях: как ‘кусок холста, по В. И. Далю, длиной 30 или 22 аршина’ и ‘пашня, распаханная впервые’ [СРНГ 21: 253–254].

Завидное «долгожителство» демонстрирует и неофициальное название одного из районов города — *Егорьева гора*. Слово *гора* в костромских говорах употребляется в значении ‘любая возвышенность’, что особенно характерно для болотистых, низменных мест г. Нерехты [Неганова 2015: 155–157]. Именно это значение оно имеет и в данном названии, актуальном и до сих пор

в качестве неофициального топонима, что характерно и для разговорного стиля литературного языка. В настоящее время этот топоформант заменяет названия нескольких улиц и переулков, расположенных на возвышенности: (улицы *Кутузова*, *Тургенева*, *Грибоедова*, переулки *Кутузова*, *Нахимова* и др.). Топоним *Егорьева гора* в разных ракурсах его значения детально описан М. Я. Диевым, он же, приводя разные виды обозначения одной и той же реалии, показал место современного топонима в этой системе исторических обозначений: *Егорьевское село* = *сельцо Святого Егория* = *Егорьева гора* [Диев 1920: 93], был он предметом и наших собственных наблюдений [Горлова 2013: 413–419]. Происхождение данного топонима связывают с именем великого князя Юрия Долгорукого, якобы побывавшего в этих местах и построившего церковь в честь Святого Георгия (Егория). Действительно, церковь Святого Георгия стояла здесь до начала XVII в., но была разграблена и сожжена поляками в период Смутного времени. Так как с праздником в честь св. Георгия 23 апреля / 6 мая связывают важное событие в крестьянской жизни центральной России — начало выпаса скота, неудивительна и долгая жизнь этого названия в народно-разговорной форме. Более детальные сведения об этом календарном имени, обычаях, поверьях, обрядах, связанных с ним, см. в этнолингвистическом словаре «Русский народный календарь» [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 134–145].

Улица Зои Космодемьянской, удобно расположенная на правом берегу долины реки Нерехты, была заселена одной из первых в городе и всегда имела (и имеет по сей день) другое название — *Кисельная*, связанное, как можно предположить, с особенностями рельефа местности, которая во время разлива реки Нерехты затопляется, а когда вода сойдет, то долго не просыхает, от чего на улице образуется грязь, подобная киселю. Яркая образность слова и является причиной долголетия названия, мотивированного любимым на Руси напитком.

Надо отметить продуктивность употребления в топонимиконе старой Нерехты и ее окрестностей таких древнейших общеславянских наименований, как *село*, *деревня*, *улица*, *переулок*,

площадь, церковь, собор, река, ручей, колодец. Все это достояние как говоров, так и литературного языка употребляется как в качестве апеллятивов, так и в качестве топонимов, в то время как слова *сельцо* (*Сельцо Святого Егория*), *Селище, пустошь* (*Лихинино*), *стан* (*Нерехотский стан*), *сторона* (*Афанасьевская сторона, Борисоглебская сторона, Никольская Верхняя сторона, Зарецкая сторона*), *починок* (*Реденский починок*), *слободка* (*Мокрая слободка, Монастырская Верхняя слободка, Сергиева слободка*) являются в настоящее время архаизмами и употребительны только как топонимы (ср. *Выборгская сторона* в Санкт-Петербурге, *Селище* — костромской заволжский регион, бывшее сельское поселение при слиянии Волги и Костромы).

Своеобразный колорит городскому топонимикону Нерехты в эпоху средневековья придавали точечные топонимы — названия соляных варниц (колодцев), где добывали соль, что во многом обеспечивало процветание Нерехты как крупного ремесленно-промышленного посада вплоть до нашествия поляков, когда в 1609 г. Нерехта была сожжена, а колодцы завалены и солеварение полностью прекратилось [Памятники... 2009: 8]. Соляные колодцы (колодези, варницы), а их число достигало 25, в большинстве случаев носили славянские имена, соотносившиеся с календарными и некалендарными (языческими) древнерусскими антропонимами или другими топонимами: *Бетюк, Боброк, Бурко, Векша, Горышка, Дуброва, Дягиль, Кропива, Лошан, Медведь, Орех, Пирог, Препёлка, Саврас, Соболь, Сопыль, Чернец, Борисоглебский соляной колодец, Борисоглебский колодезь*. Все они отражают реалии данной ареальной единицы северного края и составляют характерный топонимический портрет региона [Šmilauer 1970]. В настоящее время от них не осталось топонимической памяти, и только название реки *Солоницы* напоминает о своеобразии городского ландшафта и былом занятии нерехтчан.

Обращают на себя внимание также и такие признаки севернорусских топонимов в работе М. Диева, как наличие исконного звука *о* в слове *кропива* (название варницы), наличие слов общеславянского происхождения с архаическим суффиксом *-иц* и *-ец*,

результатом III-й палатализации, задержавшихся в севернорусских говорах: *варница, улица, Троица, Бобровец* (наряду с *Боброк*), *Чернец* (возможно, *Ченцы*). Топонимы *Бобровец, Боброк, Бортниково, Векша, Глушица, Гридёвка* (река), *Гробищево, Дуброво, Дурково, Дзягиль, Кашников* (переулок), *Кашникова* (улица), *Ковалёво, Кулига, Куликово, Медведь, Орех, Пирог, Препёлка, Рамеики, Саврас, Соболь, Тетеринское*, возможно, через антропонимическое посредство связаны с реалиями и языковыми явлениями, характерными в первую очередь для севернорусских краев, но также широко распространёнными и по всей Руси.

Названия типа *Корсакова (улица), Солтаново (деревня)*, как и вообще топонимы с тюркской этимологией, в отличие от южнорусских говоров, единичны в топонимиконе северных краев, но неславянские топонимы финно-угорского, нередко и определённо мерянского происхождения, типичны именно для данных северо-западных русских территорий. У Диева есть топонимы неславянского и иногда неясного происхождения (*варница Бетюк, Бритвина улица, варница Боброк, варница Бурко, дом Додоновых, река Каревка, деревня Кибалино, варница Лошан, варница Совкова мовка, Сопыль*), но топонимы *Нерехта, Келохта, Иледам, Решма, Шартомская улица, Юлка* прочитываются как мерянские.

Все вышеперечисленные особенности говоров нерехтской этнодиалектной зоны, отражённые в топонимии г. Нерехты и ее ближайших окрестностей, свидетельствуют о ее севернорусском характере и вносят свой вклад в формирование представления об ареальном характере говоров региона.

Литература

Археология Костромского края / Под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома: [б. и.], 1997.

Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. (Настольные словари русского языка).

Горлова Т. В. Топонимия малого города Верхневолжского региона: «свое» и «чужое» (на примере названий города Нерехты) // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 413–419.

Даль В. И. О наречиях русского языка: по поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук. Из V книжки «Вестника императорского Русского Географического Общества» за 1852 г., с небольшими поправками против первого издания // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1.

Диев М. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века. Отдельный оттиск из XIII выпуска Трудов Костромского научного общества. Кострома: Советская типография, 1920.

Диев М. Я. История города Нерехты / Предисл. и подг. к печ. Т. Б. Ка-стальевой. Кострома: ЛинияГрафик, 2013.

История г. Нерехты // Костромской музей-заповедник (КМЗ), КОК-24761.

Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты: приложение к книге Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). Ярославль: ЯГПИ, 1974.

Неганова Г. Д. Узкорегionalное в названиях положительного рельефа в костромских говорах // Вестник Костромского государственного университета. 2015. Т. 21. № 4. С. 155–157.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М.: Наука, 1970.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. XI. Нерехта. Нерехтский район. Кострома: Костромаиздат, 2009.

Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996.

Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986.

Šmilauer V. Příručka Slovanské Toponomastiky = Handbuch der Slawischen Toponomastik. Praha: Academia, 1970.

Сокращения

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка.

ККОС — Картотека Костромского областного словаря. Лаборатория лингвокраеведения Костромского государственного университета.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. (издание продолжается).

ЯОС — Ярославский областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

N. Gantsovskaya, T. Gorlova. Features of dialects of the Russian North in Kostroma dialects with transitivity being outlined (in terms of toponymy of the town of Nerekhta)

The process of transition of dialects of the Russian North to ones of Central Russia is examined in terms of the dialects of Nerekhta district of Kostroma Oblast. Currently, Nerekhta dialects reflect features, on the one hand, of the dialects of Vologda-Vyatka group, while on the other hand, of Vladimir-Povolzhye group and do combine Northern Russian and Central Russian features.

Arguments for confirming interchangeability of the notions “North Russian lexis type” and “Common Russian lexis type”; as well as for confirming the theory, that the lexis type of the dialects under consideration once became a thing of the Russian literary language, are advanced in the article. What became one of the sources of establishment of Nerekhta zone lingual geographic status, was Nerekhta urban toponymicon which had emerged for centuries on the basis of landscape names as well as on the basis of nearby rural settlements’ micro-toponymy.

Keywords: Northern Russian dialects, Kostroma dialects, town of Nerekhta, linguistic geography, toponymy, micro-toponymy.

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. Н. Драчева, Т. Г. Комиссарова

«МИР ДЕТСТВА» В ЗАПИСЯХ УСТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ (на материале электронного корпуса региональных текстов «Жизненный круг»)*

Аннотация. Статья посвящена проблемам когнитивной диалектологии, в частности одному из ключевых ее понятий — диалектной языковой картине мира. Исследуются языковые средства, выражающие «мир детства» в вологодских говорах: наименования детей различного возраста, их физических, социальных и поведенческих характеристик, описания различных атрибутов детства (одежды, игрушек, болезней и др.), занятий детей различного возраста (игр, трудовой деятельности). «Мир детства» представлен в статье как часть коммуникативного пространства вологодских говоров (на материале «Словаря вологодских говоров») и как индивидуально-авторское представление о жизни деревни в литературных произведениях региональной направленности и устных воспоминаниях жителей Вологодской области (на материале электронного корпуса вологодских текстов «Жизненный круг»). Авторы приходят к выводу о том, что в данной лексике проявляются такие составляющие диалектной языковой картины мира, как идея биологического выживания человека, «наивность», утилитарность, стереотипность, экспрессивность, а также отражаются этапы включения человека в социум через восприятие и оценку его другими членами сельской общины.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке Вологодского регионального отделения Русского географического общества по проекту «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования».

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная языковая картина мира, вологодские говоры, электронная база данных «Жизненный круг».

В когнитивной лингвистике со второй половины XX в. отмечается большой интерес к вопросу изучения языковой картины мира. Этой теме посвящены труды таких исследователей, как Ю. Д. Апресян, М. М. Бахтин, Г. И. Богин, В. В. Виноградов, А. А. Леонтьев, Ю. С. Степанов, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик и др. Введенное в научную терминологию немецким лингвистом Л. Вайсгербером понятие «языковая картина мира» на современном этапе развития языкознания определяется как представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях [Попова, Стернин 2001: 68], результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества [Корнилов 2003: 112]. Являясь составной частью общенациональной картины мира, диалектная языковая картина мира имеет свою специфику, которая проявляется «прежде всего, в характере восприятия окружающего мира диалектным сообществом и в особенностях языковой репрезентации этого мира» [Демидова 2007: 68]. Одной из основных особенностей диалектной картины мира является то, что она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, характерные черты крестьянского труда, носит естественный характер. Формой проявления диалектной языковой картины мира считается устная речевая деятельность в определенных сферах коммуникации, в первую очередь бытовой. Изучению диалектной языковой картины посвящены работы С. М. Беляковой, Т. И. Вендиной, Е. М. Верещагиной, А. Н. Ростовской и многих других исследователей. Картина мира сельских жителей вологодского края также неоднократно рассматривалась исследователями лексико-фразеологической системы, словообразовательных особенностей и грамматики севернорусских говоров [Драчева, Ильина 2014; Зорина 2015; Кирилова 2010; Яцкевич 2013 и др.].

В условиях «утраты детства» в современном обществе [Абраменкова 2001; Майорова-Щеглова 2007; Мамычева 2010; Мид 1983; Шалаева 2006; Эриксон 2000 и др.] является актуальным обращение исследователей к изучению традиционных представлений о детях и их воспитании, сохранившихся в народной речи. Одну из значительных сфер диалектной языковой картины мира составляет «мир детства»: совокупность языковых средств, вербализующих круг предметов, признаков и действий, относящихся к детскому возрасту, характеристике детей, особенностям их внешнего облика, поведения, рода занятий и пр. [Борисов 2008; Русские дети 2006]. Этой же проблеме посвящены исследования многих российских диалектологов [Дети и детство 2008; Костромичева 2008; Угрюмова 2014 и др.]. На материале говоров Вологодского края проблемы вербализации «мира детства» также неоднократно оказывались в фокусе исследовательских интересов, но, как правило, в связи с решением других научных задач: изучения феномена диалектной языковой личности [Ильина 2014б], системного описания говоров [Режские тексты 2016], описания теоретических основ курса лингвистического краеведения [Ильина 2016] и др. В настоящее время представляется актуальным системное описание средств и способов вербализации «мира детства» в вологодских говорах [Драчева 2014а; Овсянникова 2012; 2014; 2015].

В качестве основного источника исследования мы обратились к мультимедийному корпусу локальных текстов «Жизненный круг» [Драчева, Задумина 2013; Драчева 2014б]. Эта база данных создается в настоящее время в Вологодском государственном университете. Корпус имеет региональную и тематическую направленность. В него включены «вологодские тексты» (устные рассказы носителей вологодских говоров, статьи местной прессы, фрагменты произведений вологодских писателей и поэтов), а также фото-, аудио- и видеоматериалы. Корпус «Жизненный круг» посвящен двум важным аспектам человеческой деятельности — труду и игре. Значительную часть корпуса составляют расшифровки записей устной речи жителей различных районов Воло-

годской области. Жизненные истории этих людей представляют собой крупные по объему, весьма разнообразные в лингвистическом отношении рассказы о своем детстве, на основании которых можно сделать вывод о том, какие аспекты «мира детства» оказываются в центре внимания людей разных поколений, что составляет в этой сфере так называемый семантический инвариант, реализация которого в текстах цитируемого нами источника обнаруживает территориальную специфику.

Период детства, включающий в себя младенчество (от рождения до 1 года), раннее детство (1–3 года), дошкольный (3 года – 6 (7) лет) и младший школьный возраст (6–11 лет), считается временем наиболее интенсивного биологического, общественного и психологического развития человека, усвоения социокультурного опыта, формирования трудовых и коммуникативных навыков [Кон 2003]. Периодизация жизни человека до достижения им совершеннолетия при наличии инвариантных периодов (младенчество, детство, отрочество, юность) в разные эпохи и на различных территориях неодинакова [Ганина 2011; Кочерова 2016 и др.]. Для обозначения различных периодов детства в народных говорах существуют специальные именованья, определяющие отнесенность ребенка к младенчеству: (*пелёнок, пелёночный, пелёничный, тётешиный* ‘младенец грудного возраста’ [СВГ 7: 23; СВГ 11: 24]) и детству в целом (преимущественно с корнем *-мал-*: *мáлка* ‘девушка в раннем возрасте’, *малолёт, малы́га, мальгá* ‘ребенок’, *малетá, малорóсье, малытьё, мальё* ‘маленькие дети, малыши’ [СВГ 4: 69–70] и др.). Информанты, отвечая на вопрос о периодизации начала жизни человека, обычно дифференцируют именованья детей по признаку пола: *Малому-то парни́чку у меня пятый годок минул. Парнишко иишо в школу не ходит, а уж с маткой ругаётся* [СВГ 7: 10]; *У сына-то паренёк да девушка во второй класс бегаёт. Большая девка ходила на вечериньы, а я ведь что? Челядёнок ештё была* [СВГ 2: 15].

По наблюдениям Л. В. Кокаревой (Сабуровой) [Кокарева 2006], в «Словаре вологодских говоров» выделяется более трехсот именованний детей / детенышей, в том числе около семиде-

сяти производных имен существительных со значением незрелости. Они называют детей вообще (*галя́да* ‘дети’ [СВГ 1: 109], *оста́точки* ‘дети’ [СВГ 6: 79], *де́тши* ‘ребенок’ [СВГ 2: 25], *робё́нчик*, *робя́тёнок*, *робя́та* ‘ребенок; дети’ [СВГ 11: 56–58]; и др.) или характеризуют их по разным признакам:

— по половому признаку (*девчо́шко* ‘девочка’ [СВГ 2: 15] и др.);

— по особенностям внешнего вида (*карапéт* ‘маленький ребенок’ [СВГ 3: 39], *малозём* ‘подросток; человек маленького роста’ [СВГ 4: 70], *пагалёнок* ‘маленький ребенок’ [СВГ 6: 116] и др.);

— по обстоятельствам появления детей в семье (*поскрё́бши* ‘последний ребенок в семье’ [СВГ 8: 6], *по́йши*, *пригу́лыши*, *при́колотыши* ‘незаконнорожденный ребенок’ [СВГ 8: 32], *па́дчерка*, *падчеру́ха* ‘приемная дочь, падчерица’ [СВГ 6: 117] и др.);

— по особенностям речевой деятельности (*зу́кало* ‘грудной ребенок’ [СВГ 1: 124], *вя́ньгун* ‘плаксивый ребенок’ [СВГ 1: 107] и др.);

— по особенностям поведения (*капри́зка*, *капризу́ля* ‘капризный человек (чаще о ребенке)’ [СВГ 3: 38], *копы́рзэ* ‘капризный ребенок’ [СВГ 3: 102], *панаго́ловец*, *па́пороток* ‘непослушный ребенок, подросток’ [СВГ 7: 5], *санапа́л* ‘шалун’ [СВГ 9: 92] и др.);

— по характерным занятиям (*кулесё́нок* ‘ряженный в святки’ [СВГ 4: 16]);

— по экспрессивной оценке со стороны взрослых (*ме́зонька* ‘младший, любимый ребенок’ [СВГ 4: 79], *роже́нко* ‘ласковое обращение к ребенку’ [СВГ 9: 63], *сотонёнок* ‘бранное обращение к ребенку’ [СВГ 10: 90] и др.).

Личные имена детей в повседневной речи жителей деревни обычно сопровождалась именованим отца или фамильным прозвищем. Так, например, уроженец Междуреченского района Василий Ардальонович Морозов (1904 г. р.) описывает свою встречу с мальчишками из соседней деревни: «*Васька-Ардашонок, как ты очутился здесь? — это мой дружок по школе из деревни Борщовки Ванька-Воронёнок... Да Санко-Крыса, тоже наш из Борщовки, да как не знать — вместе учились!*» [Ильина 2014а]. По-

добная модель именования позволяла выделить ребенка из множества сверстников, идентифицировать по отношению к его семье, сообщить о нем максимально полный объем актуальной для деревни личной информации: *Ольга наша в школе дак с Нинкой Семёнихой да с Нинкой Кашиной дружила. Нинка Семёниха, ну, Бакланова Нина, у неё отец был Семёнов Николай, на войне погиб, уж потом ейна мать за Гришу-то вышла, дак парни-то Корягины — Валерка да Колька, а Нина с малых лет дак всё Семёниха. У ней уж Юрка-муж-Бакланов лет уж пятнадцать как помер, а всё Семёниха, по деревне, какой у её Юрка фамилии был, не помнят, а отца, Кольку, дак Семёнова помнят. Вот Нинка Семёниха и есть* (Шаброва А. А., 1911 г. р.).

В рассказах наших информантов встретились также иносказательные именования детей: *Детей называют ушатик или кадушечка, маленьких, небольших. Ушатик — так мальчик, кадушечка — девочка. Вон сколько ушатиков наплодили, в народе говорят. Я — девятый, ушатик, я последний девятый ушатик. Мать богу молилась, чтоб я умер* (Иванов И. П., 1941 г. р.).

Разным этапам детского возраста в народной культуре соответствуют различные атрибуты. Воспитание младенца в основном связано с матерью (*А маленького-то звали титёшный. Пока грудь сосёт, дак всё титёшный* [СВГ 11: 24]), нянькой (обычно старшей родственницей — сестрой, бабушкой) (*Я свою сестру до шестидесяти лет нянькой звал* [СВГ 5: 116]), крестными родителями (*Я ей божаткой буду, из купели принимала. Матвей и будет мне божка, крестил меня* [СВГ 1: 35–36]). Как атрибуты младенчества в народной культуре воспринимаются укачивание ребенка в колыбели (*Проходите в избу, только я ведь ребёнка зыбаю. Вот зыбка у нас на мосту, видели? Так бабка в ней всех племянников зыбала. На качюльно повесишь зыбку-то и зыбкаешь, вот и внуцята здись были* [СВГ 2: 180–181]), пеленание (*Раньше-то туго спелёнывали, завяжут — и лежит ребёночек пелёнишной. Принеси пелёнишник, надо робёнка связать, чтобы пелёнку не спинывал* [СВГ 7: 23]), самодельные игрушки, издающие различного рода звуки (*Даве играла бабúшками, дак всё молчала*

[СВГ 1: 18]; *Была игрушка привязана — боркотушка* [СВГ 1: 39]) и др. В устных рассказах информантов неоднократно встречаются описания детских болезней (*Родимец, бывает, найдёт, так вы маленьких ребят не будитё. Оне сутки, трои поспят, потом и сами проснутся* [СВГ 9: 61]), средств защиты младенца от магического воздействия (*Пеленишных-то не больно кому кажут — как бы не озычáli. Своим, понятно, пожалуйста, а чужим — не надо!* (Мышина О. П., 1939 г. р.)), лечения детских болезней различными народными средствами (*Родимое дак отиёптывали бабки как-то: пошёпчут-пошёпчут, да и как в лицо-то ему и брызнут. Бываёт, и пройдёт* (Мышина О. П., 1939 г. р.)).

Период **раннего детства**, по воспоминаниям информантов, в основном был связан с бабушками, реже — с дедушками (т. к. родители были заняты сельскохозяйственным и др. трудом), которые прививали детям навыки самообслуживания, нормы поведения, приучали к труду (*Детские годы. Сплошное¹ безотцовщина² и улица. Взрослым надо детей накормить, а где они проводят дни и вечера, когда взрослые на колхозной работе с утра до ночи. Хорошо, что у кого из детей бабушка или дедушка. Они как-то ещё смотрят и наставляют и словом, и ремнём. А так на уме у ребят драки да хулиганство* (Шабров Н. П., 1938 г. р.)), поддерживали эмоционально, знакомили с бытовой и духовной культурой родного края (*А бабушка и говорит: «Красное солнышко моё!» Навек запомнил. Больше так меня не называл никто! Дедушка Прокопий называл ещё «тысячная головушка». И кормил сливками на скотном дворе, где был заведующим фермой* (Шабров Н. П., 1938 г. р.)). В это время становятся разнообразнее детские игрушки (*У меня брат, например, делал из полена, лошадку сделает. Делали лошадки. Из досочек тележки, чтобы лошадки возили. Всё делали самодельное* (Ожигина А. Е., 1935 г. р.)), детская одежда постепенно начинает приобретать половую дифференциацию (*Рубаха да портки, и делов-то! А совсем маленький, дак пошто портки? И так ди-*

---

¹Сплошная.

²Безотцовщина.

вья лежать в зыбке-то (Шаброва А. А., 1911 г. р.)). Информанты более старшего возраста вспоминают случаи ограничения свободы, когда родители и другие члены семьи были заняты работой и не имели возможности присматривать за малышами: *Как мы с братцом Сашой росли, в каком уходе, мы не запомнили, но только знаем, что между моей матерью и бабушкой Феклистой пошли неудовольствия из-за нас, т. к. наша мать протестовала, что мы, её дети, не собачата, и их держать на привязи она не согласна. А бабушка всё же этот метод в нашем воспитании продолжала и считала его правильным, связывая нас друг с другом на расстоянии метра кушаком, а потом кушак привязывала к бечевке длиной 10–15 метров, и наша ходьба ограничивалась длиной верёвки, и мы, два братца, путешествовали самостоятельно вокруг столба, к чему привязана была одним концом верёвка, и мы поневоле были исполнителями собачьей участи на весь период дня, когда старшие уйдут на полевые и сенокосные работы. Бабка таким образом освобождалась от досмотра за нами, у неё высвобождалось время на уход за личным скотом и курами, на варёж и заготовку пищи для семьи, и время сходить по соседкам узнать все новости по селу...* (Морозов В. А., 1906 г. р.).

Начиная с 6–7 лет ребенок начинает включаться в трудовые процессы, осваивать коммуникативные навыки, активно познает мир. В это время девочки осваивают навыки домоводства, ухода за домашним скотом и птицей, огородничества и полеводства, учатся различным видам рукоделия: *А ковды в школу-то, как надо престь? Виюшка, мачеха-та, даст куделю, дак и пряди. А лучина-та худая, видко-то худо, а ты пряди* (Струничева А. Л., 1916 г. р.). В вологодских записях представлены многочисленные описания того, что дети употребляли в пищу: *А ели всё, что было съедобно. Это дидили³, пестики⁴, травку-муравку, что на солнцепёке растёт в кошечьих лапках⁵. Так мы называли по-ребячески. А что*

---

³Дигиль — дягиль (травянистое растение семейства зонтичных).

⁴Пестик — побег полевого хвоща.

⁵Кошечьи лапки — растение кошачьи лапки.

это по-научному, и сейчас никто из нас не знает. Появилась киселка (щавель), кислица (тоже кислая травка на поскотине⁶), землянка (земляника) у лобозы (местное название болота), голубица (голубика), морошка, ягоды черёмухи, черника. И всё, что до осени съедобно! А от ягод черёмухи стягивало рот и крепил туалет. Но ничто не удерживало от желания есть! Кроме еды колоба! Это жмыхи льняного семени. Дети знали, что колоб есть нельзя. Зато было развлечение считать в кучках кала количество аскарид. У кого больше! (Шабров Н. П., 1938 г. р.). Бедность послевоенной деревни, трудности учения в начальной школе вспоминают многие информанты: Придёшь к ученикам — родители говорят. «Пошто не приходил в школу?» — «А ни одеть, ни обувь!». Ни этой одежды, ни обуви нет, дак вот как тут! Родителям хотелось, чтобы учились. И хлеба ничего не было. Потом, значит, стали уж в школе покармливать ребят, горячие завтраки сделали. А чего варить? Тоже нечего было! Вот немножко-то принесут, колобушки всякие, их всё колобушкам называли, из травы напекут, так вот не каждый ребёнок, вот как уж вынет из сумки, так вот кусает и хлебает. Всё по кусочку такому хлеба давали. А как вот перемена, дак они не бегут вот сейчас как, чтоб по партам побежать. Они вот скорее к печке. Вот уж смотришь, который уж больно озяб, одежда-та плохая, за печку. Дак уж печка всегда чистая была, не было пыли. Как толькё перемена, дак все за печку, друг к друге жмутся! Какая тяжесть была! Пусть бы вам никогда, ни вам, ни вашим детям не было этого страдания! (Игнашева К. Я.) [Режские тексты 2016: 245]; Заведующей начальной школой была Шаброва Анна Алексеевна. А по выходе на пенсию школа продолжала работать, пока ещё в сельсовете были ученики. Техничкой работала Анна Григорьевна Кочнева. Это она варила щи из картофеля и капусты, чтобы ученики что-то покушали. Дети ходили в школу ради обеда. Особенно в голодный 1947 год. Второй учительницей работала Корягина Александра Дмитриевна. Она меня учила 4е года. Потому я и вырос не оболтусом! (Шабров Н. П., 1938 г. р.).

---

⁶Поскотина — огороженное пастбище, выгон.

В рассказах многих информантов повествуется о невозможности нарядно одеться в детстве и в молодости: *Одежды были худые, конечно, одежды. Ну, не худые, грязные, не грязные, старенькое. Всё было старенькое. Что подделаешь? Конечно, что-то покупалось, но было очень трудно. Ходили мы ненарядные. А ходили все одинаково. У меня была юбка одна, а кофты разные. В одной юбке ходила, а кофты разные. И было всё ситцевое. А на гулянку-то пришла, это в ФерAPONТОВО, так худое-то платье разденешь, а хорошее-то на гулянку оденешь. А домой пойдешь — опять. А туфли-то носили, не ходили в туфлях. Всю дорогу бежишь босиком, только на гулянке оденешь туфельки-то* (Ожигина А. Е., 1935 г. р.).

Как известно, физическое, интеллектуальное, социальное и культурное развитие ребенка в значительной мере формирует игровая деятельность. В. И. Белов, описывая жизненный уклад вологодского крестьянина в книге очерков по народной эстетике «Лад», выражает эту мысль так: «Элемент игры в трудовом акте, впервые испытанный в детстве, во многих видах обязательного труда сохранялся если не на всю жизнь, то очень надолго» [Белов 1985: 106]. И хотя большинство наших информантов говорит о том, что играть в детстве им было некогда: *В основном-то, особо некогда играть было* (Пименова З. И., 1936 г. р.); *Мы тогда немного играли* (Иванов И. П., 1941 г. р.); *Нам мать надает работы всякой, так нам не до игры, не до чего* (Иванова А. А., 1943 г. р.); *Вспомнить нечего. Это вот работа, работа с утра до ночи. Так-то в деревне работы полно: огород, ходили в лес корьё драть* (Мусатова Л. И., 1953 г. р.), в их воспоминаниях сохранились названия многих народных игр. Дети предпочитали подвижные игры, например, в прятки, в лапту или в городки: *В общем, все развивали ловкость, ну, и все старались, чтобы не увальни были, занимались* (Шабров Н. П., 1938 г. р.). Дети играли в *ляпки*, т. е. в догонялки, в пятнашки (*На тебе ляпа; Побегать друг за дружкой по ляпами; Вот мы играем, шутим с друг дружкой, ляпаем такие ляпки* (Шабров Н. П., 1938 г. р.)), в *лодыжки* и *козеньки* (*Лодыжки были, козеньки. От животных лодыжки были. В лодыжки играли, в козени играли. А козени от животных, это в коленках, или лодыжки. Ели*

холоще когда. Ну вот, лодыжки выбивали, вот этим стречком, шиолкали, надо выиграть. Теперь, пожалуй, я забыл, как и играл. А играли все время и лодыжки были у каждого. А козени на улице выбивали, если попал, значит выиграл. Этот козень выиграл (Иванов И. П., 1936 г. р.). Об этой игре писал в своей книге очерков «Лад» и В. И. Белов: «Когда варят студень, то мальчишкам отдают козонки (бабки), а девочкам лодыжки» [Белов 1985: 107].

Детские игры имитируют жизнь и работу взрослых, например, строительство дома. Вместе со взрослыми дети строили во дворе детские домики. В Плахино они назывались *клетки*: *Давай, сделаем клетку. С крышей... Обычно около крылечка, чтобы бабушка видела, что мы не далёко играем в клетке. А где ребенок-то? А ребенок в клетке сидит, притихнул, играет дак* (Шабров Н. П., 1938 г. р.); *В каждой семье, там вот, делали свои эти клетки* (Самсонова Л. С., 1929 г. р.) Также встречается название *шалашка*. Внутри этих домиков шла настоящая «взрослая жизнь», готовили еду в вылепленной из глины посуде, ходили в гости: *Обеды варили... нарвешь, да киселки нарвешь. Как все и делали. Например, у тебя домик сделан, а потом и у меня. Друг к дружке в гости ходили* (Ожигина А. Е., 1935 г. р.). В. И. Белов в «Ладе» также упоминает строительство детских домиков: «...маленькие дети устраивали “клетки” где-нибудь на припеке... Подражая взрослым, пятишестилетние девочки ходили из клетки в клетку, гостились и т. д.» [Белов 1985: 185].

Уже в детстве через игру закладываются навыки будущей взрослой деятельности, игры делятся на игры для мальчиков и для девочек: *Мальчишки в куклы не играли. Мальчишки занимались, вот, делали лошадки всякие, загородки, сами с собой занимались. А мы в куколки играли. Вот чем занимались* (Ожигина А. Е., 1935 г. р.).

Девочки как будущие матери играли в куклы, сделанные из тряпок: *А мы играли в куколки. Все делали самодельное. Раньше мастерских не было, шили дома, тряпочки были — куколок нашьем, постелек наделаем. Все у нас было самодельное. Нам кукол было не купить. Во-первых — не на что, во-вторых, ничего не продава-*

лося. Сошьешь куколку, сделаешь волосики, глазки нарисуешь, да и все. Ситец-то, шили платья. Платьице сошьешь и кофточку сошьешь, глазки пришьёшь, сделаешь (Ожигина А. Е., 1935 г. р.); Тряпок-то и то лишних не было. Отрепье такое, что на отходы. Напихают, голова тут. Угольком нарисуют брови, глаза, нос, рот. А потом туловище также. А туловище, в основном набивали опилками. И руки, ноги, все самодельное было (Пименова З. И., 1936 г. р.). Игры девочек, по мнению В. И. Белова, «отличались спокойными, лирическими взаимоотношениями играющих», тогда как «становление мальчишеского характера во многом зависело от подростковых игр» [Белов 1985: 109].

Изучение языковых средств репрезентации «мира детства» в речи жителей Вологодского края на материале локальных текстов мультимедийного корпуса «Жизненный круг» убеждает нас в том, что в этой сфере находят свое проявление типологические черты диалектной языковой картины мира — приоритетность биологического выживания человека в сложных природных условиях, стремление к социальной адаптации людей в сельской общине, практическая направленность, стереотипность и экспрессивность. Лексика, относящаяся к «миру детства», занимает важное место в коммуникации жителей вологодской деревни, и до сих пор слова данной сферы пополняют картотеку «Словаря вологодских говоров». Ценные наблюдения за укладом народной жизни и места детей в ней, описанные в произведениях В. И. Белова, а также устные рассказы о детстве жителей Вологодской области обнаруживают многочисленные параллели, обусловленные общими чертами в народной культурной традиции Русского Севера. Региональная лексика «мира детства» отражает традиционное отношение к воспитанию детей, их постепенному взрослению и включению в «мир взрослых».

Литература

Абраменкова В. В. Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба? Современный ребенок в игровой цивилизации. М., 2001.

Белов В. И. Лад: очерки о народной эстетике. Архангельск, 1985.

Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Шадринск, 2008.

Ганина С. А. Феномен детства в Древней и Средневековой Руси: социально-философский анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 3(23). С. 66–71.

Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. Екатеринбург, 2007.

Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева; науч. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар, 2008.

Драчева Ю. Н. Лексическая группа «игра» в «Словаре вологодских говоров» // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль, 2014а. С. 405–411.

Драчева Ю. Н. Электронный корпус диалектных текстов в аспекте изучения динамики культурных концептов (на примере мультимедийного корпуса вологодских текстов) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. СПб., 2014б. С. 114–121.

Драчева Ю. Н., Задумина П. Н. Мультимедийный корпус вологодских текстов «Жизненный круг» как репрезентация региональной концептосферы // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера. Вологда, 2013. С. 23–26.

Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н. Представление об игре в народной культуре и его интерпретация в партворке «Куклы в народных костюмах» // Казанская наука. 2014. № 7. С. 110–112.

Зорина Л. Ю. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда, 2015. С. 30–39.

Ильина Е. Н. Записи народной речи как источник изучения диалектной языковой личности // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014а. С. 342–352.

Ильина Е. Н. Анна Алексеевна Шаброва // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области / Ильи-

на Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Вологда, 2014б. С. 75–98.

Ильина Е. Н. Идея «вологодского текста» как основа преподавания курса лингвистического краеведения // Русский язык: история, диалекты, современность. Москва, 2016. С. 21–25.

Кирилова Е. А. Сложное слово как маркер диалектной языковой картины мира (на примере вологодских говоров) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда, 2010. С. 199–204.

Кокарева (Сабурова) Л. В. Особенности словообразовательной структуры имен существительных со значением незрелых существ в современных вологодских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб., 2006. С. 132–136.

Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2003.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.

Костромичева М. А. Этапы становления ребенка: особенности именования в говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 76–78.

Кочерова А. В. Динамика изменения скорости взросления несовершеннолетних в русской культуре второй половины XX века – начала XXI века // Социодинамика. 2016. № 1. С. 190–212.

Майорова-Щеглова С. Н. Детство: противоречия и диалог культур // Интеллигенция в диалоге культур. М., 2007. С. 126–131.

Мамычева Д. И. Трансформации категорий «детство» и «взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие: научно-теоретический журнал. 2010. № 3. С. 75–80.

Мид М. Культура и мир детства. М., 1983.

Овсянникова Т. Г. «А внучок такой уж поназырь — сладу нет»: диалектная лексика, называющая детей в вологодских говорах // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль, 2014. С. 412–417.

Овсянникова Т. Г. «Умел дитя родить, умей и научить»: лексико-семантическая группа «дети» в вологодских говорах // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда, 2012. С. 229–234.

Овсянникова Т. Г. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда, 2015. С. 50–55.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта / Науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда, 2016.

Русские дети: основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов [и др.]. СПб., 2006.

Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья. Томск, 2014.

Шалаева С. Л. Детство в ситуации постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. С. 169–182.

Эриксон Э. Детство и общество. М., 2000.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда, 2013.

Сокращения

СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

Yu. Dracheva, T. Komissarova. The 'childhood world' in oral stories of the Vologda region inhabitants (on the basis of The Circle of Life electronic database)

The article focuses on the problems of cognitive dialectology and one of its key concepts, that is the dialectal language picture of the world. The authors study the linguistic means of expression of the 'childhood world' that includes denomination of children of different ages according to their physical, social, and behavioral characteristics, description of various attributes of childhood (e.g. clothes, toys, diseases), and types of children's activity (e.g. play, work). In the article, the 'childhood world' is presented as a part of the communicative space of Vologda dialects (on the basis of The Vologda dialects dictionary), and as an individual and creative perception of the village life in regional literary works and memoirs and stories of the inhabitants of the Vologda region (on the basis of The Circle of Life electronic database). The authors conclude that the regional vocabulary of childhood reveals such elements of the dialectal language picture of the world as the idea of biological survival, 'naivety', utility, stereotypes, expressiveness, as well as the stages of social adaptation in the perception of rural community members.

Keywords: cognitive dialectology, dialectal language picture of the world, Vologda dialects, The Circle of Life electronic database.

Л. А. Ивашко, Д. М. Поцепня, И. С. Лутовинова,
М. А. Тарасова, О. И. Трофимкина,
А. Д. Еськова, И. С. Кукушкина

ВЕСЕННИЙ НАРОДНО-ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ*

Аннотация. В очерке на материале русской диалектной речи сельских жителей Северо-Запада России представлено течение жизни крестьянина по времени. В хронологической последовательности описывается содержание некоторых дней весеннего цикла (с марта по май).

Ключевые слова: этнография, диалект, Псковский областной словарь с историческими данными, церковный календарь, народный календарь, престольный праздник, почитаемый святой, обряд.

ЕВДОКИЯ 1 / 14 марта

Религиозный праздник в честь святой Евдокии, первая встреча весны. В народных рассказах ее имя имеет варианты **Авдакѣя**, **Авдакѣя**, **Ивдакѣя**, а также словосочетания **Евдокеин день**, **Евдокия царица**. В памятниках псковской письменности словосочетания зафиксированы с XV в. «Тоя же зимы, на память святыя мученица Еудокѣя, месяца марта 1, и сустрѣкли на Печной избѣ въ озере и ударишася на них псковичи въ опалу на ступѣ, сторожевѣи полкъ с сторожевым полком» [Лет. III, Стр., 1480]. «А взойти намъ до тоѣ житии въ нынѣнешнемъ во 156 году на Евдокеинѣ

---

*Статья является вторым очерком из серии «Жизнь и быт русского народа в прошлом и настоящем». Первый очерк опубликован в сб. «Севернорусские говоры», вып. 15. СПб., 2016, С. 240–314. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00-213 «Псковский областной словарь с историческими данными».

день» [А. тягл. I, 1648]. «И абие люта рана прииде нанъ от бога, якоже иногда на Евдоксию царицу» [Посл. Корн.]. Про этот праздник крестьяне говорят: *Прáзьник Авдакéя — пёрвава мáрта; анí [крестьяне] сабира́юцца, уармо́шка игра́е; заветный прáзьник ад балэ́зни; лю́дям, катóрые бальны́, памага́ла. Остр. [КПОС].*

Преподобномученица Евдокия, будучи язычницей, жизнь проводила в роскоши и грехах, но, услышав случайно евангельское чтение о Страшном Суде и вечных муках, приняла крещение, раздала имущество бедным и поступила в женский монастырь. После 56 лет подвига покаяния была избрана игуменьей обители, а 1 марта 152 г., во время гонений на христиан, осуждена на смерть и обезглавлена.

С этим праздником связаны некоторые приметы: *Ивдакíя — э́та в ма́рте быва́ет день; примéта е́сть: в Ивдакíю пяташо́к до́лжэн пад застрéшкай напíцца Холм. [КПОС]; В Авдакíю, как паго́да харо́шья, то и уража́й харо́шый. Я ве́рю э́таму: каль в Авдакéю ку́рица напíюцца, Па́ска суха́я буд́я. Дн. [КПОС].*

Праздник Евдокия называют ещё **Плющиха**. *Плющиха замочи подол. Евдоки́я плющит 14 марта. Если хороший день — хорошая будет весна, плющит она к хорошей погоде. Подп. [КСРГК]; В Евдокию, если снег несёт, дак лето будет погодливо. [КСРГК]; До Евдокии соскí [сосульки] — будет весной тоски. [КСРГК].* Крестьяне называют этот праздник **Авдотья-плющиха**: *Авдо́тъя и э́сть, Ивдакíя у нас. Плющи́ха, Замачí падо́л, гаваря́т. Порх. [КПОС].* Начиная с праздника Евдокия, крестьяне кончают прясть — *прялки кидают и ткать начинают, ткём до посевных. Арх. [ДКРС].*

НИКИФОРОВ ДЕНЬ

13 / 26 марта

Ники́фор. Канонизированный святой, подвергшийся мучениям за веру. «Образъ святаго мученика Никифора» [Кн. Ямского]. *В этот день просыпаются медведи, — говорят пинежские крестьяне. Арх. [ДКРС].*

ОЛЕКСИЙ 17 / 30 марта

Древний христианский святой, особо почитаемый на Руси за самоотверженность, бескорыстие и доброту. Пинежские крестьяне говорят: *Алексеев день триццáтого марта. Алексей — Божий цэловек к родителям пришёл да его за странника прýняли, он и ўмер пот крыльцóm.* Арх. [ДКРС]. А в Пскове в XVI в. была построена церковь Человек божий Олексей (Лексей): «Начаша [литовцы] ко граду копати великие борозды от своих станов по большой по Смоленской дороге к Великим воротам, к человеку божию Олексею, таже от Лексея к городу» [Пов. прихож. Батория].

Природные изменения также крестьяне связывали с Алексеевым днем: *Алексеев день, теплúна дáсти три дня, тогда мороза не будет. Если не дас, то морóс три нидéли будет.* Гд. [КПОС].

МАСЛЕНИЦА

Масленица является переходящим, или подвижным праздником, как и весь цикл, связанный с Пасхой. Она празднуется на неделе, предшествующей началу Великого поста, и часто приходится на февраль. Это праздник проводов зимы и встречи весны, в масленичной обрядности сочетаются языческие и христианские элементы.

В народной речи, кроме общеизвестного наименования *Мáсленица*, используются *Мáслена*, *Мáсленка*, *Мáсленая* (Маслёная, Мáсленичная) *недéля*, *Блúnная недéля*, *Молóчница*, *Мáсленица-блúnница*, *Мáсленица-жигáльница*, *Гулýщая недéля*. Эти названия связаны с тем, что в Масленицу уже не ели мясо, а употребляли только молочные продукты: *В Мáсленицу éли тóлько малóшная, мýса ни éли, был грех исть мýса, éли блинý, éта такáя нидéля Блúnная.* Пыт. [КПОС]; *Твóрагу накопиш, мáсла накопиш, а патóm éли на Мáсляную.* Остр. [КПОС]; *Ф сырапúстную Мáслиничную нидéлю нáда есть малóчнае.* Дед. [КПОС]; *Мáсляная нядéля — мяснóя ня еш.* Пуст. [КПОС];

Масленица — жигальница — ёли толька масла; да пятницы [перед Масленицей] ёли мяса, а патом масла, тварок, неделя — Масленица. Себ. [КПОС]; *Так и завут проста — Масьленица, а ешиё Масленица-блинница* Печ. [КПОС]; *Сугрива [оттепель] зимой, ин гот живёт на Молочице, Великий пост потходит.* [КПечОС].

Главным обрядовым кушаньем на Масленице были блины. Круглая форма блина символизирует солнце — источник жизни. (Кстати, форма круга выступает и в других элементах масленичных обрядов). *На Масленицу блины пякли — ёта абычай такой у народе: мажут маслом, вареньем.* Вл. [КПОС]; *На Масляной мяса ни ёли, блины пекли каждый день.* Сер. [КПОС]; *В Маслину блины.* Порх. [КПОС]; *Блины пекли на Масляну, большё фсе гуляли.* Беж. [КПОС].

Масленица широко празднуется во всех деревнях, называют ее масленица-блинница. Устраиваются ярмарки, гулянья, праздничные застоля с обильным угощением: *Маслёные гулянки на Масленицу.* Себ. [КПОС]; *В Масленицу гулянья, базар были, на Масленицу блины пекли.* Пуст. [КПОС]; *Фсю неделю игришиё [гулянье молодежи с песнями, плясками] на Масленицу.* [КПечОС]; *Шутачкам хадили, переаывались нишишими, бабирахами.* Н-Рж. [КПОС]; *Гуляшиша неделя, гуляют фсе дни перет постом, фсю неделю в марте месяце, гостяцца, друг г друшке ходят.* [КПечОС]; *Зайдут на горку и песню масленую играют.* Вл. [КПОС]; *Бываль пёли: «Пратянися, Масленица, съ Христовъ дни дъ Пятровъ дня».* Стр. [КПОС]. В одной из песен, записанных на Псковщине в начале XX в., отражены элементы праздничного угощения: *А мы Масленицу повстречали, сыром гору набивали, маслом гору поливали, на широк двор заывали да блинами заедали.* [КПОС].

Если в доме были молодожены, по традиции теща приглашала молодого зятя в гости и угощала блинами: *Зять к чошишы на блины на Маслину приежжал.* Печ. [КПОС]; *Зять пришол к тешише блины есть.* Гд. [КПОС]; *Тешишины блины на Маслины нидели, на эту ниделю приглашают зятёй.* Остр. [КПОС].

Раньше каждый день масленичной недели имел свое название. Сейчас эти названия забываются. В псковских говорах наименования отдельных дней документированы лишь записями начала XX в.: *За́игрыши* — вторник, *Ла́комка* — среда, *Золо́вкины посидёлки* — суббота. *Широ́кая (Больша́я) Ма́сленица (Ма́слена)* — часть праздника с четверга до субботы: *Ф четвёрк гаваря́ть: «Атваря́й варо́та шы́ре, фстреча́й Шыро́кую Ма́сленицу»*. Оп. [КПОС]; *С четверга́ да субо́ты — ёта Большо́я, Шыро́кая Ма́сляница*. Нев. [КПОС]. Это наименование может переноситься и на всю масленичную неделю: *Шыро́кая Ма́сляница, и́ли Большо́я, — тако́й пра́зник: пою́т, гуля́ют. А па́том наступáит пост*. Кр. [КПОС]; *А у нас Шыро́кая Ма́сляница, её так заву́т: ана ва фсю няде́лю бывáит — вот и шыро́кая*. Кр. [КПОС]; *Больша́я Ма́слена фсю няде́лю*. Пушк. [КПОС]; *У́зкая Ма́сленица* — последний день Масленицы: *Фсю ниде́лю гуля́я, а пасле́дний день называ́ю ўска Ма́сляница, фси до́ма сидя́т*. Гд. [КПОС].

Самым распространенным и любимым масленичным развлечением было катание на лошадах: *Бывáла, Ма́сляная — ка́жнный запря́ёт ло́шадь, цэ́лый день ката́ющая*. *Бывáла, ёдут — шарки́, ашэ́йники набря́кивают на лаша́дях*. Порх. [КПОС]; *А в Ма́сленицу бывáла три дня ката́емся по дере́вне. Севóдня на одно́м, за́фтра на друго́м коне́*. Дн. [КПОС]; *В Ма́слиницу ката́лись. Запря́ём лашаде́й, ко́сы запля́тём коню́. Ма́слинка, пра́зник*. Гд. [КПОС]; *На лоша́дях катались на Масленку*. Подп. [КРСГК]; *Катались на Ма́сленку на конях, молоде́жь ката́лась, в два ря́да катались, снегом ро́ют, снегом кидают*. Тихв. [СРГК]; *В Ма́слиницу-то ёдем ката́цца вот на о́зира, пра́ма по́ес сабире́тца лашаде́й*. Гд. [КПОС]; *В Ма́сляницу кáтка; запря́жом лша́де́й и ката́емся*. Пск. [КПОС]. В некоторых местностях катание устраивают по кругу: *А на Ма́сляну на лаша́дях вы́яжжали на крук, на льду о́зера круго́м*. Оп. [КПОС]; *Ката́лись на Ма́слиницу, устра́ивали такие́ мяста́, катки́ [круглые площадки для катания на лошадах]*. Локн. [КПОС].

Конь — символ плодородия, катание на Масленицу связывают с будущим урожаем: *В Ма́слину ката́цца на лаша́дях, што́п*

лѣн длиннѣй был. Оп. [КПОС]; *Прѣкатіица в Мѣсленицу — дліинный лѣн уродіица*. Порх. [КПОС]; *Рябѣта на Мѣслину катѣюцца, штобѣ лѣн лѣчишэ рос*. «Ну катѣйтесь, лѣн буде длиннѣй!» Беж. [КПОС]; *Штобѣ лѣн рос, дають лошадей катацѣ ребѣтам*. «Лѣн-лянок, урадист заластист, шэлкавист!» — вот так кричат. Палк. [КПОС].

Молодежь и дети катались с горок на санках или простейших приспособлениях для катания — досках, корзинах, решетках с подмороженным или покрытым слоем льда низом, обычно перед этим намазанным навозом — **ледѣнках, ледѣнках, говнѣнках**: *На Мѣслиницѣ на чом токѣ ни катѣлись: и нѣ дравѣнкѣх, и нѣ лѣдѣнкѣх, на дѣскѣх — вѣселѣ былѣ*. Сош. [КПОС]; *Стѣрую карзінку вѣзмѣи, аблѣиш карѣвѣим гавнѣм, вадѣй абальѣи, сѣдиш и паѣдиш пад гѣрку, вот ѣта лѣдѣнка*. Остр. [КПОС]; *Пат сѣнки лѣдѣнки бѣли паделѣны, па урѣам катѣлись на Мѣслиницу; мушишѣны зберѣцѣ на дарѣуу с уклѣнчыкам, так накатѣю уѣру, што прѣйти нильзѣя*» Нев. [КПОС]; *Дровѣишкѣ — санкѣ с полѣзѣями, лѣдѣнка из двух досок, залитых лѣдом*. Подп. [КСРГК]; *На Мѣсленицу катѣлись на лѣднѣх. Вырубѣли лѣд, но чтобы яснѣц один, без тѣмного, под цвѣт снѣга*. Осташ. [КСелигер]; *На лѣдѣнку, бѣвѣла, сѣдѣиш и вниз*. Волх. [КСРГК]; *Мѣсленицу фстрѣчѣли, такіи небѣльшѣнѣкии в рѣшетѣ катѣлись, гавнѣнки назывѣлись, анѣ бѣжѣйт как вадѣ в вирѣ, круѣтицѣ*. Тор. [КПОС]; *А нам, дѣвушкѣм, на Мѣслѣницѣ такіи гавнѣнки дѣлали: рѣшатѣ, а ѣкала карѣвѣе гавнѣцѣ, и кѣтишѣся*. Тор. [КПОС]. Устраивали и специальные горки: *На Мѣслиницѣ слѣзи дѣлали: жѣрдѣны бѣльшѣе срѣстѣят, стѣнем в лаптѣх и кѣтимѣся адѣн на друѣгѣва [съѣзѣжая на ногах]*. Тор. [КПОС]; *На сѣнках катѣлись, Мѣслѣнка когдѣ ле; столбѣй постѣвѣят, на столбѣх мѣтицѣ [брѣвна, плахи], водѣй зальѣют, фсѣ залѣденѣет*. [КПечОС].

Из других развлечений можно назвать еще игру в мяч, сделанный из лыка, — **шелѣчу**: *А рѣнѣшѣ на Мѣслѣницу из лыка дѣлали мяч такѣй, как фудбѣльный, и ганѣли фсѣй дѣрѣвнѣй*. Холм. [КПОС].

Завершает праздник сожжение Масленицы — чучела, символизирующего уходящую зиму. Чучело делают из тряпок, мешков, отходов после обработки льна, старых веников, всякого мусора или привязывают на высокий шест пук соломы: *Масленицу обы́чно на плóщиади жгли; посре́ди поста́вят и жгут, прогоня́ют зиму́ и фстреча́ют весну́.* Порх. [КПОС]; *Зэберу́ть быва́ла атрёпки ды кастру́ льняну́ю — такую́ ма́слиницу ско́мкають.* Нев. [КПОС]; *Ма́сляну жгли; насабира́я рябятíшки на дярэвни вэникаф, а тут где-нибудь бо́чку ат каво́ украду́ — вот тудá фсё и ёзда жэчь ма́сляну.* Сл. [КПОС]; *«Праши́а́й на́ша Ма́сленица» — бе́гают [дети] о́кол Ма́слены.* Печ. [КПОС]; *В Маслену неделю́ жгли ма́слену, собирали дрова́ и веники ставили.* Фир. [КСелигер]; *Идем на гору ма́сленицу жечь, ма́сленицу делали́ из дроф, разводили костер и сжигали.* Пен. [КСелигер]; *Ма́слиную жгли — пукí с салóминай на пáлку надéниш, и жгли.* Беж. [КПОС]; *В Ма́сленицу ма́сла жгли: свя́жут ба́льшой пук салóмы и за́жгу́т, гарíт ма́сельца на ли́пинке.* Палк. [КПОС]; *В Ма́сляну жгли ма́слену и ходили по всей деревне собирали баи́маки берёзовы, бо́чечки из-под керосину, с-под дёгтю, возили за деревню, возьмут всё на большую́ жердину́ и сожгут.* Бат. [КСРГК].

В масленичном костре часто используются колеса. Колесо — символ круговорота жизни. *Ста́вили вы́сокую-вы́сокую ель. И вот на эту ель, на са́мую маку́шечку ста́вят калисо́, падыма́ют, в э́та калисо́ налива́ют дёгать, за́жыга́ют — Ма́сленицу жгут.* Холм. [КПОС]; *Ма́слиница была́, мы на гарé жгли калёса тра́ктарныи.* Стр. [КПОС]; *Пайдём и бу́дем калясы́ ат тялэк жэч.* Пыт. [КПОС]; *Мы Ма́сленицу пели на горы, колец резиновый брали, жгли.* Тор. [КСелигер].

По православному календарю последний день Масленицы — **Прощёное воскресенье, Прощёный (Прощальный) день, Прощальное воскресенье**, когда все перед началом Великого поста просили друг у друга прощения за вольно или невольно причиненные обиды: *На Ма́слинце — праи́ча́льный день. Вот в васкрясе́нья с я́рманки кто дамо́й приходи́т, ужэ праи́ча́льный день.* Палк. [КПОС]; *Ф паслённый день за́гавены, праши́а́юца,*

цалу́ющая, праши́энья прóсють. Н-Рж. [КПОС]; В Бальшю́ю Ма́сляницу ца́лава́лись, праши́а́лись. Гд. [КПОС]; Сасéт с сасéдам праши́а́лись. «Праши́а́й», — и фсе пла́чуть, убнима́ютца. «Прасти́те, мо́же вся́ко, што случи́тца, так прасти́те меня́» Печ. [КПОС]; А в васкрисéнье праши́а́ющая, што Бох тибя́ прасти́. Пушк. [КПОС]; Ф кану́н помолíлась, ф Срéтенье разбíлась, а ф Проши́енный день така́я стра́шная боль подошла. Порх. [КПОС]. На Селигере крестьяне рассказывают: Под вечер в прощальное воскресенье зять запрягает лóшадь на саночках по деревне кататься, а ребята холостые дорогу загородят: давай, дескать, шалыму. Пара молодая поставят вина, а то возьмут санки оковыльнут — надо платить шалыму́ за дéвку. Увёл у нас-то дэвку. Потóм идúт старúшки и ба́бы по деревне хором. [КСелигер].

В Прощёное воскресенье ходили на кладбище, носили блины на могилы: *На Ма́слинай праши́а́исся, на кла́дбишиша хадíли. Беж. [КПОС].*

ДЕНЬ СОРОКОВ, СОРОКИ СВЯТЫХ

9 / 22 марта

Религиозный праздник в честь сорока мучеников. Это была дружина храбрых воинов-христиан. Всех их жестоко мучили и убили за христианскую веру. В этот день ожидается прилет птиц. На день памяти сорока мучеников делают мучные изделия в количестве 40 штук — пекут из теста сорок птичек. Эти булочки были маленькие, без начинки, назывались **сóроки**, **жа́воронки**, когда тесту придавали форму птички, вставляли глаза-изюминки. В псковских говорах эти булочки называли **комбы́** [Лутовинава 2017], **клёцки**. Это комок теста, внутрь которого запекали денежку: *Запяка́ли туда́ капéицку — каму́ пападе́цца, таму́ сеф начина́ть. Локн. [КПОС].* Иногда делали шарики из теста, закладывали туда монету, уголек или жито. Называли шарики клёцками, их варили в кипятке. Они также являются обрядовой едой в день сорока мучеников: *Ф Сóраки катáют таки́и каты́шкí, клёпки. Зака́тываиши туда́ капéичку и у́галь, и жы́та.*

Примячают люди, жбита г жытью, а угаль, ну памрѣш, а капѣйка к шийастью. Н-Рж. [КПОС]; Клѣчки пикют на Сороки святых. Пск. [КПОС]; Клѣчки, хош камы жэ. Беж. [КПОС].

Псковские крестьяне отмечают, что комы, клѣчки варят, пекут и тогда, когда кончают сев: *Кагда засеют, то дѣлают камы, клѣчки.* Локн. [КПОС].

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

25 марта / 7 апреля

А двѣццать пятава марта Блауавѣшиенье, бальной прѣзник, ф кругу, если прѣзник небольшой, так он ни ф кругу. Дед. [КПОС]; Черес няделю апятъ жэ Блауавѣшиенье — эта кауда Марѣя, мать Иисуса Христа, лежала у кутѣ и была мертвѣ и аджыла. Нев. [КПОС]; Седьмово апреля Благовѣшиѣнский день и в этот день никодѣ не надо ничегѣ начинѣть, скот не выпускаѣм. Это до сих пор поддѣрживаѣца, скотѣ вот ни выпускают, пахѣть выижѣть нильзѣя, — так рассказывают крестьяне в Архангельской области на Пинеге [ДКРС]. А вот на Псковщине начинали готовиться к севу: Блауавѣшиенье, как пауѣда будит, бывѣла начинѣют паля фспѣхивать, кали снеу далѣй. Пуст. [КПОС]. И даже начинают сеять, и к этому дню пекут специальный хлеб, крестьяне называют его **орѣльный хлеб**: Блауавѣшиенье сеѣли, хлѣпцы привѣзывали к сѣвнѣ. Ф кавѣ есть распѣтьѣ мѣнное или ствѣрцы — натѣсня хлѣп. Так вот фсе ядѣт этѣт хлѣп пѣрет паханѣем. Печ. [КПОС]. Иногда такая выпечка называлась **барышка** или **какѣра**: В Блауавѣшиеньѣ пѣкутъ барышку, пирѣк аржанѣй. Сл. [КПОС]; Напѣкутъ на Блауавѣшиенье какѣры и кладѣт ф клетѣ в зернѣ, а кагда пайдѣт на пѣшню, даѣт эту какѣру пахарѣу и лаиѣтке. Ана барышѣчка служѣная, ф цѣркву схѣдят, атслужѣат. Вся выпечка была без сѣобы. В Блауавѣстьѣ (так называли Блауавѣщени)] пѣраги на вадѣ. Порх. [КПОС].

Никакую работу в этот день делать нельзя. Это прѣзничнѣй день. Кто нарушаѣт, того Бог может наказѣть. Арх. [ДКРС]; Дак говорѣят и седьмого апрѣля девѣца косѣ не плѣтѣт, молода молодѣца ришѣтѣ ни бирѣт, пѣтица гнездѣ ни вѣт. Арх. [ДКРС].

БОРИС, КОНЕВИЙ БОРИС, БОРИС КОЖАТНИК

2 / 15 мая

Религиозный праздник в память перенесения мощей благоверных князей Бориса и Глеба. *Борис в маю, ни знаю, какова числа, вёрна в начáli, прázник.* Дед. [КПОС].

Борис считался покровителем лошадей: *А на Барис бабушка чатыри яйца сваре: у каня чатыри наги — и чатыри яйца, ат наге па яйцу, эта был их прázник, каневий Барис.* Беж. [КПОС]; *Борис — на конях бывала ни работали, каневий прázник; яна ниделя халодня, бывала морныи, худыи кони дажы прападали.* Н-Рж. [КПОС]; *Коньский прázник — на канях ни работали никагда, а люди работали сами сабой. Лашадя гуляли, хоть пахата, уи весна, фсе равно гуляли.* Оп. [КПОС]; *А Барис Кажатник, конский прázник, да Бариса камароф нет; Кажатник патаму што у коней кожа.* Вл. [КПОС]; *Борис — эта лашадей ф поле выпускают.* Вл. [КПОС].

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

23 апреля / 6 мая

Религиозный праздник в честь святого великомученика Георгия.

Одним из подвигов святого Георгия является спасение от смерти африканской принцессы. Около города Верита в озере поселился огромный кровожадный змей, жертвами которого становились дети жителей города. Настал черед принцессы, но в самый критический момент появился Георгий на белом коне и пронзил змея копьём.

В народной речи этот праздник носит названия *Егорьев день, Егорий день, Егорий, Егорье, Егорий весенний (вешний), Егорье весеннее (вешнее), Юрий*: *Егорье вешнее, была такое дела, што змей нарот пражырал, ф честь пабеды этава цэлавэка.* Порх. [КПОС].

В народном сельскохозяйственном календаре это первый день выгона скота на летние пастбища (святой Георгий являл-

ся покровителем рогатого скота): В Ягóрий вы́ган ската́ дѣлали. Дн. [КПОС]; Ягóрий день вясной придѣт, и ф поля выганя́ли. Гд. [КПОС]; Выгулки — на выгон в Егóрьев день скот гóнят [КСелигер].

В этот день скот кормят кусками обрядового хлеба или орешками из теста: Балáпка, э́та пяку́т к пра́знику, ико́нка там накрыва́еца, прило́жат её и ф пѣчку, штоп скот вѣлся, патом скати́не разла́мывают, пад Ягóрьев дѣлают э́та, шэсто́ва ма́я. Н-Рж. [КПОС]; Быва́ла, в Егóрий день спяку́ть крúглую балáпку. Беж. [КПОС]; Оре́хи, э́то дѣлали в Великий четверг из теста; ложи́ли коровушке, на Егорьев выпускали коров и давали корове орешек, чтоб́ домой ходила корова. Бат. [КСРГК]; Хлебцы́, что коро́ве скармливают, называем па́почки. Пест. [КРСГК]; Тагда́ [в день Егория] яй́ца в падварóтню зака́пывали — там на ско́лька-та дней. Вазьму́ть, где скати́на уходя́, — вот так пы́д навóзик, пы́т салóмку, палóжа. Вот скати́ну выгоня́иш, так вот на э́тим яй́цам. Пы́т. [Песни Пск. земли].

К этому дню красили яйца, обычно в желтый цвет, клали в решето или в лукошко, туда же — хлеб, зерна ржи, клочок шерсти, и со свечой или с иконой обходили скот, чтобы он на выпасе становился упитанным, чтобы отрастала шерсть на овцах: Хазя́ин вазьме́ в лукно́ фсы́пле жы́то. Ну, палóжыт туда́ па́ру яе́ц и ико́нку. А тут ла́данец, палóжут там ф каре́ц како́й-та и угалько́ф кинут. Вот хазя́ин апхода́, жы́тцэм кидая́ э́тай скати́ны, куря́там там кине́ жы́тца. И вот каню́ — найде́, в жо́лап мале́нька киня́. И вот пайдѣш — абайдѣш скати́ну с сывне́й с э́тай, а я пайдú с карецко́м, с дымко́м — э́ту фсю скати́ну. Тада́ э́ти угальки́ в навóзную кúцу затопчэиш. Пы́т. [КПОС]; Ягóрий, э́та апхода́ют скот, штоп не балѣл, ф хле́у иду́т, яй́чки кра́сят, штоп скот не балѣл. Вл. [КПОС]; В Ягóрий яй́ца кра́сют жо́лтым, а ф Па́ску кра́сным. Кр. [КПОС]; В Ягóрьев день яй́чки жэлты́т, кто лу́кэм, кто кра́скэм, кто крапíвэм. Остр. [КПОС]; В Ягóрий яй́чки липко́м [отвар березовых почек] кра́сили жо́лтым. Беж. [КПОС].

На выгоне служили молебен, обходили скот с иконой или свечой, иногда даже стреляли над скотом, отгоняя возможные беды. Гнали скотину ветками вербы, хранившимися у иконы с Вербного воскресенья или специально освященными в церкви. Потом эти ветки оставляли на засеянном поле, чтобы хлеб хорошо родился: *В Ёгорьѣф день бѣла багаслужэнья над скатомъ*. Пск. [КПОС]; *Скати́ну выганя́ют пе́рвый рас ф по́ле в Егори́й, ра́ньше с ико́най вывади́ли, стреля́ли навѣрх ската*. Беж. [КПОС]; *Скот усѣ выганя́им у́трам, з ве́рбай, з бо́гам [иконой]. Бог, пала́те́нцэ тако́е, риша́то, там зерно́, яи́чки палóжэны, и на руку́ вазьме́и, и апхóдют кругóм три ра́за карóф*. Себ. [КПОС]; *Три ра́за карóф абайдúт, вѣ́стрел де́лают с рúжэ́й*. Себ. [КПОС]; *А ён стря́ляит, што́п валки́ ни подвѣ́шли к скату́*. Нев. [Песни Пск. земли]; *Выганя́ют скати́ну и три ра́за с ико́нкой э́тай абайдúт; хлеп, иконку, зёрна так ќину в реи́шэто, што́бы Бох спас скати́нку, што́п прапа́жэк не́ была*. Порх. [КПОС]; *Ягóрьѣф день, э́тат ат ската́, выганя́ют карóф, лаиша́дѣй. Авѣ́ц и абно́сят, бяру́т ико́ну и идут крúгам, абно́сят на вастóк*. Н-Рж. [КПОС]; *С ико́най [па́стух] абно́сать, к со́нцу памóлитца, а яму́ па́ра яи́ц с ка́жнава до́му*. Вл. [КПОС].

Празднование дня святого Георгия называлось **Егóрьевщина** (Н-Рж. [КПОС]). Праздновать начинали уже на выгоне: *Ягóрий быва́ить шастóуа ма́я, ф по́ли выуа́няють, тагда́ там ба́бы уарѣ́лку пьють, карóвак пасу́ть*. Нев. [КПОС]; *Ба́пские ю́ры, кауда́ ба́бы юря́ть, пля́шуть, пе́сни иура́ють, на Еуóрий день быва́ють*. Вл. [КПОС]. Готовили праздничные кушанья: *Ягóрия справля́ли, вари́ли кисе́ль, па́таку вари́ли, блина́м мака́ть*. Стр. [КПОС]. К праздничному столу подавалось и спиртное. Такое застолье называлось **подóйники (рога) замáчивать, корóв подмыва́ть**: *В Егóрий провóди корóф ф по́ле, дава́й подóйники замáцывать, пья́ные, поха́бные пе́сни пою́т*. Гд. [КПОС]; *Кагда́ ф пе́рвый день карóф выганя́ть, то рага́ замáчивали, э́та типе́рь скла́тчина, што́п рагави́ки не рассу́хались*. Ляд. [КПОС]; *Пиряд Ягóрьем саби́раю́цца усѣ ба́бы. Усю́ ночь пьють и гуля́ють, и пля́шуть. Э́то карóф па́дмыва́ть называ́ецца. Гарѣ́лачка́й па́дмыва́ють. Пьють*

гарéлачку да пляшуть, да танцують, да пра Ягóрия играють. Нев. [Песни Пск. земли].

Этот день считался праздником пастухов: *Кóнихи справляли Барíса, а Яуóрия — пастухí.* Себ. [КПОС]. Пастухам на выгон приносили крашенные яйца, яичницу или другое угощение: *Выгонные яйца пастухам всегда несут, все несут по два яйца, после Паски Егорий на шестой день, потому яйца.* Тихв. [КСРГК]; *Нясú пастухú яéшню.* Н-Рж. [КПОС]; *Яйца пастухám нóся, кáждая бальшúха ляпёшку нóся пастухám.* Пушк. [КПОС]; *Пастух абайдёт стадо с иконой, а мы его наделяем кто что: кто деньги, кто яички, но обязательно хлеб.* [КСелигер].

Появление травяного покрова и в связи с этим — возможность кормить домашний скот на выпасе отражены в пословицах: *Егóрий ис-пот спúда зéлену травú выгоняет* Гд. [КПОС]; *Как в Евдокéи кúрочка на úлочке напёёца, так в Егóрьев день барáшэк наёсца.* Гд. [КПОС]. В песнях призывают святого Егория (Юрия) отомкнуть землю, чтобы появилась роса и росли травы: *Святóй Ю́рий, бя́ри ключи, иди́ атамни́ зямлú, пусти́ расú на фсю вясну́.* Себ. [КПОС]. В обрядовых песнях святой Егорий выступает как охранитель пасущихся стад: *Ю́рья-Ягорья каров запасая.* Нев. [Песни Пск. земли]. Погода в этот день определяет особенности посева яровых культур: *Кагда́ в Ягóрий марóс, тада́ паши́и в балóти авёс, тада́ и на сырóm мёсти в́ырастетъ.* Вл. [КПОС]. В этот день появляются змеи: *В Егории́ день гадья́ вылезает, выплывáют.* Медв. [КСРГК].

В Псковской летописи отмечено народное название этого дня: «Того же лѣта погорѣ Изборскъ весь на Егорьев день, веснѣ». [Лет. I, 1513 г.].

ИВАН БОГОСЛОВ (ИВАН)

8 / 21 мая

Религиозный праздник в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова: *Случилося падение скота, так и позавéтились Ивана Богуслова праздновать.* [КСелигер]; *Мáла кагда́, шта в Ъвán нет дажжá.* Беж. [КПОС].

В исторических памятниках это название встречается лишь в наименовании церкви: «Поступился я [Осипъ Фалелѣвъ] Ивану Богослову въ Костельемковъ монастырь... своею нивкою и поженкою вѣчно...» [Зап. поступная].

НИКОЛА (МИКОЛА), ВЕСЕННЯЯ НИКОЛА, НИКОЛА (МИКОЛА) ВЕШНЯЯ, ЛЕТНИЙ (ЛЕТНЯЯ) НИКОЛА (МИКОЛА)

9 / 22 мая

Религиозный праздник в память перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в город Бар.

После Ягѳрья Микѳла Беж. [КПОС]; *Ярманки бы́ли на Никѳлу два́ццать фтарѳва.* Пыт. [КПОС]; *У Микѳлу хадѳли у цѳркафѳ, этѳ нидѳли чирис три пѳсли Пѳски.* Пуст. [КПОС]; *Лѳтнѳва Никѳлу прѳзнавали в маѳ.* Пушк. [КПОС]; *Я дѳмаю, в маю Лѳтнѳя Микѳла.* Дед. [КПОС]. В народном сельскохозяйственном календаре — это время посева яровых культур, льна: *Висѳннѳя Никѳлая дѳвѳтава маѳ, у этѳ вре́мя ужѳ па́шнѳа бы́ла, се́яли яравѳе.* Пуст. [КПОС]; *С Никѳлы се́ют лён.* Аш. [КПОС]; *Овѳс се́ю весно́й, ѳколо Микѳлы Ве́шней.* Гд. [КПОС]; *Микѳла на межѳх ходѳть, жѳто правѳть, камны вставѳять.* Себ. [Песни Пск. земли].

ПАХОМ

15 мая / 28 мая

Религиозный праздник — день преподобного Пахомия.

Два́ццать васѳмоѳ маѳ Пахо́м назывѳлся. Кр. [КПОС]. Это время посадки огурцов: *На Пахо́м сажѳют агури́ы.* Локн. [КПОС]; *Пахо́м-тѳ наслѳднѳй де́нь агури́ы сажѳли.* Беж. [КПОС]; *Пахо́м агури́ы бяре́т мяхо́м. Пахо́м — наслѳннѳй сѳт агури́ѳф.* Беж. [КПОС].

НИЛОВ ДЕНЬ

27 мая / 9 июня

Религиозный праздник в честь преподобного Нила Сорского. Нил постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, несколько лет провел в монастырях на святой горе Афон и в Константинополе. Вернувшись в Россию, основал скит с уставом по образцу афонских монахов на берегу реки Соры, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. *Нил Сталабѣнский, святой такой на Жыжыцкам пагості жыл, девятава іюня прѣзник Нілаф день.* Вл. [КПОС]; *Абяишіаю Нілу припадѣбнаму малѣбин атслужыть.* Тор. [КПОС].

Литература

Лутовинова И. С. Комы прилетели // Вестник Костромского университета. 2017. Т. 32. Специальный выпуск. С. 111–112.

СОКРАЩЕНИЯ

Картотеки и архивы

- КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». МСК им. проф. Б. А. Ларина, СПбГУ.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей». МСК им. проф. Б. А. Ларина, СПбГУ.
- ДКРС — Архив «Духовная культура Русского Севера в народной словесности», рукопись. Филологический факультет СПбГУ.
- КПечОС — Картотека «Словаря русских говоров Низовой Печоры» (Вып. 1–2, СПб., 2004–2005).
- КСелигер — Картотека словаря «Селигер. Материалы по русской диалектологии» (Вып. 1–6, СПб., 2003–2013). МСК им. проф. Б. А. Ларина, СПбГУ.

Словари

- ПОС* — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016. (издание продолжается).
- СРГК* — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

Источники

- А. тягл. I* — Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895. С. 5–51, № 5–7, 9–38, 40, 42, 44, 46, 48, 50. 1627–1649 гг.
- Зап. поступная* — Поступная запись торгового человека Осипа Фалева посадника на ниву и поженку // ТПАО. 1910–1911 гг. Вып. VII. Псков, 1911. С. 93–94. 1612 г.
- Кн. Ямского* — Памятник псковской старинной письменности «Домашняя книга псковитина посадского торгового человека Н. И. Ямского»: (Материал для ист. губ. г. Пскова) / К. Евлентьев, изд. Псков, 1873. С. 3–18. до 1726 г.
- Лет. I* — Псковская первая летопись // Псковские летописи / Изд. А. Насонов. Вып. I. М.; Л., 1941.
- Лет. III, Стр.* — Псковская третья летопись // Псковские летописи / Изд. А. Насонов. Вып. II. М., 1955. Строевский список. С. 78–250 (л. 1–238 об.), 1556–1567 гг.
- Пов. прихож. Батория* — Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Русские повести XV–XVI веков / Пер. Б. А. Ларина. М.; Л., 1958 г.
- Песни Пск. земли* — Песни Псковской земли. Вып. I. Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. Л. Мехнецов, 1989.
- Посл. Корн.* — Послание Корнилия, инока Снетных горы, к сыну его, попу Иванну, хотящу второму браку сочетатися // Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. Чтения ОИДР. Кн. IV. М., 1908. С. 527–532. Рукопись XVII в.

Сокращения географических названий

- Арх. — Архангельская область
Аш. — Ашевский район Псковской области
Бат. — Батецкий район Новгородской области
Беж. — Бежаницкий район Псковской области
Вл. — Великолукский район Псковской области
Волх. — Волховский район Ленинградской области
Гд. — Гдовский район Псковской области
Дед. — Дедовичский район Псковской области
Дн. — Дновский район Псковской области
Кр. — Красногородский район Псковской области
Локн. — Локнянский район Псковской области
Ляд. — Лядский район Псковской области
Медв. — Медвежьегорский район Республики Карелия
Нев. — Невельский район Псковской области
Н-Рж. — Новоржевский район Псковской области
Оп. — Опочецкий район Псковской области
Осташ. — Осташковский район Тверской области
Остр. — Островский район Псковской области
Палк. — Палкинский район Псковской области
Пен. — Пеновский район Тверской области
Печ. — Печерский район Псковской области
Пест. — Пестовский район Новгородской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Порх. — Порховский район Псковской области
Пск. — Псковский район Псковской области
Пуст. — Пустошкинский район Псковской области
Пушк. — Пушкиногорский район Псковской области
Пыт. — Пыталовский район Псковской области
Себ. — Себежский район Псковской области
Сер. — Середкинский район Псковской области
Сл. — Славковский район Псковской области
Сош. — Сошихинский район Псковской области
Стр. — Стругокрасненский район Псковской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тор. — Торопецкий район Тверской области
Фир. — Фировский район Тверской области
Холм. — Холмский район Псковской области

L. Ivashko, D. Potsepnya, I. Lutovinova, M. Tarasova, O. Trofimkina, A. Eskova, I. Kukushkina. **Russian Northwest Country Folklife-orthodox Calendar (spring period)**

The essay based on the material of Russian dialect speech of rural residents of the North-West of Russia presents the everyday life of the peasants during the year. In chronological order the contents of the spring cycle (March – May) is described.

Keywords: ethnography, dialect, Pskov regional dictionary, church calendar, folk calendar, saint's day, revered saint, ritual.

ОДЕЖДА ЖИТЕЛЕЙ РЕЖИ КАК КОМПОНЕНТ ЛОКАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА*

Аннотация. В статье представлен опыт описания языковой картины мира сельских жителей Вологодского края на материале полевых записей, тематически связанных с описанием сферы традиционной одежды, обуви, головных уборов, украшений и пр. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного этнолингвистического описания режского диалекта. Фактологическую базу работы составляют материалы диалектологических экспедиций и картотеки словаря режского говора. В результате на тематически однородном лингвистическом материале определяется специфика локальной языковой картины мира, ее обусловленность необходимостью биологического выживания в природных условиях Русского Севера и коммуникативной адаптации человека в сельском социуме.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, вологодские говоры, лексика одежды.

Введение

Лексика одежды в русских народных говорах изучалась многими отечественными диалектологами, в том числе и на материале вологодских говоров [Паникаровская 1991; Судаков 1974; др.]. Вместе с тем исследование этой группы слов на материале значительного по объему архива записей речи носителей одного территориального диалекта стало возможным благодаря длительному (1983–2009) многоаспектному изучению говора Режского сельсовета (в настоящее время — Ногинского сельского поселения) Сямженского района Вологодской области. Одним из итогов

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-04-0025(а) «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома»).

этого изучения стала публикация монографии «Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта» (научн. ред. — Л. Ю. Зорина) [Режские тексты 2016]. Материалы монографии, а также архив полевых записей, сделанных нами в экспедициях 1994–1996 гг.¹, фиксируют устные рассказы местных жителей², посвященные традиционной крестьянской одежде. По материалам этих рассказов можно сделать вывод о том, какое место занимала одежда в жизни режского крестьянина, как вербализация его представлений об одежде характеризует локальную картину мира — что составляет в данной сфере круг значимых объектов, служит эталоном для формирования оценок и определяет состав типичных действий [Вендина 1998; Демидова 2007; др.]. Последовательность описания лексики одежды в нашей работе ориентируется на логику тематического раздела «Одежда, обувь» в программе «Лексического атласа русских народных говоров», на основании которой была организована беседа с информантами. Вспоминая нелегкое время середины XX в. (*Придѣшь к ученикám — родѣтели говорѣт. «Поштѣ не приходѣл в шкѣлу?» — «А ни одѣть, ни обуть!»*). *Ни этѣй одѣжды, ни обуви нет, дак вот как тут! И хлѣба, ничегѣ нѣ было* [Режские тексты 2016: 245]), они тем не менее сохранили в памяти многие названия одежды, обуви, головных уборов, украшений и пр., эксплицируя в своих рассказах крестьянское отношение к одежде, защищающей от неблагоприятного воздействия северной природы, удобной для повседневной носки и тяжелой физической работы, позволяющей своему владельцу продемонстрировать природную красоту, мастерство в рукоделии, социальный статус и имущественное благосостояние, а также многие другие качества.

---

¹Цитаты из полевых тетрадей приводятся в тексте статьи без ссылок.

²Игнашева Кладвия Яковлевна, 1914 г.р., Попова Анастасия Павловна, 1908 г.р., Попова Аполлиария Ивановна, 1910 г.р.; Фатиев Иван Дмитриевич, 1908 г.р., Черепанова Калистенья Павловна, 1911 г.р.; Чижова Серафима Гавриловна, 1919 г.р.; др.

Общие названия одежды

В режском говоре в качестве общих названий одежды используются многочисленные отглагольные образования: *оде́жа* (Ско́ль оде́жи-то одно́й за ё́й да́ли!; Оде́жу все́ сво́й ши́ли, по́льта вон Митра́ш шиу́), *оболо́чка* (Вон моя́-ка оболо́цькя, пода́й!; На двoр одна́ оболо́цькя, а пойдёшь куда́ — дру́гая); *скру́та*, обычно в значении 'одежда, предназначенная в приданое' (Вон уж де́уке вся скру́та заведе́на). Активно используются сингулятивы: *оде́жина* (Оболо́цькя — кака́я-нибу́дь оде́жина, ку́ртка. Э́та оде́жина с ле́та на гвозде́ виси́тся), *оде́жинка* (Каку́ю ма́терь баскую́ На́дке оде́жинку купи́ла — ту́тотка прибе́гивала), *лопоту́на* (Возьме́шь э́ту лопоту́ну, це́рез ру́ку переверне́шь и в шка́ф бро́сишь. На пра́здник полу́чше лопоту́ну на́бжат), *лопоту́нка* (Все́ перегла́дит, ни лопоту́нки не оста́вит. Баска́я на Шу́ре лопоту́нка), *лопоту́ночка* (И хоро́шая, и э́кая быва́ет лопоту́ноцькя. А уж бо́льно-то худу́ю це́го носи́ть?), *лопотёшка* (Моя́-ка лопотёшка́ и на ла́вице полёжит, не ве́шай!). Для именования совокупностей одежды используются собирательные существительные: *лопотё́* (Наложи́ла лопотё́ и быстрёхонько на рабо́ту!), а также общие названия одежды: *оде́жа* (Все́-то оде́жу не занáшивай!), *ло́поть* (Э́ка у тебя́ ло́поть-то вся худáя!). В зависимости от назначения по отношению к основной одежде диалектоносители дифференцируют ту, которая поддевается под нее для тепла: *подболо́чка* (Подболо́цькя полёгце, чтоб из-под ко́фты не ви́дко»), а также ту, в которую можно переодеться: *переоде́жа* (Нет ни у ко́го переоде́жи, а дожж. Переоде́жу с собо́й бра́ли в уколо́чэёк).

Нарядную одежду, предназначенную для ношения в праздничные дни, называли словами *наря́д* (С ве́цера наря́д гото́в на гуля́ньё) и *вы́ряд* (Ё́йной вы́ряд, па́роцькю, на стоу́ выкла́дывают; Вы́ряд? Кака́я мо́да бы́ла, то и на́дедут: на ве́церины ли, куда́ ли). Нарядной одеждой во времена молодости наших информантов был костюм: женская *па́ра* / *па́рочка* (Мо́лодцева́ть ста́ли — па́роцькя бы́ла маркизе́товая. Де́укам, сла́уни́цам, каки́е на вы́ходе,

покупáли пáры под цвет. Рóзовенькя пáра, с грибка́м, и на ко́фте, и на ю́бке) и мужская **трóйка** (А у ребя́т назывáлась трóйка. Вот сийця́с. Вот э́тот са́мый, как сийця́с его́ назывáют? Жилéтка-то? Пиджа́к, жилéтка вот, брю́ки. Вот па́рень тако́й ви́дишь, ему́ трóйка [Режские тексты 2016: 161]).

Изношенная, ветхая одежда называлась словами **барахли́на** (Како́я барахли́на! Бúдто и носíть не́цево! Барахла́-то мно́го, цево́ наку́пывать? Барахли́ну како́ю и доношу́, дорву́), **епанча́ / епанчо́** (Где моё епанце́, в огоро́д схожу́, дава́й цьто похуже́. Епанця́ — э́та са́мая оде́жина, похуже́, из хоу́стины), **лопотёшка** (Плоха́я на ём лопотёшка. Цьто и за лопотёшку наде́у? Гляде́ть срам! Лопотёшка-то на ём худáя, са́м-то сухо́й, нутро́м все́ скуда́йсё), **рванíна** (Наложíл рванíну. Рванíны-то не на́шивали, укро́пывали), одежда **заплáтная, крóпаная** (У ста́рой заплáтная оде́жа-то. Перéдник, фáртук-от, заплáтной, крóпаной), с **виска́ми** (На портóшине-то виски́ ви́сятсё. Штанб́ с виска́ми у него́ бы́ли, ви́ски-то до́ полу болта́лись).

Нарушение традиций в ношении одежды также имело в режском говоре вербальное выражение: так, неодобрение проявляется в именовании одежды излишне свободного кроя: **полóхало** (Ра́ньше в перехва́т старáлись, в та́лью ши́ли, а сейця́с како́и полóхалы пошлí! На мне вот плащ-полóхало, мешко́м кроён), а также в отношении человека, одетого нараспашку: **нарастропáшку** (Иде́т нарастропáшку и рукава́-те болта́ющце́. Иде́т нарастропáшку, и ну́глици-те не застёгну́ты. Уж пья́ной како́й ходит нарастропáшку).

Названия действий, связанных с одеждой

В составе глаголов, эксплицирующих действия по отношению к одежде, ведущее место занимают слова со значениями ‘надеть (надевать) одежду’: **наложíть** (Пальту́шку наложíла — росá у́тром; Наложу́, погоди́, пальто́ но́вое), **оболокчи́** (Надо оболокчи́ пальту́шку-ту), ‘одеться (одеваться)’: **оболокчи́сь** (Ну́-ко, оболокíсь, куда́ поше́у го́лой!), **оболока́ться** (Во цьто́ оболока́тьсё? Вро́де и тепло́, а вро́де и нет), по соотношению с кото-

рыми функционируют слова со значениями ‘раздеть (раздевать)’: **разболокчі́** (*Робёнка с ўлицы разболокці́ на́до*), **разболока́ць** (*Разболока́ць пока́ будёшь — а уж лўжа пód ноги на́теклá!*), ‘раздеться (раздеваться)’: **разболокчі́сь** (*Разболо́ксьё и пошеў*), **разболока́цца** (*Где разболока́цца-то?*), **разболо́кацца** (*Не на мíсце разболо́каццаёсьё*), ‘поддеть (поддевать) под одежду’: **подболокчі́** (*Хóлодно, дак на́до ко́фту подболокці́ под пальту́шкю-то! Подболокі́ дава́й, хóлодно!*), **подболока́ць** (*Подболока́ли для цёго́? — для тепла́ ли*), ‘переодеть (переодевать)’: **переболокчі́** (*Мо́кроё переболокці́ на́до*), **переболока́ць** (*А не́цёво переболока́ць-то!*), ‘переодеться (переодеваться)’: **переболокчі́сь** (*Пойди́ переболокíсьё, вёсь-ка мо́крой!*), ‘надеть (надевать) одежду сверх меры’: **навздева́ць** (*Сколь на себя́ навздева́ла!*), **навзде́вываць** (*Навзде́вываць-то на робёнка сколь пои́тё?*), **навздева́цца** (*Пого́да тёплаа, а навздева́лись*), **навзде́вывацца** (*Не на́до навзде́вываццаёсьё — спотиёшь!*), ‘застегнуть (застёгивать) застёжки на одежде’: **застегну́ць** (*Не все пўглици́ застегну́ла*), **застега́ць** (*Не застега́й: тепло́ на ўлице-то!*), **застегну́цца** (*Уж не застегну́цца, пошла́ го́лая!*), **застега́цца** (*Пўглиц-то на ко́фце — застега́цца уста́ннёшь!*).

Особую группу в режском говоре составляют глаголы, маркирующие действия по отношению к нарядной одежде: **ба́сiць** ‘наряжать’ (*Детей́ э́ко ба́сiць ста́ли!*) и их производные — **ба́сiцца** (*На пра́здник ба́сiлись, ба́ско одёва́лись. А деўки-то ба́сятсьё — бисеро́к надёнут на па́роцькю-ту, плато́к но́венькой*), **вы́басiць** (*До́цькю-ту вы́басили как!*), **вы́басiцца** (*На пра́здник пойдўт куда́ — вы́басятсьё, цьто па́рни, цьто деўки*), **выбаи́аць** (*И не по цьто так выбаи́ацьсьё-то для кина́-та!*), **разбаси́ць** (*Разбаси́ли меня́ деўки-то как!*), **разбаси́цца** (*Не по доста́тку разбаси́лась-то!*), **убаси́ць** (*Па́роцькю убаи́али вся́ко, как уж мо́гли*), **убаси́цца** (*Невёста уж как убаси́тсьё!*), **убаи́аць** (*Нацўну́т вся́ко-то убаи́аць — кто вíшьёт, кто грибка́м розошьёт*), **убаи́ацца** (*Деўки дак — са́моё вре́мё убаи́ацьсьё!*).

О бережном отношении к одежде свидетельствует активное функционирование в режском говоре глагола **кропа́ць** со значе-

нием 'зашивать, ставить заплаты' (*На швэйке кропáть б́уду, заплáты налажáть*) и его производных с различными аспектуальными значениями: **закропáть** (*Закропанноё, носí дáльше*), **перекропáть** (*Всю-то одёжу перекропáла у робятíшок*), **покропáть** (*Нáдо покропáть у окнá, покá не стемнáло*), **укропáть** (*Штань-ти все укропаны. Рванíны-то не нáшивали, укропывали*).

Верхняя одежда

Историко-этнографические исследования в области традиционного русского костюма [Маслова 1956; Работнова 1964; Русские 1970; др.] свидетельствуют о том, что верхняя одежда мужчин и женщин слабо дифференцировалась по основному крою, отличаясь друг от друга преимущественно в области деталей (длины, отделки, украшений и пр.). Это вполне справедливо по отношению к верхней одежде режских крестьян. Верхняя одежда в режском говоре (например, **шуба**, **шубняк**: *Шубы, а ещё шубнякí, так звáли*) различалась по наличию или отсутствию ткани на внешней стороне изделия (*У м́ужа крýтой тулуп быў. Крýтая шуба бы́ла хорóшая!; Как тулуп, у богáтых — кошу́ля. У нáшего брáта не бы́ло кошу́ль; А кошу́ли — это что такое? — Шуба, шуба. Пинжакóв мóжет обшíть полосáтым с нítкам дóма, а нет — матёрцáтым пóлам, что там бы́ло мáло дак, домáшний пинжáк как б́удто* [Режские тексты 2016: 186]), а также в зависимости от его длины (*Зимóй шубнякí носíли, по-топéрежнему полушубки; Шубняцёк до колéна. В шубняцёкé поéхаў, в корóтком*). Жители Режи, родившиеся в начале XX в., помнят названия старинной верхней одежды из домотканого сукна (**армяк**, **зипун**, **кафтáн**), но обычно употребляют по отношению к данной реалии слова **сукмáнина** (*Сукмáнина. Из хоўстá домáшнего шíли. И так шíли, и в перехвáт. В сукмáнине рóбить ходíли, набóжат — и пошлí. Сукмáнина — пинжакí шíли дáльше колéна, и мужикí, и жéницы носíли. Сукмáнина с воротникём, не с боўшím, врóде остéбенья. Ткань потóушише брáли сукмáнину дéлать*) и **сермяга** (*Цьтё кафтáн, цьтё сермяга, на боркáх шíли, хоўстíна своя бы́ла и швець свой шиў*). Позже в обиход режских крестьян во-

шла верхняя одежда из материалов промышленного производства: *кúртка* (*В кúрке к свáтѣ раз и ходíла*), *фуфáйка* (*куфáйка: Куфáйки-ти пóсле пошлí, как в лiсе-то робóтать стáли*), плащ-*накíдка* от дождя (*Из кле́нки пошьóт на дождж, хоть и с рукавáм, а тóжо накíдкой назовóт*) и др.

Женская одежда

Верхняя плечевая одежда³, предназначенная для женщин, дифференцируется в режском говоре по особенностям кроя: *троеи́шóвок* (*трояи́шóвок, трои́шóвок*) ‘пальто цельнокроеного силуэта, с двумя рельефными и средним швом спины, расширенное книзу’ (*Дéушки приходíли в цёркву в éтих трояи́шóўках, в перехвáт узкё сидíт, лóўкё!*, *Трои́шóўки бýли такiе. Бы́ла вот жéнская — трои́шóвок назывáўся. В подóле бýло широкó, а здéсь-то не широкó, так. Э́то трои́шóвок. Трои́шóвок. Э́то до нас еи́шó. Мы не нáшивали* [Режские тексты 2016: 160]), *двоеи́шóвок* (*Мне мáма дак говорíт: «Перешивáй пальтó моё сукóнное». У её двоёи́шóвок был, звáли двоёи́шóвок, тождё сукóнное. А вот перешивáли. «Снесём, — говорíт, — на Копы́лово к Митряшóу». Вот и сои́ла пальтó* [Режские тексты 2016: 130] и др.), по материалу (*В Таи́кэнт в плóшевой оболóчке приéхала, а там такáя же мóда*), а также по длине (*Фрэнчики ещё носíли. Он такóй фрэнчик вот, с плáшечками, ремешóк прии́т. Вот эдак одéнут на себя, и так это бýло óчень хорошó, прилiчно. Котóры дéвките форси́стые бýли, форси́стые бóльно дак. Лóвки фрэнчики-то ши́ли* [Режские тексты 2016: 130]). Укороченное женское пальто именовалось словом *сак* (*Сак, такóй жо пинжáк. Сак был на вáте и на кудéле. Говорíли: сак шить, а вáты нет, дак ши́ли на кудéле. На мне был сак домáшнего издéлия, сáми прýли, крáсили да ши́ли. Сак из сукнá недлiнной, не как пальтё. В сáцъке-то как пойдёшь — мóдно! Я приéхала, дак все прибёжали: ой, на дéвоцъке сáцёк-от!*). По наблюдениям Е. И. Новиковой [Новикова 2000],

---

³Подробнее об этой группе слов в севернорусских говорах см.: [Крылова 2002].

заимствованное из французского языка слово *сак* получило в русском языке широкое семантическое развитие: оно используется как общее название верхней женской одежды, а также называет различные ее виды: пальто, полупальто, фуфайку, жакет, жилет, кофту и др.

Короткую утепленную кофту без рукавов, по утверждению Г. В. Судакова [Судаков 1999], русские женщины начали носить с XVII в. В режском говоре этот вид одежды называют словами *безрукáвка* (*Безрукáўкя, Райскя, снимí!*), *епанчá* (ж. р.) / *епанчó* (ср. р.) (*Безрукáўкя — ёто епанця, теплúшка; Где моё епанцё, в огород схожý*) и чаще всего *теплúшка* (*Теплúшкю шíли из хоўстíны, кудёли полóжат да, вáты ве́дь не́ было!; Теплúшки-то рáзныё бы́ли. У меня́ вот вишь теплúшка фланелькёй подб́ита* [СВГ 11: 18]; *Теплúшкю и пододева́ю под кúрткю*).

Как основную нарядную одежду своей молодости режские информанты вспоминают *па́ру* — женский костюм, состоящий из кофты и юбки, сшитых из одной материи (рис. 1) (*Па́ру носíли еишо́ — ю́бка с пласта́ми была́, пла́стик к пла́стику кругóм, а ко́фта с на́пуском. А отлáсная па́ра была́, дак с кру́жовом, тóжо ю́бка с пласта́ми, а верх-то роспашо́нка* [СВГ 7: 7]).

Женская кофта именуется также *нарукáвником* (*Нарукáўникот, полá да спина́, с ошлацька́ми тут, ёто шíли из своего́ материáлу íли из кúпленного*). Для придания нижней части костюма пышности надевались накладные юбки (*накладу́шки: На веце́ринны наряжа́лись. Кто сухíё — дак накладу́шки надёвали*). Как отдельный вид женской одежды информанты вспоминают также платья прямого покроя (*капо́т: Капо́т — такоё́ пла́тьё с отде́ўкям. С в́итацькям, прямóё*). Достаточно подробно характеризуются различные виды *сарафа́нов*⁴ (*Сарафа́н попере́к сукóнной да. Так и ходíли на веце́ру дак, пёстрые сарафа́ны да. А сítченик-от в воскресёнье носíли* [Режские тексты 2016: 185]). Информанты дифференцируют их по материалу (*кума́шник:*

---

⁴Подробнее о названиях сарафана в севернорусских говорах см.: [Крылова 2001].

*Кумáшник — дак он красной, из кумаця), по специфике кроя (Са-
рафа́н доўгой, косоклі́ннай), а также в зависимости от обстоя-
тельств ношения (частоношэ́вный: Говорі́ли: цястоношэ́внай,
ця́сто носі́ли дак).*

Рис. 1: Информант Анастасия Павловна Попова в свадебных *па-
рочках* 20-х гг. XX в.

Нижней женской одеждой была рубаха⁵, *испóдка* (*Испóдками-
то* и назывáли бельё. *Испóдки с окёткой шйли: тут подстау́шка,
а тут станові́ну пришью́т*). Информанты в деталях описыва-

---

⁵Подробнее о названиях рубах в севернорусских говорах см.: [Крылова 2002].

ют детали ее кроя (*Вёрхняя-то цясть — рукава́, а это пойдёт станові́на, а всё вме́сте исподка. К станові́не поподб́льницу пришива́ли. Это пришива́ли подбо́у, всё форси́ли ра́ньше!*; Тут у её *грудіно́цька* *была́ вышита. Наза́д — дак это спи́нця*), фокусируя внимание на тех ее частях, которые были доступны постороннему взгляду и поэтому шились и украшались с особой тщательностью (*Остебе́ньё-то где, дак и розошьо́т всяко; У во́рота собира́ли на нитке, я ви́дела, у стару́х со́брано, дак это собира́ушка; Подб́льницы-то вон каки́ё, к станові́не пришьо́т, чтоб побáшше!*).

Как важное дополнение к основной одежде информанты характеризуют различные виды фартуков⁶. Обычно использовался *перёдник* — фартук на лямках, завязываемый сзади (*Перёдники ра́ньше с лемца́ми ші́ли, с гриба́м*), был также известен *фа́ртук с остебе́нем*: такой фартук имел воротник, к нему пришивалась кокетка, от которой спереди и сзади отходили широкие цельнокроеные полотнища. Информанты вспоминают также *нарукáвники* (*Нарука́ўники-ти ші́ли из хоўста́, тут завя́жут да тут завя́жут дак*) и *ногаві́цы* (*Ногаві́цы-то сюда́ вяза́ли, кругáм вяза́ли из ші́рсти, резі́нку, кто умі́ёт*).

Мужская одежда

Из традиционной мужской одежды режские жители вспоминают штаны и рубаху, детализируя особенности их кроя (*Отки́д — это у косоворо́тки, он отки́дываўсе́ э́дак; Порто́шина вся обтрепа́лась, штаны́ ста́рые дак; По-дереве́нски дак это се́редышом* *называ́ли*). Нижнее белье именовали *исподкой* (*Ни́жноё всё исподкой* *звали, у ко́го хошь*). Традиционной мужской верхней одеждой называют *сермя́гу* (*Сермя́гу у бога́тых люде́й так ші́ли из сукна́, рабо́цию сермя́гу де́лали из тка́нова, са́ми тка́ли и ші́ли. Сермя́га на борка́х*).

---

⁶О названиях фартуков в русских говорах см.: [Кудряшова 1998; Осипова 1998; др.].

Обувь

Общие названия обуви, а также действия по отношению к ней, в режском говоре преимущественно формируются на базе связанного корня *-у-*: *обутка* (*У меня детей много, дак целый угоу обутки, ой, как в магазине!*), *обуть(ся)* (*Во цыто обуться? Обуй эти вот, не текут*), *обувать(ся)* (*Обували детей как могли. Обуватьсье надо, роса*), *обутий* (*Я ведь обутая, не босая. Посмотри вон-те: все обутиё бегают, а ты босой*), *разуть(ся)* (*Розуйсье! Розуй сапоги-те!*) и др. Среди общих названий обуви выделяются также отглагольные дериваты, называющие старую, изношенную обувь: *опорки* (*Я всё бегом бегала. Сниму туфли — эти-ка, цёго есть на ногах, не знаю, цётё за опорки были!*), *отопки* (*Возьми вон отопок!*), *ступни* (*Ступни, ими мыли на Пасху избы*). Информанты разделяют обувь для постоянной носки (*овыденщина*: *Ежеднёуная обувь — овыденищина. Целовек надевает в простое время и в праздник*) и праздничную обувь ((*на*) *вильюдьё*: *Это сапоги на вильюдьё*), а также характеризуют особым прилагательным неудобную обувь: (*неловкая*: *Неловкая обувь, дак собьёшь все ноги!*).

Традиционно в крестьянской культуре была распространена плетеная, кожаная, а с XIX в. — валяная обувь [Судаков 1983]. Названия *плетеной обуви* в русских говорах дифференцировались в зависимости от сырья, по способу плетения, ношения и степени изношенности [Толкачева 2014]. В речи наших информантов эта дифференциация уже обнаруживается весьма слабо (*Ланти липовые — доуге моцили в реке корье, кору-то снимают, пуцёнки — пуцёк завалят в реку, кожурá-то слизёт, волокне остаётсье. Вот и плетут ланти. Крепкиё уж это ланти. Вот у тебя ланти, верёвки вешаютсье. Ланти плетут из бересты, из берёзового лыка. Бецёука — липовые верёвки вяжут, из них вьют. Лыка уж никому не отодрать. Умри наш наростыш — никому на кроснах ничёго не сделать!*). Отчетливо выделяются лишь названия низкой плетеной обуви (*ступни*) (<Ланти> и *ступень* — это разное. *Ланти* — дак носочек дак такой маленькёй, маленькёй у лантёй.

А как у ступней, дак высоко, вот уж до этого места плетут [Режские тексты 2016: 98]). Этот вид обуви, как и другая обувь без голенища (*бахилы, опёрки, обрѣзки* и др.), был весьма востребован для работы на улице и в помещениях для скота (*Есть ступни, они́ как туфли, у них задник повѣше немножечко, цѣтѣбы ногá держáлась; Ходили на двор жѣншиины. Федосьевна всю жизнь ходила на двор в ѣтих опёрках, в обрѣзках; Отец дак у нас плѣл, не водил босиком на сенокос. Мы в лесу были — и то надевали ѣти самы́е ступни-те, на верѣўки-ти ладили да сѣном обѣёмсѣ. В сапогах-ти ноги-ти мѣрзнут, а как ѣти надинѣшь, ступни-ти, в ѣтом, <в> портянку-то накладѣм сѣна-то да завѣём, тудá ногу-то пехнѣм, дак ногá-то разгорáется там. А в ѣтом, в сапогѣ-то, дак хóлодно, там ведь уж засты́ло* [Режские тексты 2016: 99]).

Неотчетливо детализируя названия *плетеной обуви*, режские жительницы легко перечисляют и подробно описывают современную кожаную обувь: сапоги, башмаки, туфли, ботинки и пр. (*Топѣрь жѣнских-то и нет башмакѣў. Были с пѣгоўкям, с резинкам, на небольшом, тоўстом таком каблукѣ; Ёто босовик кожаной. До цѣго хоробшиѣ босовики! Тапки по-топѣрежнему; Хлѣпанци и сейцѣс носят, волѣцят носкѣм, а сзádi пятá торцѣт*), практически не вспоминая устаревших названий кожаных сапог (см., напр.: [Халюков 2004]), дифференцируемых по материалу и технологиям изготовления (*Сапоги́ ведь носили под осень, будет ведь хóлодно-то, дак в сапогах ходили, плясали. Да, домашние сапоги́, да. Кто делал кóжи. У меня́ отѣц-от делал кóжи-те да* [Режские тексты 2016: 99]).

Наиболее практичной для условий северной деревни наши информанты считают летом резиновую обувь (*В резиновых-то как баскѣ! Дожжá не боѣшь никакóго!*), а зимой — валяную. Общее название валяной обуви в режском говоре — *кátаники* (*Кátаники-те нѣвыѣ, хоробшиѣ!; Да и кátаники-ти с колѣшами вот зимой-то дак не у всех бѣли, тѣлькѣ у котѣрой боуáтой, та хóдит с колѣшами* [Режские тексты 2016: 103]). В качестве нарядной валяной обуви жители Режи вспоминают *чѣсанки* (*Чѣсанки —*

тонкие валенки, под галоши. Форсистые дёвки да робята носили чёсанки).

Обувь ценилась за прочность, функциональность и удобство. Так, в представлении наших информантов высокие сапоги (*брóдни*) неудобны для повседневных сельских работ (*Ведь неда́унё брóдни-те появи́лись. На болóто? Брóдни-те волокчи́ть тудá? Пои́тё?*). Изношенную обувь в домашнем хозяйстве обычно ожидала «вторая жизнь»: голенище сапога или валенка шло на приспособления для уничтожения мух (*Ре́жешь на мухобóйню-то, дак от голёшки*), а изношенными лаптями перед праздниками мыли избу (*Дресвя́нный ка́мень раскрóшишь на пол и стира́ешь его отóпком* [СВГ 6: 95]).

Головные уборы

По мнению режских информантов, основным женским головным убором был платок — четырехугольный (*плато́к, фáтка: Мы ска́жем плато́к, а ра́ншио говáривали: пода́й мою́ фáтку! Вон в тако́й фáтке-то баско́й прии́ла! Кашамíрова фáтка бы́ла, по всем це́тырём кра́ям цветки́*) или треугольный (*косни́к, косо́к: У плато́цька три у́гла, дак косни́к. Косни́к-то ле́том носили. Треуго́льной — косо́к назывáли. Косо́к повя́жешь и и́дешь. В э́ких ко́сках и де́вки, и ба́бы*). В холодное время года под теплый платок надевался дополнительный (*А и фáтоцьку подбо́лакива́ешь, э́сли хо́лодно. Фáтоцьки бума́жные, кашамíровые*). Ношение женских шапок и шляп, по свидетельствам наших информантов, было показателем другого социального статуса или имущественного положения семьи (*Вот в пра́здники, вот в са́мый Петро́в день, если уж шла де́вушка от хоро́ших роди́телей, хоро́шо одева́ется, то у её была шля́пка. Вот как актри́сы сейча́с выступáют. Э́то гово́рят — шля́пошниця. Во, де́вка-то, гово́рят, хоро́шая, шля́пошниця!* [Режские тексты 2016: 162]).

Называя платок национальным головным убором русской крестьянки, Л. А. Климова и И. В. Назарова отмечают, что традиционные женские головные уборы, не-платки, носители говоров вспоминают весьма смутно, за исключением *пово́йника* [Клим-

кова, Назарова 2002]. Он шился на подкладке из тонкой ткани с утеплителем, его носили старшие родственницы наших информантов (*Мамáша у меня всё повóйник носíла, тóлько к нóце сымáла. Сзáди повóйники-те завязывалисё, а спéреди бисерóк нашивáли. Повóйники бисерóцкём вóшьют — вон как убася́т!*). Без головного убора выходить на улицу считалось неприличным (*В старопрэжные временá жéница без фáтки на úлицу и не показывалась* [СВГ 11: 168]; *Пошла́ голого́лбóукёй, как космáтка!*). Среди платков наиболее ценились изделия из дорогих покупных тканей, украшенные вышивкой и кистями (рис. 2).

Рис. 2: Шелковый платок 20-х гг. XX в.

Платок для повседневной носки должен был быть теплым (*Платóк-от небаскёй, а тёплой, хорóшой!*), немарким (*Фáтку не бóльно мáркую берí*), износостойким (*Не бóльно нóсятсё нóнешниё платкí-те! Мнё-ка фáтку покрéпце нáдо!*).

Состав видов мужских головных уборов традиционно был более разнообразным [Ненашева 2016]. Наши информанты вспо-

минают различные виды меховых шапок (*ша́пка*: Без уше́й, дак шапкёй прóсто зва́ли; *уха́нка*: Уха́нку шу́бную носили, с уша́м. Зимой мужики́ в уха́нках ходили. И ша́пки тут шили. Мужика́м все́ бо́льше уха́нки), из более легких головных уборов с козырьком вспоминают *ке́пку* (Летом ке́пку носили с козырьке́м, из кусо́цькёв верх-от), *карту́з* (В карту́зах ха́живали — тот ке́пки по́выше) и *фура́жку* (Фура́жки мужики́ носили пофорси́стее, с лаковым козырьке́м, ремешо́к над козырьке́м-то нало́жон, то́жо лаковой). Обычно зимой крестьяне носили шапку-ушанку, а летом кепку. Эти головные уборы ценили за удобство и износоустойчивость (Уха́нку-ту наденёшь, и те́пло! А коли́ студёно, у́ши ро-спу́стят — цытё еши́о на́до?).

Рукавицы

В крестьянском обиходе использовались различные виды рукавиц. Их шили из домотканой материи (*портяни́цы, портяни́е рукави́цы*: Бо́льше в портяни́цах рабо́тали, холиши́овые́ и ест́ь портяни́цы), из овчины (*шу́бницы, шу́бные рукави́цы*: А на́ руки рукави́цы накла́дывали, и портяни́ё, и шу́бные. Шу́бницы зимой́ нало́жишь), из кожи (*ко́жанки, голи́цы*: В ко́жанках, в голи́цах — из ко́жи их ла́дили), вязали из овечьей шерсти (Вя́звали рукави́цы-ти на иго́уках, коло́дешке́м. Вя́заныё, те́плыё), в том числе и перчатки (*перста́нки*: Перста́нки называ́ют, у нас вя́жут. У перста́нок персты́ вывя́зывают). Поверх утепляющих рукавиц надевались рабочие (*надёрни́цы*: Надёрни́цы по́верх на шу́бную рукави́цу и надева́ли. Надёрни́цы бо́льше из хо́усти́ны ла́дили, чтоб рабо́тать, рвать не жа́уке́).

Информанты называют составные части рукавицы: внешнюю часть (*верх, кула́к*: Свёрху-то кула́к, на э́том ми́стце́ккет-то и вы́шьёшь, быва́ло; *Верха́-та с вы́шиу́кям, побáшише э́дак-то!*), внутреннюю, ладонную (*надолон́чик*: А сн́изу-то надолон́чик), на которую нашивался уплотнитель (*надолон́ки*: Надолон́ки нашива́ли на рукави́цу-ту, цы́тоб кр́епце́ бы́ло, э́то кото́рым беру́т ме́стом, де́ржат), деталь кроя для большого пальца (*напа́лок*: Для на́пау́кя ми́сьтеце́ккё оста́влёшь, бу́лау́кям зако́лешь. Напа́лок —

если крючком – отдельно плетешок оставляют), а также внешний край рукавицы (*запёрстье: Запёрсье поужо вяжошь, а кто мѡжот, ризиноцькю вывязвау*).

Рабочие рукавицы должны защищать руки во время тяжелой работы (*В надѣрницах-то добрѡ работать-то, и мозѡлей нет!* [СВГ 5: 34]) и быть износоустойчивыми (*Крѣпкие надѣрничито шью, надѡле хвѡтит!* [СВГ 5: 34]). Основные, утепляющие рукавицы ценились за способность сохранять тепло (*Одѣнь перстынки-то: на улице-то ведь не тепло уж* [СВГ 7: 48]), они нередко украшались вышивкой на внешней стороне рукавицы (*Верха-та с вышьюкям, побѡшше эдак-то!*) или совмещением при вязке шерсти разных цветов.

Украшения

Украшением одежды служили детали кроя: цветные вставки (*лѡстовицы: К нѣжной рубѡшке и дѣлали ткѡные такѣе лѡстовицы. Хѡдят смотрѣть — нарядные, длинные, узѡры такѣе у слѡуниць, у дѣвок-то у богѡтых. И к полотѣнцю пришивѡли для крась. К нѣжной рубѡшке и дѣлали ткѡные такѣе лѡстовицы. Бумѡгу брѡли, котѡрая не линѣет, ткѡли узѡром*), *подѡльницы, поподѡльницы: В нѡшо врѣмѣ ни у когѡ не видѡла подѡльниць; Без поподѡльницы рѡньше мѡтушке рубѡху не дарѣли, всегда поподѡльницы нашивѡли* [СВГ 7: 160]), складки (*плѡстики, плѡстички: У ѣй от красной пѡры был казацѣк, он в тѡлью, там плѡстики сѡди; Он такѡй фрѣнчик с плѡстицькѡми, ремешѡк пришит, кокѣтка кругѡм былѡ*), сборки (*борь, борки: Сермяга не вездѣ в борѡх, а сѡди и тут; Сермяга на боркѡх. На нѣтку соберут — это борки*), сборки на рукаве, «фонарики» (*пѣшины: У трѡешѡуька рукау быу с пѣшинями*), оборки (*гриб, грибок, грибочек: Кошѡной гриб дак наискѡсь все стрѣгли; Казацьки-ти шѣли с грибкам; У меня рубѡшка былѡ с грибочькѡм*). Для украшения одежды использовались также различные приемы ткачества (*Да всякими — рѡзучки сдѣлают, не то что ли одинаковье, а тут и бѣль, и бѣлое, и красное, и синее, да эдакими полѡсками —*

красиво, кто как сумиет. Кто косорядочкой эдак красиво [Режские тексты 2016: 142]).

Одежду украшали **бисером** (*Я и сама вышивала платвё бисером — бисероцьки были бёленькиё*), **кружевом** (*Дак здись уж лёнта, кружовом нашьют и лёнтоцькю здись. На этом боку тут бантик такой и на этом бантик. А здись по перёдней, по полосе-то по вот, по перёдней-то полосе, дак вот нашьют здись лент, кружова и лёнтоцькю-ту соберут и нашьют, а здись-то уж вот бантиком сделают, тут и тут* [Режские тексты 2016: 104]), **вышивкой** (чаще крестом или гладью), верхнюю одежду оторачивали мехом (**обклад:** *Обклады-ти делали для басы*). Украшением служили также нарядные покупные пуговицы в сравнении с **костыльками** — самодельными деревянными приспособлениями для застёжки (*В войну пуговиць не было, всё на костылькях. Когда костылькём застёгивали. У меня пальтё было на костылькях*). Чаще всего украшались ворот и нагрудная часть рубахи (или кофты, платя), лямки сарафана, край рукава и нижний срез одежды, пояс [Крылова 2007] (*Рукава и с ошлагам делали, и так нашивали кружовы*)).

Состав женских украшений, по воспоминаниям информантов, был достаточно скромным. В ушах носили серьги, в том числе с подвесками (**лопátками:** *И ещё лопáтоцьки такие были, как надинёшь, дак до самого плеця. У Надежды уши отвесило, как у собаки! У лопáтки форма была разная*). В волосы вплетались ленты или полоски ткани (**косоплётки:** *Косоплётка — это тряпоцька, не лёнта*), вкалывались шпильки и заколки (**таракáшки:** *Таракáшки были аленькиё, синенькиё всякиё. В волосы эдак вставляли. Волосы пришищывали — таракáшкам звали. Это чёрные такие*). Наиболее разнообразными были украшения, надеваемые на шею, бусы [Бакланова 2014] (*Всякиё бусы носили — битущие и небитущие. Иные наложешь и сразу раздавишь, а янтарй крепкие были. Бусы мёукиё и крупныё надевали, жёутые и зелёные янтарй надевали. Различныё бисера были*). Цепочка (**поцёпка**) или шнурок с нательным крестом украшением не считались — они были обязательным атрибутом православного человека. И меньше всего украшались занятые тяжелой работой ру-

ки (*А которыё боуатыё-ти, дак носили кольца-ти дак и с камушками. А уж это у нас-то дак и не было эдаких* [Режские тексты 2016: 102]; *Я не носила ницёго, и венцяльного кольца не было; Браслёты? Вот уж не знаю я по-старинному, не видала ни на какой жёнишине*).

Подводя предварительные итоги описания лексики одежды в режском говоре, можно сделать вывод о том, что типичные свойства диалектной языковой картины мира — парцеллированность, утилитарность, стереотипность и экспрессивность — проявляются и в данной сфере. Внимание информантов фокусируется на тех свойствах одежды и обуви, которые защищают от неблагоприятных природных воздействий (холод, осадки и пр.), в течение длительного времени сохраняют свою пригодность для человека, обеспечивают ему возможность совершения разнообразных физических действий, а также служат для его внешней идентификации как представителя локальной гендерной культуры.

Литература

Бакланова И. В. Наименования янтарных бус в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014. С. 59–69.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М., 1998. 240 с.

Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. Екатеринбург, 2007. 86 с.

Климкова Л. А., Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб., 2002. С. 216–222.

Крылова О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб., 2001. С. 248–253.

Крылова О. Н. Наименования женской рубахи (на материале севернорусских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб., 2002. С. 224–228.

Крылова О. Н. Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах (ономазиологический и семасиологический аспекты). СПб., 2002.

Крылова О. Н. Костюм крестьянки Русского Севера как знаковая система // Русская культура нового столетия. Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 554–560.

Кудряшова Р. И. Названия женского фартука в переселенческих говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 176–181.

Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белоруссов в XIX – начале XX века // Труды института этнографии. Т. XXXI. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 543–805.

Ненашева Л. В. Названия головных уборов в говорах Архангельской области // Русский язык: история, диалекты, современность. Вып. XV. М., 2016. С. 41–46.

Новикова Е. И. Названия одежды в русских говорах Карелии (семантика слова сак и его производных) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000. С. 92–96.

Осипова Е. П. Типы передников и их наименования в Рязанском крае // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 193–198.

Паникаровская Т. Г. Отражение древнерусской и старорусской лексики в «Словаре вологодских говоров» // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 72–80.

Работнова И. П. Русская народная одежда. М., 1964. 76 с.

Судаков Г. В. Из истории названий одежды и обуви в вологодских говорах // Совещание по ОЛА. Тезисы докладов. Воронеж, 1974. С. 273–275.

Судаков Г. В. Старинная женская одежда и ее наименования // Русская речь. 1999. № 4. С. 109–115.

Судаков Г. В. Названия обуви // Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка. М., 1983. С. 20–62.

Толкачева И. В. Диалектные названия обуви в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 615–625.

Халюков А. В. Наименования кожаных сапог в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб., 2004. С. 233–237.

Сокращения

- Режские тексты — Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта: Монография. Вологда, 2016. 216 с.
- Русские — Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. М., 1970. 206 с.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

E. Iliina. Clothes of Rezha inhabitants as an element of the local picture of the world

The article presents the description of the language picture of the world in the perception of rural residents of the Vologda region on the basis of the field records of dialectal oral speech, which are thematically related to the sphere of traditional clothing, footwear, hats, ornamentation, etc. The relevance of the research is determined by the necessity of a comprehensive ethnolinguistic description of the Rezha dialect. The basis of the research includes observations of dialectological expeditions and a card index of the Rezha dialect dictionary. As a result, the research focuses on the thematically homogeneous linguistic data, that facilitated the revealing of the specificity of the local linguistic picture of the world, which are determined by the necessity of biological survival in the severe natural conditions of the Russian North and the communicative adaptation of a person in the rural society.

Keywords: dialectal language picture of the world, Vologda dialects, clothing vocabulary.

НОМИНАЦИЯ ОТЦА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование в архангельских говорах терминов с протозначением 'родной отец'. Приводится инвентарь терминов, используемых для обозначения родного отца в номинативной и вокативной функциях; указаны словосочетания; рассмотрены грамматический и семантический аспекты. Отмечаются метонимические и метафорические переносы: термины, обозначающие «отца», могут использоваться по отношению к отчиму, свекру, мужу, предкам, неродственникам, мифологическим духам-хозяевам, к самцам животных, предметам, становиться междометиями.

Ключевые слова: русская диалектология, северные говоры, термины родства, отец.

1. Родной отец. Инвентарь терминов. Номинация и обращение

Синонимический ряд понятия 'родной отец' в архангельских говорах содержит около 60 лексем, из них в вокативной функции зафиксирована примерно половина, используются и словосочетания с тем же значением (ок. 30 единиц). На словообразовательном уровне значение 'родной отец' затрагивает 4 основных корня (и их вариации): *бать-/бач-* (*батя, батенька, батька, батько, батюнька, батючко, батюшка, батюшко, бачко*); *тат-/тать-/тять-* (*тата, татя, тятя, тато, татенька, татенько, татка, татко, татонька, татонько, таточка, татушка, татушко, татынька, тать, татька, татько, татюха, татюшка, тятенька, тятенько, тятка, тятко, тятю, тятюшка, тятюшко, тятька, тятько, тятюшка*), *отец-/отц-/отч-* (*отец, отчишка, отчишко*); *пап-* (*папа, папо, папай, папалька, папанец, папанька, папаня, папаша, папашка, папенька, папка, папонька, папочка, папуха, папушка, папуш-*

ко, папынька). Все основные корни, обслуживающие этот термин родства, встретились как в номинации, так и в обращении.

Кроме вышеперечисленных, для номинации отца используется также лексема *родитель* и субстантиват *родной*. Многочисленны и сочетания: *родитель-батюшка (батюшко), отец-родитель, папушка-родитель, татка-родитель, татонька-родитель, родитель-сударь, сударь-батюшко; родимой (родной) батюшка (батюшко, батенька, батько, отец, папа, папонька, татенька, татка, татко, татушка, татушко, татя, тятенька, татюшка), родней отец (тятенька), тятя (тятенька) сердечной, богородной отец.*

Слова, включающие понятие 'отец', распределены по 1–2 склонениям, большинство из них относится к 1 склонению. В 1 склонении они относятся к мужскому роду, во 2 лексемы на -о склоняются по модели среднего рода, синтаксическое согласование идет, как правило, по мужскому роду. Наблюдается очень много соответствий между словами 1 и 2 склонений, практически все лексемы 2 склонения на -о имеют эквиваленты в 1 склонении на -а: *батько ~ батька, татько ~ татка, татенько ~ татенька, тятенько ~ тятенька* и т. д. (Табл. 1).

Таблица 1. Распределение лексем со значением 'родной отец' по типам склонения

I	II	
	мужской	средний
<i>батенька, батька, батюнька, батюшка, батя, батяточка, отчишка, тата, татенька, татка, татонька, таточка, татушка, татынька, татка, татюха, татюшка, татя, тятенька, тятка, тятюшка, тятка, тятюшка, тятя, папа, папалька, папанька, папаня, папаша, папашка, папенька, папка, папонька, папочка, папуха, папушка, папынька</i>	<i>отец, папай, папанец, родитель, тать</i>	<i>батько, батючко, батюшко, бачко, отчишко, тато, татенько, татко, татонько, татушко, татько, тятенько, тятко, тятюшко, тятюшко, тятко, тятюшко, тятюшко, папо, папушко</i>

Как видно из таблицы 1, во 2 склонении на -о зафиксировано около 20 лексем, тогда как в 1 склонении на -а единиц в два раза больше, т. е. около 40.

Встретилось соответствие 1 склонения на -а 2 склонению с нулевым окончанием: *татя* ~ *тать*: *Моего татя опеть брат и сестра или тётушка, евонна жёнка. Ни татя, ни брата, никого нет. Катька, татю-то пади в ноги-то.*

Лексемы с редупликацией *т* в твердом и мягком вариантах (*тат-*, *тать-*, *тять-*) на карте Архангельской области имеют относительно четкую привязку по зонам. Лексемы с корнем *бат-*, *отец-* и *пап-* являются повсеместными. При этом если лексема *отец* имеет 3 словообразовательных деривата (*отец*, *отчишка*, *отчишко*), то у корня *пап-* зафиксировано 14 дериватов — т. е. дериваты с корнем *пап-* по своим суффиксальным моделям повторили практически все модели с корнями *бат-*, *тат-*, *тять-*. Лексема *папа* и ее дериваты хотя и является для архангельских говоров относительно новой (имеются многочисленные свидетельства информантов о том, что сами они своих отцов *папами* еще не называли), в настоящее время широко распространена: *Раньше батьком звали, а мы уж таткой, а теперь хто и папой. А ешо звали папу не татей, а батькой. Папой не звали веком, всё батюшком, а некоторые таткой. Щас папами зовут, а раньше тата, татушка.*

Слово *папа* маркировано как «городское» или бытовавшее среди зажиточной части крестьян, явно ориентированных на город: *Татушка, папа по-городскому, тата в деревне зовут. А я жила при городе, там все звали папой. Папы как будто бы в городе, а у нас тата, а не папа. Мы звали не папа, а тата по деревне.*

Широкая вариативность номинации может сохраняться и в одном говоре: *Ну там раньше батюшко да матушка, али мама да татя, или мамка и татько, или мама да папа.* Это характерно не только для номинации, но и для обращения: *У нас Мишку всего запутали — хто татей зовё, хто папой. Спрашиват у своего тати: папа, ты татя ли папа? Ты папа мене али татя?*

Все основные корни, обслуживающие понятие 'родной отец' (отец, батя, тата, татя, тятя, родитель), используются и в функции вокатива: **Батька**, никаких толков нет. **Батько**, кура-то, глядилося, во! **Батюшка**, цего сѣдни будем делать? Вот и завицилась, на пець зашла, молю: **отец**, каку корову мне взять? Если выпил, то извините, **мати**, **отец**, заложил немножко. **Папка**, я, наверно, домой боле перейду. **Папушка**, скучам по тебе. **Татенька**, разрешите мне Таню взять взамуж. **Тятя**, Расскажи нам сказку.

Помимо вышеперечисленных корней, в значении 'родной отец' регулярно используется лексема *родитель*. Эта лексема может встречаться в сопровождении синонима, с пояснениями в любую сторону: А *родителя* звали **татка**. **Тятка** был **родитель**, я всё работаю, посуду делаю. У **татки** в этом месте было прогрызло, у *родителя*. **Родитель** мой, **тато** мой, в сузѣм ходил. Дом-от поставил **папушка** мой **родитель**.

Многочисленны примеры употребления этой лексемы как самостоятельной: **Двоѣ** от *родителя* остались **маленьки**. **Родитель** ёго был **рыбак**. Низку-ту избу **родитель**, а перѣд-от без его, без **таты** рубили. У меня **родитель** **лося** убил. У **родителя** в той избы **верстак** был, а **наверху** долго не живали при **тати-ти**. Мне **родитель** **покупал**. Приежджий **уцитель** поговориw **родителю**: «Отпусти **доцьку**, **Симеон Ефимовиц**». Мой **родитель** **сплавил** на **лошатке**, тут и он **почал рубить**. Ну и **вот**, **приезжают** к **родителю**... **Вот** это **называеця** от моего **родителя** **проводники**. Этот **домик** был **Севостьянова** **родителя**. **Нас** от **родителя** **осталось** **пять** человек, **все нетрудоспособные**. У **родителя** **средствов** не хватало. У нас **один** **только** был **мужчина** — **родитель**. **Лучше** **пособлю** **родителю**. Там у ней **родитель** **схоронен**.

Многочисленны синтаксические параллели, когда в одном контексте встречаются **батюшка** и **матушка**, **татка** и **мамка**, **мамушка** и **папушка** и проч. Существует и параллель *родитель* — **мать** (**мама**): **Один** **родитель** **ростил**, **мать** **рано умерла**, в **восемнадцатом**. **Родитель** **остался** **один**, **мать** **умерла**. У меня **роди-**

тель помер 54 лет, а мама сорока годоф. У меня и родитель, и мама была слепа. Она на маму, а я на родителя (похожа).

Для номинации отца и для обращения к нему используют сочетания. Они могут состоять из только из существительных или существительного с адъективом.

Сочетания с существительными: *отец-родитель, папушка-родитель, татка (татонька)-родитель, родитель-батюшка, родитель-сударь, сударь-батюшка (-батюшко): Отец-родитель два года заседателём был. Отец-родитель, татушка, спал на полу. Всё нам наказывал отец-родитель. Отец-родитель не бывал пьяной. Отец-родитель сказки сказывал, тожо сказывать. Мне отец-родитель сказывал, я забыла. Мне вот отец-родитель оставил эту избу. От отца-родителя отошла. Родитель-то батюшка, тоже восемьдесят годов у ево. Батюшка-то родитель схватил икону-ту из угла. Мне родитель-батюшко — татонько, тоды татой звали. У меня есть ищё лукошецько, татонька-родитель плёл. Дом-от поставил папушка мой родитель.*

Примеры, зафиксированные в фольклоре: *Кабы взамуж, кабы взамуж, кабы в середу домой, кабы был родитель-батюшко, приехал бы за мной. Уж ты батюшка родитель мой, не отдай меня за старого взамуж, я старого мужа смерть не люблю. Ты на цыто да рассердился, на своих на милых на родителей, на родителя на матушку, на родителя на батюшку (смертное причитание по внуку).*

Сочетания со словом *сударь* встретились только в фольклоре, в основном в качестве вокатива: *На белой свет спордила маменька, воспоил да воскормил сударь-батюшка. Ой, батюшка, ой, батюшка, ой ты батюшка, родитель-сударь мой, уж ты прими, уж ты прими, ты прими-ка слово ласковое. Розреши мне, сударь-батюшка... поиграть да повеселиться. Не шолкова ленточка к стеньки льнёт, а Иван перед батюшкой соловьём: Благослови, сударь батюшко, жениться на душечке хорошей девушке, на молодой девице на Марье своей...*

Сочетания с адъективами *родной, родимый, мой*: *У меня, бывало, батенька мой родимой говорит. У меня отец родимой был*

и дедушко, ой, как их всё хвалили! Наш отец родимой хорошо варил пиво. Самовар отец родимой покупал. Татка родимый был здоровый. Татушко-то у нас родимой сказал. У татеньки у моего родимого, он рябчиков бил. Родимого татеньку всё Митицька Митькин (называли). О, маменька, ты-то за родимого тятеньку вышла (замуж; а меня отдаешь за незнакомого человека). Я горю (говорю) — папонька родимой идё. Отец-то родный в Москве. Дети сразу же и пошли, стала к себе приучать, голубить, а отцу-то родному это было неладно. Галю муж держал лучше, чем родной отец, лучше своих детей любил. Папа у меня свой-от родный умер сорока двух годов, мама осталась молоденька. Родной татенька всех силой отдавава замуж. Мой татенька родной ездил на конях на Коношу, это в мою память. С родным отцом-то жил. Татя — это отец родный. Не пожила я у родного батюшка. Убили батька-то у ей роднова. Татеньки моего родимого благословение. Спасибо, родимый татенька, за последнюю ужинку.

То же в фольклоре: Ты сходи-ко, родимый батюшка, к кузнецу хитрому... Нет у тебя родимого батюшки, нет родимой матушки. Осержусь на батюшка, осержусь на матушку, три годочка к батюшку в дом я не зайду, на четвёртый годичёк пташкой налечу, родимого батюшка словом огрублю, свою родну маменьку слезами утоплю. Шила, не дошила да пошла батюшку казать: Родимой мой батюшка, то ли я ли не швея... Родимый мой батюшка, в монастырь я не пойду. Не жури, родной батюшко. Уж я первый-от поклон да положу уж за родимого да за татеньку... Родимый мой татенька, да родима маменька, я плацу, да не судацу, не родители-ти меня избивают, не братья да меня изгоняют, не сёстры да меня обростают (причитание). Причитала: Уж родимый татенька, уж на чево ты обзарился, уж не за удалово добра молодца, а обзарился ты на денежки (свадебное причитание). На ту пору на то время родный татенька не спит, вот калина, вот малина, родный татенька не спит. Сын пошол к оциу родному, дозволенья стал просить.

В словосочетании встретился адъектив богородный: Были ли бы богородны отец да мать, так дома оставили. Ср. с этим эпи-

тет *богоданный*, используемый по отношению к родителям мужа, свёкру и свекрови: *Богоданный батюшко или матушко* — так зовут свекра или свекровь (запись попа Ивановского, 1851). *Всё равно, евоны-то родители — батюшко да матушко — богоданны, богоданники. Молода-то была — любила, у богоданных родителей жила. Как хороша-то жирушка, богоданным родителям вековое поминаньеце.*

Лексемы *родной, родимой* могут использоваться в значении 'родной отец' как субстантиват: *От родного осталась на третьем годишечке — а этого (свекра) совсем не видала. Родной в обиду шибко не дават. Родного-то — таткой, тата. На высокую рябинушку залез папаша мой, раскачался рябинушка, упал родимый мой* (фолькл.).

Своего отца было не принято называть по имени [Качинская 2012]. Обращение к отцу в союзе с именем в наших материалах не зафиксировано, но зафиксирована номинация в сочетании с именем: *Анатолий есть батько-то, Ольги Васильевны муж. Отец-то Никифор умер, дак тому сколько было годов?* Но эти высказывания явно принадлежат не детям, говорящим о своем отце, а неким третьим лицам.

Практически полное отсутствие личного имени при терминах, обозначающих отца и мать, принято связывать с древнейшими запретами, в современной русской деревне совершенно не осознаваемыми. Вот как писал об этом Д. К. Зеленин: «Семейные табу на имена — явление очень сложное, и они выросли не из одной какой-нибудь причины. Первичной основой мы склонны признавать, вслед за Фрэзером, верования в магическую силу имени... У туток Алтая дети не произносят имени своих родителей, как бы считая себя недостойными этой чести... Тот же самый запрет отмечен и у сойотов..., и у карагасов... У русских не сохранилось прямого запрета, но фактически дети никогда не называют своих родителей по именам, а только: *тятя, батя, мама* (мои наблюдения...)» [Зеленин 1930: 139–140].

Если ребенок вдруг называл своего отца по имени, это могло рассматриваться как грубое нарушение этики, отказ от кровно-

го родства: *Воз где-нить опружится, и он не станет помогать, а сын-то не батькой, а Савой назвал, вот и говорят: батька Савой назовёшь*. Т. е. информант сетует на то, что дети не хотят признавать кровное родство и что помощи от таких детей не дождешься.

2. Метонимические и метафорические переносы.

Коннотации

Существительные, обозначающие в архангельских говорах отца, регулярно употребляются для обращения к неродному отцу (отчиму), к свекру и (реже) к тестю, к мужу, к мужчине-неродственнику; к крестному отцу и к священнику; к мифологическому персонажу (хозяину дома, леса, бани) и христианскому Богу. Эти термины распространяются на самцов животных, встречаются в комплиментарной функции, переходят в междометия.

По отношению к *свекру* в вокативной и номинативной функциях используются все 4 основных корня: *бать-* (*батько, батька, батюнька, батюшка, батюшко, батя*), *тат-/тать-/тятъ-* (*тата, татка, татушка, татушко, татька, татя, татенька, тятъка, тятя, тятенька*), *пап-* (*папа, папаша, папенька, папонька*), *отец-* (*отец*). При этом существуют две разнонаправленные тенденции: одна — называть свекра так же, как и отца, другая, противоположная, — разъединить номинацию родного отца и свекра: *Раньше татой только своего звали, а свёкор — батюшка. Отца всё таткой, а свёкра — батюшка, а свекрова — матушка. Отца-то звали тата, а маму — мама, така уш есть, а свёкра — батя. Отца я звала татя, батька, татенькой невестка называла. Раньше папами не звали, мы отца звали татко, некоторые звали татенько, татушко; ну, татушко — это свёкр.*

Не только отец, но и свёкор оказывается *родителем-батюшкой*: *К родителю да батюшке я приходила, роботушки-то у него я просила...* (фольк.)

Гораздо реже термин кровного родства с протозначением 'родной отец' используется для номинации или обращения к те-

стю: А зять тѣишу должен звать мамаша, а тестя — **папаша**. **Татка** — так звали раньше отца. А тѣишу, тестя, свѣкра, свекрову звали мамаша, **папаша**.

Все лексемы, называющие отца, регулярно используются по отношению к мужу. Если жена, говоря о муже, может называть его *муж, мужик, супруг, большак, хозяин, сам, мой, свой* и др., то в вокативной функции в отношении к мужу эти термины не употребимы. Возможность обращаться жене к мужу (и мужа к жене) по имени в северной деревне тенденция достаточно новая. Вот женщина настаивает на том, что она имеет право называть мужа по имени: *Я не за дѣдка выходила, я за Васю*. И действительно, по именам супруги называют друг друга редко: *Обычно в розговоре мужа по имени не хотят звать — батько там*. Чаще всего жена называет своего мужа *по детям* — так же, как дети, т. е. зовет его *отец (батя, тятя, папа* и т. д.), если у них есть общие дети, или *дѣд (дѣдушка, дѣдко)*, если у них есть внуки или если пара приблизилась к возрасту, когда положено иметь внуков. Тот же запрет на имя, который существовал в отношении детей к родителям, распространялся на пару муж ~ жена. Ср. у Зеленина: «...словесные запреты во взаимоотношениях между мужем и женой развились в теснейшей связи с верою в магическую силу имен... У сербов жена зовет своего мужа большею частью местоимением *он*; называть мужа по имени ей запрещено... Украинки на юге Киевщины тоже зовут своих мужей большею частью местоимением *он*... У русских широко распространена тектонимия: после рождения ребенка супруги именуют друг друга: *отец, мать*; прямого запрета на имя супругов нет, но явные следы его сохраняются в переживаниях (мои наблюдения); между прочим, жена даже молодого своего мужа часто называет: *старик*... Осетин не называет по имени своей жены, так же как и своей матери... У хевсур муж и жена не имеют права называть друг друга по именам...» [Зеленин 1930: 140–141].

Во всех приводимых контекстах речь идет исключительно о муже: *Батьком называю мужа, отец детям нашим. Отец — муж, а нынче дѣдушко. Отец — это муж в деревне, а старшие бу-*

ду, будут дедом звать. А мы звались — я его *батьюшкой* звала, а он меня *матушкой*. Мы с *отцом* сошлись, нас в Кушкопалу возили переписываця. *Батька* у меня всё на свете знает, с конца и до конца всё знает. *Батька* у нас работал кладовишыком, мужик-то мой. С *батькой* родила двоих. *Большак* — хозяин, без *большака* жить нельзя — муж, или *батько*. Мы с *батькой* пошли на венец (на венчанье). Это *батько* мой с Галкой. У меня *батьку* говорят — тожо лесничество скоро банкрот будет. Раньше только *отец* готовил, не давал жонке-то, бродила только обряжалась. Не знаю, мой *отец* што выдумал, дед выдумал. *Папа* хотел меня взять — я отбрыкалась (отказалась ехать на сенокос). Тожо не записалась, вышла за *татку* дак. *Тато* у нас топил днём, не должна угореть-то уж.

Данные лексемы употребляются также и в обращении: *Вот* они ушли, мама и говорит: *Батько*, спрятал бы ты мешка три жита, в землю закопал, под окошко. У нас тожо в розговоре: *Батько*, чё там? И он на меня — мать ли, Нинка. Вопросы ли *каки* — *батько*, ну чего будём делать? Да ты, *батька*, оступись ты, што говоришь!? А я, *батька*, поправила (все сделала) да прилегла да заснула. *Тата* говорит: *Матка*, поезжай. — *Ошалел, дедко?* Дорогой рожу.

В сфере заместительного родства для номинации отчима употребляются специальные лексемы, производные от корня *отц-/отч-* (*отчим, отчей, отчина*): *Неродной отец, отчим. Отчий* у меня тут у соседей. *Отцына* — если *неродной отец*. А *отец неродной* — *отчина, отца. Мацеха, отчина, пацерица, пасынки*.

Похожий термин с уничижительным значением употребляется и для номинации родного отца: *Така пьяна была, отчишка был пьяница. Етот, Витька, отчишко-то, трезвой не ходит, всё пьяно, всё пьяно! Иш отчишко пьёт. Зацем она его спустила пьяного, ну отчишко-то всё само пьяно, заливаецся. Она знат, што есть отчишко! Баба, деньги от отчышка! Где отчишко? Скорей бы отчишко приехал.*

Термины, называющие отца, употребляются и для наименования отчима. Видимо, эти термины чаще используются в обраще-

нии, но в наших примерах они зафиксированы в номинации: *Отчим быва, в глаза-ти папой зовут, а так-то отчим. Раньше, давно, родителей называли так, моя мама отца называла батюшко, хотя он ей неродной. Мне было пять лет, мать сошлась, так я звала таткой. Кто папой зовёт. С трема взял, не знаю, кто как зовёт.*

В номинации отчима используются также словосочетания *другой (неродной, чужой) батько, неродной отец (папа): Неродной он ему, батько неродной, а отчим не гоорили. А батько неродной, а так-то он её не обижат, а што неродной, то неродной, што уж. На инвалидности девка сидела — чужой батько так налупил ей. Отец неродный был. А потом неродный папа пришёл.*

По модели *незаконный ребенок* образовано и словосочетание *незаконной отец* — биологический отец, не являющийся мужем матери и официальным отцом своего внебрачного ребенка: *Зауголок — незаконнорожденное дитя, от незаконново отца.*

В сфере духовного родства для номинации крестного отца и в обращении к нему в архангельских говорах используются специальные лексемы *божат, божатушко, кока, коко, дериваты* от корня *крест-* (*хрест-*): *крёстнушко (хрёстнушко), сочетания крёстный (хрёстный) отец и крёстный папа, крестовый отец, субстантиваты крёстный (хрёстный), крестовый (хрестовый).* Таким образом, из терминов кровного родства, называющих отца, в значении 'крестный отец' используется в основном лексема *отец*, единичная фиксация — *крёстный папа: Раньше крестовый отец, он принимал от купели. Крестовый — крёстный отец, а женищина — крестова. Крёстново отца так и называли крёстный. А это когда ребёнок родитсе, крестят его в церкви, и тот мужчына, который держит робёнка, как поп крестит, и женичына — вот и называют божаткой ли крёстная мама, крёстной папа.*

Крестный отец (как и крестная мать) играл большую роль во время свадьбы: он выступал в качестве *посаженного отца* или *тысяцкого*, вел свадьбу: *Сейчас хрёстный отец. Он свадьбу ведёт. Хрёстный отец как посажёный отец.*

Крестные оказывались *вторыми*, или *наречёнными родителями* для своего крестника: *Божатка — в семье говорят, а теперь — наречённые родители. Вторые родители назывались божацъка и крёстный.*

В качестве крестного отца чаще всего выступал близкий родственник ребенка: старший брат, дядя, дедушка. При этом духовное родство считалась более значимым, чем кровное: *Он говорит: я тебе не дедушко, а я тебе крестовый, твой отец хрёстный.*

Термин кровного родства с протозначением 'отец' мог использоваться для именованя родителей, старших родственников: *Марфа, поди к отцям-то. А портно было токо белое: кольсоны тоже портяные, а наши отцы носили кольсоны только полотняны.*

При обращении к неродственнику, лицу мужского пола (любого возраста) из всех терминов кровного родства, обозначающих отца, используется только корень *бат-*, лексемы *батюшка, батюшко*: *Коленька, скажи, батюшко-то. На, батюшко, я тебя вытру (ребенку двух лет). Роботай, Ондрюша-батюшко. Ой, Олёша, суп занеси, батюшко. Нет, батюшко, недосуг дремать.*

Термин родства *батюшко* задействован в прозвище: *У ей мужик с Задорья был, Батюшом прозвала. Сашка всё Батюшом прозывают.*

Лексема *отец* (во множественном числе) наряду с лексемой *дед* (во множественном числе) используется для обозначения предков: *Это уш отцы наши да деды хозяйничали (делали). Всё природа: деды ставили, отцы прожили, не строили, и дети уж доживают. Две дедушковых — не наши песни, отцы-деды пели.*

Лексема *отец* используется и для номинации начальника: *Вы бы не узнали, ведь когда-то я спал, что приходилось будить по два-три раза, а сейчас малейший шорох — и уже слышу. Ничего не попишешь — забота, ведь я отец своего подразделения и за всех отвечаю (из письма с фронта).*

Корни *бат-*, *отец-* используются для обозначения священника (*батъка, батъко, батенька, батюшка, батюшко, отец*): *Батенька-то приезжает в церкву. Батъко кольцами переменят.*

Сегодня-то праздника в церькви-то нет — **батько-то** пьяной. Я ищѣ помню, **батьюшка** подал нам причастие, красненько вино. Я **отця** зову **батьюшком**, а ты попа — пошто? Он нам веть не отець! Я отца Олѣксánра за ёвóнну службу уважаю. В пословице: Для нас кто поп — тот и **батько**.

Корни *отец-*, *бат-* употребляются для номинации и обращения к христианскому богу (*отец*, *батьюшка*, *батьюшко*): *батьюшкой*, *отцом* будет и 'Бог-отец' (Саваоф) и 'Бог-сын' (Иисус Христос): *И Христос да отец названой его, сам Господь Савовоф, тут писано, жѣнки ходя молятсе, хороша йкона-та. И много не болела, не лежала, Господь батьюшка тожо хорошо её прибрал (о легкой смерти). Гром когда, гроза, приговариват, што пронеси бох тучу пустым-то местом, спаси, сохрани, батьюшко, отведи грозу-то, пронеси пустым местом. Какой роботы не подела-ла, вспомнишь — дак истинный Христос-батьюшко!* В пословице: *А восподь батьюшка видит, кто кого обидит.*

Отцом будет Господь и в традиционной формуле, завершающей молитву или заговор: *Будьте мои слова крепки и емки во имя отця и сына и святого духа, аминь. Ангел мой, хранитель мой, спаси меня, господи, выведи меня на истинный путь, огради от всех напастей и от смерти напрасной, от злых лихих людей и от зверья. Потом ведь во имя отця и сына и святого духа. ...перекрестите ребенка горящей свечей и скажите три раза: Во имя отця и сына и святого духа аминь.*

То же — об иконе с изображением Христа: *Мать была, не Отец.*

Используются термины родства с протозначением 'родной отец' и для номинации и обращения к мифологическим персонажам: «хозяевам» дома, хлева, леса, воды. Употребляются как однословные лексемы (*батька*, *батьюшка*, *батьюшко*), так и сочетания, содержащие термин родства: *батьюшка* *домовой*, *домоведушко-батьюшка*, *домовеюшко-батьюшко*, *батьюшко-батамушко*, *хозяин-батьюшко*, *кормилец-батьюшка*, *кормильник-батьюшко*, *батьюшка-соседушка* и др.: *А батька у овцы стал вязку вить из сена, овцы не полюбил хозяин. Сохожу с листницы — а мужик стоит,*

это батюшка стоял, батюшка-хозяюшка. Батюшко, дай нам пожить, постановать. Пой нас, корми и в тепле содержи. Если переезжаете в квартиру, надо у его попроситься: Батюшка домовой,пусти нас сюда пожить. Домоведушко-батюшко в дому, без него жить нельзя. Домоведушко-батюшко, иди с нами. Батюшко-домовеюшко, мы в дом новый заходим, ты нас люби, жалей, давай больше шиастья, шобы жить дружно. Батюшко-домовеюшко,поиграл и отдай! Да и нашли кошелёк. Всё домовейко просят: Домовеюшко-батюшко, пусти в дом. Батюшко-батаманушко, я пошла — и ты за мной, я домой — и ты со мной. Кормилец-батюшка, кормилица-матушка, приходите с нами (в новый дом). Корьмильник батюшко, корьмильница матушка, подёмте с нами, вы наперёд, а мы за вами — токо и словиц. Батюшка-суседушка, люби свою скотинушку, пой, корми, уход за ней веди, — это читали в три угла и кусочек хлеба ложишь за матицу. Не домовово просят, а «батюшко-хозяин» и «матушка-хозяйка». Хозяин-батюшко, хозяйка-матушка, пойдём со мною жить. Батюшко-хозяин, матушка-хозяюшка, царь небесной, царь воденой, царь лесной и царь земной, возьмите мою Узорушку на всё лето красной, пойте и кормите и вовремя домой приводите. У тебя батюшко-хозяюшко есть? За верёвочку возьму и идёт (новая корова): Хозяюшко-батюшко, полюби мою скотинку.

Может показаться, что в приведенных примерах лексема *батюшко* использована в комплиментарной функции. Это не вполне так, поскольку еще чаще, чем термин *батюшко* (и *матушка*) для обращения к духам используются термины *дедушко* (и *бабушка*). К домовому в мужской ипостаси обращаются с помощью терминов кровного родства: *дед, дедко (дедка), дедо, дедушко (дедушка), батька, батюшко (батюшка), братанко, братанушко (братанушка), дяденька* [Качинская 2015].

Мифологического хозяина леса называют *батюшка лесной, леший батюшко, батюшко-хозяюшко, леший-отец; Батюшка лесной там опять тоже есть. Батюшка лесной, разреши мне войти в лес! За яйца всё лето батюшко-хозяюшко ему помогал. Унеси тебя батюшко лешой, больше не приноси! Батюшко леший,*

скажи, кому што сбудется. Зачертятся сковородником, и потом тоже крикнешь, што леший-батюшко, зачертились, на замок заложились, скажи, кому што будет. Вот в большую старину говорили: **леший-отец**.

Мифологический хозяин бани — **батюшка-хозяюшка**: *Ево батюшка-хозяюшка уволок под полок и до смерти там запетал. А пой знат, как запетал.*

Термин родства с протозначением 'родной отец' используется для обозначения значимого для крестьян времени. Так, в народной культуре день Покрова Пресвятой Богородицы хотя и связан с женским началом, предстает как **Батюшка Покров**: *У нас батюшка Покров нашу деревню берегёт, она не гаривала. Потом Покров, батюшко-Покров, в Прохново, на Мышелово. В обращении: Покров, батюшка-Покров, награди избу теплом, а меня женихом. Трубку (печную) возьмишь и в сутной угов: «Покров-батюшко, покрой землю снежком, а меня женишком».*

Отцом в загадке оказался главный из четырех ежегодных постов, Великий пост: *Велик пост, да Филип пост, да Петров пост. Отец велик, сын Филип, доць Петровна, мать госпожа. У ей только две недели пост.*

Термины кровного родства могут использоваться в комплиментарной функции. В космогонии *отцом* оказалось небо (в противоположность земле-матери): *«Чтоб снять испуг у детей и даже у взрослых, вместе уйдут болезни, от испуга сходите утром, назорьке, на родник, опустите воду монету, перекреститесь и перекрестите Жжды родничек, и скажите: небо отец, земля мать, вода-свят, благослови сама себя неради хитрости, неради мудрости, а ради великой божьей милости..»* (письменный текст). В обращении к солнцу использован термин **батюшко**: *Здравствуй, солнышко-батюшко, обогрей.* «Отцовство» распространилось и на стихии. В обращении к ветру тоже используется термин **батюшко**: *У нас бабушка яйца кидала: Ветерок-батюшко! Какого надо ветра вызывала: подуй, подуй!*

У особой болезни *икоты*, которая умеет «разговаривать» сама по себе, без участия человека-хозяина, в которого она «вселя-

ется», есть *отец* и *мать*, что видно из диалога с этой *икотой*: *Хто отец ли мать, у икоты-то? А она: «Не скажу! не скажу! не скажу!» Икота-то.*

Для номинации самца животного используются лексемы *батька*, *батько*, *батьюшко*, *отец*. О кошках: *Мама такая цепачка-кая, может, батька ейный от той породы. У меня такой же быў котушко, это батько, наверно.* О птицах: *У копалы цухарь батько, лесны птицы (о тетеревах).* О быке-производителе: *Отцы-то теперь свои, чистокровных-то нет, завыврождались.* О взрослом медведе: *Два медвежонка кругом отца бегают.*

В ласковом обращении к животным лексемы *батько*, *батьюшко* используются в комплиментарной функции: *Што ты, котко, батьюшко!* К поросенку: *Иди, батьюшко, иди, голубушка.* К волку (в сказке): *Волкушко-батьюшко, пусти ноцевать.* К быку в заговоре: *Батьюшко-пестриюшко, иди за мной и шесят пудов неси за собой.*

Среди растений, которые делятся на мужские и женские, среди мужских растений (в отличие от женских) терминов кровного родства с протозначением 'отец' не зафиксировано.

В предметной функции «отцовство», в отличие от «материнства», встречается достаточно редко. Так, *отец* — средний палец на руке: *Пальцы на руках: большой, матка, отец, бапка, мезенчик или дочка.*

В остальных случаях лексема *батьюшка* зафиксирована в основном в комплиментарной функции в обращении: *На колодец за водой пойду, опять спрошусь: колодчик батьюшка, дай мне водицы.* В заговоре от тоски: *Печка-матушка, дымник-батьюшка, сними тоску-печаль-горюшко с рабы Божьей (имя) по рабе Божьей (имя), отнеси на морюшко, на само доньшко. Аминь. 3 р. (запись).* В заговоре после отела: *Его (коровий послед) закапывают в землю, чтобы не вытащили собаки, а то лягаться будет корова. Приговаривали: Послед-батьюшка, лежи, не шолохнись, корова-матушка, стой, с ноги на ногу не переступай, хозяйюшке молочко отдавай.*

В междометиях и междометных конструкциях используется только корень **бат-**: *батеньки, батюшка, батюшки, батюшко, батеньки мои, батеньки-светы, государи-батеньки, батюшки мои, батюшки-свет, батюшки-светы, батюшки мои светы, батюшки-светушки, батюшки святы, государи-батюшки, батюшки родные, батюшки исусе, батюшко мой, батюшко свет: Ой, чего я не поделала, дак батеньки, батеньки! Ой, батеньки, а вот так до полудвери занесло. А сколько этово леса нарубят, батеньки! А как пятилетки были, ой, батеньки! Батеньки мои, они это все унёханы. Клубники тут сейгод было батеньки мои! Грязинушки, батеньки мои светы, всё залито! Как я поглядела (на жениха) — государи-батеньки! Ой, батюшки, тебя оговорили: девка-то кака красивая. Сколько переработала — а такую пенсию, ой батюшки-светы! Ой, богацы раньше были, государи-батюшки! Я таких словов наговорю, батюшки Исусе! Отмоцило дак, ну ты батюшко!*

В заключение приведем пословицы, в которых появляется *отец*: *Не тот отец, который делал, а тот отец, который воспитал. Каки отци, таки и дети. Какой татко, дак таки и детки будут. Каки татки, да таки детки. Каки папки, таки детки. Говорят-то: отцов как псов, а мать одна. Отцы дак шо псы, материнско-то сердца — та всё болит. Отец помрёт — полсиротины, а мать помрёт — цела сиротина дитя. Не то одеванье, што отец нарядил, а то одеванье, што муж нарядил. Не та одежда, што отец да мать дали, а та одежда, што муж срядил, говорили. Чти отца и матерь, долголетен ты будешь на земле, — поговорька така. Чти отца и матерь, долговек и ишчаслив будешь на земли.*

Исследование проведено на материале архангельских говоров. Использованы изданные выпуски «Архангельского областного словаря» (АОС), Картотека АОС и собственные полевые записи автора.

Литература

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. IX. Л., 1930.

Качинская И. Б. Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров) // Алгебра родства. Вып. 13. СПб.: Кунсткамера, 2012. С. 95–110.

Качинская И. Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 2(30). С. 16–26.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–17. М.: Наука, 1980–2016. (издание продолжается).

I. Kachinskaya. The terms defining 'a father' in Arkhangelsk dialects

The article addresses the operation of terms (indicating) defining 'a father' in Arkhangelsk dialects, provides the inventory of terms used to refer to a father in the nominative and vocative functions, lists collocations and word combination, studies grammar and semantic aspects. Also noted are metonymic and metaphorical transfers: the terms defining 'a father' can be used to refer to the stepfather, father-in-law, husband, ancestor, not relative, male animal, thing, mythological spirits-masters, can become interjections.

Keywords: Russian dialectology, Northern dialects, terms of kinship, a father.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS

Боброва Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Колледж профессионального образования, Пермский государственный университет. E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Bobrova Mariia — Candidate of Philology, Associate Professor, Tutor, College of Professional Education, Perm State University, Perm, Russia. E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Бродский Игорь Вадимович — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. E-mail: kodima@mail.ru

Brodsky Igor — Candidate of Philology, Senior Lecturer, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia. E-mail: kodima@mail.ru

Васильев Валерий Леонидович — доктор филологических наук, профессор, филологический факультет, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. E-mail: vihnn@mail.ru

Vasilyev Valery — Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod, Russia. E-mail: vihnn@mail.ru

Ганцовская Нина Семёновна — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Костромской государственный университет. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Gantsovskaya Nina — Doctor of Philology, Professor, Senior Research Scientist, Kostroma State University, Kostroma, Russia. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Горлова Татьяна Владимировна — начальник отдела сопровождения публикационной деятельности, Костромской государственной университет. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Gorlova Tatyana — Head of department of maintenance of printing activity, Kostroma State University, Kostroma, Russia. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Драчева Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Вологодский государственный университет. E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Dracheva Yulia — Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology, Vologda State University, Vologda, Russia. E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Еськова Анна Дмитриевна — кандидат филологических наук, лаборант-исследователь, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: gratiaa@yandex.ru

Eskova Anna — Candidate of Philology, Research Assistant, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: gratiaa@yandex.ru

Ивашко Людмила Александровна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: msk.philol@mail.ru

Ivashko Lyudmila — Doctor of Philology, Full Professor, Senior Research Scientist, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: msk.philol@mail.ru

Ильина Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор, филологический факультет, Вологодский государственный университет. E-mail: filfak@list.ru

Iliina Elena — Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, Vologda State University, Vologda, Russia. E-mail: filfak@list.ru

Качинская Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: kacza@yandex.ru

Kachinska Irina — Candidate of Philology, Junior Researcher, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: kacza@yandex.ru

Кирилова Елена Алексеевна — преподаватель русского языка с методикой преподавания, Вологодский педагогический колледж. E-mail: kirilovaea@mail.ru

Kirilova Elena — Teacher of the Russian Language and its Teaching Methods, Vologda pedagogical college, Vologda, Russia. E-mail: kirilovaea@mail.ru

Колосько Елена Валентиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург). E-mail: evkolosko@mail.ru

Kolosko Elena — Candidate of Philology, Senior Research Scientist, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: evkolosko@mail.ru

Колесова Ирина Евгеньевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь, Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина. E-mail: mika-vologda@mail.ru

Kolesova Irina — Candidate of Philology, Scientific Secretary, Vologda Regional Universal Scientific Library named after I. V. Babushkin, Vologda, Russia. E-mail: mika-vologda@mail.ru

Комиссарова Татьяна Германовна — магистрант, филологический факультет, Вологодский государственный университет. E-mail: tatyana.komm@gmail.com

Komissarova Tatyana — Graduate student, Faculty of Philology, Vologda State University, Vologda, Russia. E-mail: tatyana.komm@gmail.com

Королькова Мария Денисовна — аспирант, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург). E-mail: skifane@gmail.com

Korolkova Mariia — Graduate Student, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: skifane@gmail.com

Кукушкина Ирина Сергеевна — лаборант-исследователь, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: st900307@spbu.ru

Kukushkina Irina — Research Assistant, Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: st900307@spbu.ru

Левичкин Александр Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург). E-mail: alevi66@gmail.com

Levichkin Alexander — Candidate of Philology, Senior Research Scientist, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: alevi66@gmail.com

Лунькова Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Смоленский государственный университет. E-mail: rina4@yandex.ru

Lunkova Ekaterina — Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology, Smolensk State University, Smolensk, Russia. E-mail: rina4@yandex.ru

Лутовинова Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, филологический фа-

культет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: msk.philol@mail.ru

Lutovinova Irina — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Research Scientist, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: msk.philol@mail.ru

Михайлова Любовь Петровна — кандидат филологических наук, доцент, профессор, Петрозаводский государственный университет. E-mail: posnm87@bk.ru

Mikhailova Lubov — Candidate of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia. E-mail: posnm87@bk.ru

Мызников Сергей Алексеевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий словарным отделом ИЛИ РАН, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы РГПУ им. А. И. Герцена. E-mail: myznikovs@rambler.ru

Myznikov Sergei — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Head of Dictionary department at the Institute of Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); Head of Chair of Uralic languages, folklore and literature, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia. E-mail: myznikovs@rambler.ru

Мызникова Янина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: janinam@mail.ru

Myznikova Yanina — Candidate of Philology, Senior Lecturer, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: janinam@mail.ru

Новикова Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Тверской государственный университет. E-mail: novikova_54@mail.ru

Novikova Ludmila — Candidate of Philology, Senior Lecturer, Faculty of Philology, Tver State University, Tver, Russia. E-mail: novikova_54@mail.ru

Поцепня Дина Михайловна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: dpotsepnaya@mail.ru

Potsepnaya Dina — Doctor of Philology, Full Professor, Senior Research Scientist, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: dpotsepnaya@mail.ru

Тарасова Марина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: mtarasova9@gmail.com

Tarasova Marina — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Research Scientist, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: mtarasova9@gmail.com

Трофимкина Ольга Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: msk.philol@mail.ru

Trofimkina Olga — Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: msk.philol@mail.ru

Яцкевич Людмила Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, филологический факультет, Вологодский государственный университет. E-mail: vayatskevich@yandex.ru

Yatskevich Ludmila — Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, Vologda State University, Vologda, Russia. E-mail: vayatskevich@yandex.ru

Научное издание
СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ
Выпуск 16

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано в печать 24.10.2017. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 18.83
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23

